

Виктор

18+

Виталий Калгин

последний
герой
современного
мифа

ПОЛНАЯ
ВЕРСИЯ

Герои эпохи: биографии

Виталий Калгин

**Цой. Последний
герой современного
мифа. Полная версия**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 785.071.1(470)
ББК 85.318

Калгин В. Н.

Цой. Последний герой современного мифа. Полная версия /
В. Н. Калгин — «Издательство АСТ», 2019 — (Герои эпохи:
биографии)

ISBN 978-5-17-107147-9

Виктор Цой. Это имя стало легендой для нескольких поколений молодых людей. Каким он был на самом деле? Где заканчивается правда и начинается твориться легенда? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней. Автор книги попытался рассказать о невымышленном Викторе Цое, попробовал детально восстановить факты его биографии и творческой жизни. Впервые в таком объеме публикуются откровенные свидетельства родных, близких, друзей, музыкантов – коллег Цоя, а также уникальные материалы – рассказы очевидцев, фотографии, письма, документы из личных архивов.

УДК 785.071.1(470)
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-107147-9

© Калгин В. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	6
Вступление	12
Часть 1. Цой и его «КИНО»	13
1962–1981	13
Детство и юношество	13
«Радоваться надо!»	21
1982–1986	38
«Сорок пять»	38
Разрыв	50
От «Пряжки» до «Сорока шести»	64
«Начальник Камчатки»	70
«НОЧЬ»	80
«Это не любовь»	90
«КИНО» в кино	105
«АССА»	131
1987–1990	141
1987	141
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Виталий Калгин

Цой. Последний герой современного мифа

© Калгин В. Н., текст, 2019

© Цой В. Р., стихи, по лицензии ООО «Национальное музыкальное издательство», 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Прошло почти 29 лет со дня гибели лидера группы «КИНО». Но до сих пор многочисленные поклонники собираются около стены Цоя на Арбате, песни «КИНО» звучат в эфире популярных радиостанций и их перпевают современные исполнители. Виктор Цой. Это имя стало легендой для нескольких поколений молодых людей. Каким он был на самом деле? Где заканчивается правда и начинается легенда? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней. Автор книги попытался рассказать о невымышленном Викторе Цое, попробовал детально восстановить факты его биографии и творческой жизни. Впервые в таком объеме публикуются откровенные свидетельства родных, близких, друзей, музыкантов – коллег Цоя, а также уникальные материалы – рассказы очевидцев, фотографии, письма, документы из личных архивов.

*В наших глазах крики – вперед!
В наших глазах – окрики «стой».
В наших глазах – рождение дня
И смерть огня.*

*В наших глазах – звездная ночь.
В наших глазах – потерянный рай.
В наших глазах – закрытая дверь.
Что тебе нужно – выбирай...*

Виктор Цой

От автора

Виктор Цой. Лидер группы «КИНО». Поэт, музыкант. Он погиб «в солнечный день в ослепительных снах», завершив перед этим запись своего последнего альбома, в котором голос его, кажется, уже тогда звучал из совершенно иного мира. Смерть Цоя стала его вторым рождением. На следующий же день после его гибели родился миф, его легенда, и случилось это в далеком от нас сегодняшних августе 1990 года.

Сегодня, даже по прошествии почти тридцати лет с момента его трагической смерти, для многих в нашей стране никогда не вравший и не лицедействовавший Цой значит гораздо больше, чем иные политические лидеры, артисты и писатели. Он всегда был самим собой. Ему нельзя не верить. Одинокая, справедливая, добрая и честная романтика Цоя привлекала людей всегда – и тогда, и сейчас. Сейчас, возможно, еще больше.

В конце 1997 года в журнале «Ровесник» журналист Алексей Поликовский написал такие слова:

«Миф о “КИНО” отпечатался на серой штукатурке домов, где с помощью баллончика с краской было выведено краткое, как лозунг: “Виктор Цой жив!” Это миф о рокере в черном, взлетевшем на небо в своем покореженном, всмятку разбитом автомобиле, миф о поэте, который, несмотря на смерть (или благодаря смерти), все равно остался здесь, с нами».

В 1990 году мне, автору этой книги, было 9 лет. Хорошо помню, как смерть Цоя, которого я уже тогда слушал, потрясла моих старших сестру и брата. Не буду рассказывать о себе – истории, подобные моей, можно прочесть в книге Ольги Лехтонен «Дети одного Солнца».

Удивительная музыка группы «КИНО» и неожиданная, странная смерть Цоя, повлекшая за собой суициды поклонников, побудили меня, как и сотни других, начать собирать свой собственный архив материалов о Викторе Цое и его группе. Я хотел знать о них все! Это было для меня необходимостью, подобной воздуху...

Сначала появились кассеты для обычного советского кассетника «Романтик» с ужасного качества записями, вырезки из газет, журналов, мутные фотографии Цоя, продававшиеся в газетных киосках («А у вас Цой есть?»), и жуткие переводные картинки, которые нужно было гладить горячим утюгом, чтобы приклеить их к белоснежной футболке...

Это сегодня двенадцати-пятнадцатилетние поклонники «КИНО» закачивают в MP3-плееры музыку, у них есть сканеры, принтеры, к их услугам магазины рок-атрибутики. А у нас, советских еще «киноманов», не было ничего. Мы ходили в драных джинсах (особый кайф был, если удавалось достать черные, в которых мы парились даже летом, в самую сильную жару), резиновых кедах советского производства, курили «Космос» (как и они!), сидели в подвалах и слушали «КИНО». Раз в неделю мы ездили на «сходку». На одной из пригородных железнодорожных станций собиралась сотня таких же, как мы, «пэтэушников», жаждущих информации, музыки и общения.

Сегодня, глядя на неформалов, раскрашенных красками для волос, в косухах, с пирсингом и дорогим татуажем, я с грустью вспоминаю своих друзей-панков по началу 90-х. Один красил волосы зеленкой (краски было не найти), носил цепочки от унитаза на шее, второй сам разрисовал ужасную «вареную» куртку, вшивал в рукава огромные молнии-тракторы, третий отливал из свинца необходимую атрибутику анархии и все такое прочее. Значки с Цоем я делал сам. Помню, как с завистью все разглядывали мои поделки...

Позже появились первые компакт-диски, книги, рок-журналы, цветные постеры, всевозможные модные неформальные вещи. Помню частые походы в городскую библиотеку, сидя в читальном зале которой я потихоньку острым скальпелем вырезал нужные мне материалы о Цое. Помню родительский видеоманитофон «АКАI», переписанные у Оксаны Печкобей концерты «КИНО» и бесконечную боль от того, что Цоя больше нет...

Помню групповые набеги на наконец-то появившийся местный рок-салон, в котором (чего уж тут скрывать) пока одни отвлекали продавцов, другие попросту воровали вещи, связанные с Цоем (богатые должны делиться!)...

Помню гопников, промышлявших у дверей этого салона, помню массовые драки с рэперами и мост «имени Цоя» (навсегда!).

Никогда не забуду август 2000 года – 10 лет без Цоя... Приезд в Питер, желтые розы Богословки, траурные ленты, ментовские буханки, забитые «киноманами», каменный уголь «Камчатки» и тепло ее топок, тогда еще не разобранных, не разбитых, не уступивших место столам, уставленным пивом... Куча дорогих друзей из разных городов страны и девушка, которую я встретил на Богословском кладбище, ставшая впоследствии моей женой. Помню обыкновенные почтовые письма, приходившие пачками, помню удивление родителей, вытаскивавших их из почтового ящика, помню посылки и бандероли с кассетами, на которых были раритетные записи акустических концертов «КИНО»...

Осенью 2010 года случился ряд событий, которые привели к тому, что я задумался о написании книги про Виктора Цоя. Книжки, которая бы стала альтернативой уже написанному. Писатель Александр Житинский как-то сказал, что за все 20 лет, прошедшие со дня смерти Цоя, ни одной нормальной книги о нем написано не было. Пришло решение восполнить этот пробел.

И когда решение созрело, вышла книга самого Александра Житинского «Цой forever», и я почему-то решил, что это и есть то, что нужно. Но, увы, – я ошибся. Ошибся, как и большинство поклонников «КИНО». Многостраничный труд оказался переработкой старого материала – книги 1991 года, написанной им в соавторстве с Марьяной Цой, с включением небольших дополнений и изменений. К сожалению, там не оказалось того, что все мы хотели прочесть...

Не было ни интервью, ни комментариев участников группы «КИНО», ни редких, ранее не изданных материалов, а самое главное – в книге было мало правды, той правды, которую должны знать поклонники «КИНО».

Моя подруга Мария Бурдакова (администратор сайта www.posledniy-geroy.ru), приняв мое предложение помочь с подготовкой материала и работой над некоторыми главами, написала на книгу «Цой forever» рецензию, впоследствии опубликованную на сайте издательского дома «Новый Взгляд». В своем читательском отклике она просто и внятно изложила то, что разочаровало ее в книге Александра Житинского. Александр Николаевич ей ответил:

«Со многим согласен, написал о том, что знал и видел. Привел свидетельства, собранные мною лично (на 90 %), что и считаю своей главной заслугой. Я не журналист, не музыкальный критик, не исследователь. Я свободный писатель. В этой книжке тот же "рок-дилетантский" подход, что был в "Путешествии" и в "Библии киномана". И рассчитана она в первую очередь на любителей музыки Цоя, которые, начиная слушать, еще мало знают о нем. Недостатки книги в недостаточном освещении сторон жизни и творчества, которые я либо не знаю, либо не понимаю. Но в том, что я знаю и понимаю, я не вру. И Вы, кажется, это заметили. Обдумывая претензии к книге, я понял, что ее недостатки, как это часто бывает, – это продолжение ее достоинств. А достоинство ее, как мне кажется, в том, что Виктор предстает героем чистым и романтичным, то есть таким, каким он был в первый, "ленинградский" период. Бедный гордый поэт. И таким я его люблю. Он ведь для меня литературный герой, и мне совершенно все равно, что какие-то картины остались за кадром. Сумбурное, искреннее и, может быть, даже придуманное отчасти письмо ко мне Наташи Науменко важнее для меня, чем перечень альбомов группы "КИНО" и всякая фактография. Жаль только, что Наташа опубликовала его раньше, чем вышла книга. "Московский" период с Наталией Разлоговой, Айзеншписом и прочими, безусловно, очень важен для Цоя, но я даже рад в результате, что я коснулся его поверхностно, иначе мне пришлось бы либо врать, либо обнажать картину музыкального шоу-бизнеса, который Витю "схавал", чего греха таить. Герой пал в этой борьбе и погиб чисто физически. Это

трагедия, писать об этом надо, но мне милее Цой, каким я вижу его в записках Натальи, которые для меня являются стержнем книги, ее камертоном, если хотите. Цой и Наташа вместе купают Женьку Науменко – идиллическая картина».

Да, действительно, Александр Николаевич Житинский не показал многого. Но, как он сам признавал, – потому что он многого не знал, а врать не хотелось. И это было правильное решение. Вранья о Цое и так достаточно.

* * *

Поклонники со стажем знают о Викторе очень много – от детских приключений и шалостей Вити до последних звездных гастролей группы «КИНО» – и способны отличить правду от лжи. Те же, кому сегодня пятнадцать, любят и уважают Виктора ничуть не меньше «стариков», но знают они гораздо меньше и, наверное, именно поэтому верят в придуманные истории о своем кумире. И это не их вина.

К сожалению, то энергетическое поле, которое оставил после себя Цой, породило целое море мнений, противоречащих друг другу. В них трудно ориентироваться, и из них порой невозможно составить цельный образ Цоя. Чем больше читаешь о нем, тем больше размышляются его черты, тем сложнее его понять и почувствовать. И «биографические» книги часто не приносят пользы, так как написаны по одному и тому же шаблону, транслируют одну и ту же общепринятую точку зрения.

Электронные и бумажные издания перепечатывают старую информацию (да еще и в урезанном виде) под новой обложкой и с другим заголовком, а журналисты искажают или подтасовывают факты для того, чтобы статья или передача, ориентированные на некоего среднестатистического «массового читателя», выглядели «эффектнее» и звучали «резонанснее». Основная задача этой книги – показать молодым поклонникам «КИНО», каким снежным комом предрассудков и фантазий обросла «история» Виктора Цоя: личность, жизнь, смерть. Даже те, казалось бы широко известные и очевидные сегодня факты в значительной мере искажены журналистскими комментариями и досужими домыслами.

В начале января 2012 года Александр Житинский, узнав от Марии о моей работе над книгой о Цое, сделал довольно интересное предложение:

«Давайте подготовим дополненное и исправленное издание моей книги. То есть восполним пробелы, включив туда и московский период жизни Вити, о Наталье и больше информации о музыке – альбомы, пристрастия, – короче, все то, в отсутствии чего Вы меня упрекаете. И сделаете это Вы. А я отредактирую и либо переиздам под двумя именами, либо отмечу в содержании, какие главы подготовлены Вами (в зависимости от объема и Вашего желания). Или просто напишите свою книжку о Вите и группе "КИНО", и я ее издам, как издал книгу Лены Пудовой... Короче говоря, друзья, я желаю Вам успеха. Пусть будет другая книга, с другим героем и массой новых фактов... Я понял, что тема для меня исчерпана. Я сделал, что мог, сделайте больше и по-своему. Это не означает, что я отказываюсь от знакомства или разговора. Пишите, буду рад. И сделайте свою книгу к юбилею Виктора. Ваш А. Ж.».

Но, к большому сожалению, смерть Александра Николаевича Житинского свела его предложение на нет...

Решиться на издание новой книги, которая отличалась бы от ранее изданных, было непросто. «Наивный поклонник, ни разу не видевший Цоя, что он может сказать? Зачем воспринимать его всерьез? У него нет никаких прав писать и рассуждать о Цое», – скажет кто-нибудь. Да, я поклонник группы «КИНО», ни разу не видевший Цоя вживую, не бывавший на его концертах, но владеющий информацией, при этом все имеющиеся сведения – «из первых рук», поскольку я лично встретился со многими по-настоящему близкими Цою людьми. И я

не просто готов поделиться своими знаниями с читателями, но выпустить такую книгу имею полное право.

Вот что с наилучшими пожеланиями написал мне Игорь Петрученко, один из тех, кто был знаком с Виктором и бывал еще на акустических квартирных концертах «КИНО»:

«Если Вы задумали писать книгу, то, пожалуйста, пишите ее, описывая предмет повествования с Вашей точки его восприятия. Если Вы находились внутри истекших времен и Вам есть что сказать по этому поводу, так и скажите. Если же Вы – не участник тех событий, так и пишите извне, ”со своей колокольни“. Так будет и честнее, и интереснее. Существует немало фильмов, авторских циклов и отдельных телерадиопередач, мемуаров, публицистики, книг, журналов (”Рокси“, ”РИО“ и др.), интервью и т. д., где показана и описана та эпоха. Наконец, осталась огромная масса аудио- и видеоконцертных записей. Хотя смотря что Вы задумали, – сборник интервью или собственно книгу. Это совсем разные вещи. Воспоминания людей, видевших Цоя в жизни, – воспоминания о встречах в магазине, в коридоре, в ”Сайгоне“, на улице, еще где-то... Воспоминания и интервью с людьми, которые играли с Цоем на одной сцене, записывались вместе, жили с ним рядом, нельзя назвать ”избитыми“ и ”замысленными“. Это и была ”жизнь“ во многих проявлениях, прожитая совместно с Виктором Цоем его близкими и друзьями, фрагменты которой представлены во всевозможных вариантах. Они максимально отражают (каждый в отдельности) тот след, который Цой оставил в их собственной судьбе, так же как глина наиболее правдоподобно хранит отпечаток от Вашего ботинка... Надеюсь, у Вас все получится».

Для того чтобы рассказать о Цое людям, далеким от темы, развеяв мифы и домыслы, пришлось ввести в текст биографические и исторические факты, касающиеся самого Виктора Цоя, а также группы «КИНО», и опустить многое из общеизвестного. Цой – это целая планета, и в рамках одной публикации невозможно отразить все грани его натуры. Разумеется, мнения людей субъективны и ограничены их собственным восприятием, но, опираясь на проверенные факты и комментарии по-настоящему близких Цою людей, и я, и Мария старались дать максимально полную картину того, что было.

Неимоверно трудно было уговорить участников описываемых событий, близких Виктора Цоя, поделиться хоть какой-то новой информацией. Одни сразу отказывались говорить, потому что уже все сказали (к примеру, Александр Титов и Борис Гребенщиков), другие (коих, к счастью, было немного) откровенно и прямо просили денег за воспоминания.

Но, так или иначе, манускрипт пополнялся день за днем. Добытая уникальная информация жгла руки, хотелось опубликовать как можно больше неизданного.

И вот наконец – дождались. В январе 2016 года книга увидела свет. Конечно, отзывы о вышедшей книге были самые-самые разные. Кто-то хвалил на все голоса, кто-то, наоборот, искал ошибки и обливал грязью – словом, реакция была совершенно ожидаемой. Ведь невозможно угодить каждому (хотя никто и не старался никому угождать), да и, как известно, на вкус и цвет товарищей нет...

Самым главным для меня было то, что вышедший труд высоко оценили музыканты группы «КИНО», родные и близкие Виктора Цоя. Именно их мнения стали решающими в оценке моей скромной работы.

Но жизнь не стоит на месте, и с момента создания основного текста книги прошло, по сути, пять лет. Я переработал текст, исправил допущенные в прошлом ошибки, внес значительные дополнения, обновил фотоматериал и иную информацию, и на выходе, на мой взгляд, получилась еще более интересная книга, чем предыдущая.

Огромное спасибо музыкантам группы «КИНО» – Георгию Гурьянову (посмертно), Юрию Каспаряну, Игорю Тихомирову и его жене Марине, которым понравилась идея написания данной книги, и которые согласились дать комментарии, что, несомненно, явилось самым ценным из всего изложенного. Спасибо Наталии Разлоговой за предоставленную информацию

и фотоматериалы. Спасибо за помощь в создании этой книги Александру Цою, Рашиду Нугманову и сайту www.yahha.com.

Также большое спасибо маме Марьяны, Инне Николаевне Голубевой (посмертно), за теплый прием и уникальные комментарии, спасибо Игорю Борисову и Андрею Крисанову (увы, тоже теперь посмертно), в далеком 1988 году помогавшим группе «КИНО» на концертах. Они не только поделились своими воспоминаниями, но и предоставили фотографии из личных архивов. Спасибо Юрию Владимировичу Белишкину – администратору группы «КИНО», Олегу Толмачеву – гастрольному директору группы, а также Виталию Фролову – эксперту, знатоку и коллекционеру – за предоставленные материалы и ценную информацию.

Спасибо за комментарии Алексею Рыбину, одному из создателей и экс-участнику группы «КИНО», спасибо Алексею Вишне, талантливому музыканту и звукорежиссеру, киносценаристке Ирине Легкодух, Дмитрию Левковскому, экс-администратору рок-клуба и директору групп «Игры», «Народное ополчение», спасибо музыканту группы «АУ» Евгению Титову за понимание и подробные воспоминания. Особая благодарность Джоанне Стингрей, Жоэлю Бастенеру, Оби Бенцу, Константину Кинчеву, Марку Шлямовичу, Евгению Додолеву, Антону Галину, Дмитрию Бучину, Игорю и Людмиле Петровским, Ирине Сокол, Наталье Крусановой, Роману Альтеру, Сергею Жегло, Роману Смирнову, Дженни Яснец, Ивану Бахурину, Анатолию Соколову, Николаю Краснопевцеву, Федору Лаврову, Владу Шебашеву, Сергею Фирсову, Алине Туляковой-Алонсо, Галине Кононовой, Всеволоду Гаккелю, Андрею Хлобыстину, Александру Флоренскому, Михаилу Кувшинову, Людмиле Козловской, Владимиру Густову, Светлане Борисевич, Элле Аграновской, Игорю Петрученко за помощь, интересные рассказы, комментарии и материалы.

Отдельно хочется поблагодарить Алексея Гостева, главного редактора алма-атинского журнала «Алау», за предоставление интересного материала и фотографий, Александра Николаевича Житинского (царствие ему небесное) за написанные им книги и материалы, а также руководителя арт-студии «Doping-pong» Дмитрия Мишенкина.

Благодарю за предоставленные материалы и воспоминания Сергея Алексеевича Конопиева, Дмитрия Громова, Марию Василенко, Андрея Андреева, Юлию Данилову, Наталию Максимец, Вячеслава Мещерякова, Наталью Колосову, Марину Струкову, Ольгу Лехтонен, Елену Гилеву, Алекса Штека, а также многих других людей, пожелавших остаться неизвестными...

Особая благодарность авторам, которые безвозмездно разрешили использовать свои фотоматериалы в книге. Хочется сказать огромное человеческое спасибо Дмитрию Конрадту, Юрию Бойко, Евгению Юфиту (посмертно), Алексею Вишне, Владимиру Новикову, Сергею Котегову, Валерию Алахову, Владимиру Кругловенко, Андрею и Айно Болдиным, Владимиру Немтинову, Николаю Краснопевцеву, Виктору Лаврешкину, Владимиру Головенкину, Алексею Кропоткину, Олегу Скрягину, Виктору Елизарову, Елене Константиновой, Йону Кальдану, Диане Русовой, Андрею Коткину и другим, чьи фотографии и материалы были использованы в оформлении этой книги. Благодарю всех тех, кто помогал в датировках и поиске верной информации, в частности – Алексея Марчену и Владимира Долгова.

Благодарю за понимание родных и близких, мне людей, всех тех, кто был рядом во время написания моего труда, кто верил и надеялся, всем тем, кто искренне ждал выхода книги, несмотря на множество бытовых и житейских проблем. Спасибо Вам, милые и дорогие мне люди...

Отдельно хочу поблагодарить людей, поддержавших меня в моем начинании, людям, которые, несмотря на все сложности современной жизни, нашли возможность помочь мне подготовить эту книгу. Благодарю: семью Масливцов и семью Дигай, Дмитрия Давыдкина (Москва), Александра Каминского (Николаев), Ларису Михно (Санкт-Петербург), Максима Ефремова (Тула), Анастасию Кривенда (Минск), Александра Давыдова (Омск), Марину Гребенькову (Курск), Наталью Лебедеву (Санкт-Петербург), Елену Невскую (Оренбург), Вла-

димира Воробьева (Нижний Новгород), Василия Игнатьева (группа «Фильм»), Елену Коноплеву, Ксению Новоселову (Санкт-Петербург), Светлану Галямину (Курган), Алену Ащеркину (Санкт-Петербург), Евгения Кушнера (Киев), Наталью Леонову (Москва), Алексея Николаевского (Калуга), Ольгу Вундер (Токио).

Сразу хочу сказать, что не следует безоговорочно верить всему тому, что говорят люди. В книге собраны мнения и воспоминания множества людей, на которые они имеют полное право, но которые при этом могут быть совершенно разными. И никто не сможет этого изменить.

Прошу прощения, если мои суждения или высказывания покажутся слишком прямолинейными, резкими или бестактными, но это неизбежно, ибо невозможно рассказать правду, не задев при этом ничьих чувств. В любом случае автор не обязан соглашаться или не соглашаться с позицией и мнениями людей, которые здесь приведены.

Вступление

Многие известные персоны становятся героями легенд и мифов. И неудивительно, что сами звезды и их продюсеры сочиняют о себе небылицы – пересуды всегда поднимают популярность.

Но человек, которому посвящена эта книга, жил в то время, когда шоу-бизнес в нынешнем медийном воплощении еще не родился и когда можно было стать знаменитым за счет своего основного занятия – творчества. Этому человеку претили скандалы. Он никогда не выставлял напоказ свою личную жизнь и тщательно избегал критических высказываний в адрес своих знакомых и друзей.

Однако легенд и о нем со временем появилось немало. По разным причинам. Но уж точно не за счет эпатажного поведения, приписываемого всем рокерам, а скорее за счет подлинной харизмы и, как бы горько это ни звучало, из-за трагической гибели.

Вымыслы в отношении Цоя касаются практически всех аспектов – начиная с истоков музыкального стиля и истории песен и заканчивая фактами биографии и ролью того или иного человека в его жизни. Одни домыслы «возвеличивают», другие «принимают» и часто уживаются в голове одного и того же человека, решительно противореча друг другу и здравому смыслу. Одним он представляется лубочной легендой, ангелом и пророком, героем-бунтарем, другим – своим в доску парнем, который, так же как все, курил, матерился, пел песни и любил жизнь во всех ее проявлениях... Интересно, что рождаются искусственные образы не только «в народе», но и в непосредственном окружении нашего героя – фантазируют и бывшие приятели, и коллеги, и случайные знакомые, и авторитетные музыкальные критики.

Итак, поговорим о лидере знаменитой ленинградской рок-группы «КИНО» Викторе Цое.

Виктор Цой. Каким он был на самом деле и как шел процесс создания его образа в массовом сознании? Можно ли как-то отличить правду от фантазии? Давайте попробуем если не восстановить истину, то хотя бы приблизиться к ней.

Часть 1. Цой и его «КИНО»

1962–1981

Детство и юношество

Родился Виктор Цой 21 июня 1962 года в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье учительницы физкультуры и инженера, в роддоме Московского района (м. «Парк Победы», улица Кузнецовская, д. 25), ныне в этом здании расположена кардиоклиника.

Брак родителей Виктора был смешанным: отец, Роберт Максимович, по происхождению этнический кореец из Казахстана, мать, Валентина Васильевна, – русская, коренная ленинградка.

Новорожденного Витю привезли в дом № 193 по Московскому проспекту, где тогда жили его родители, но детство он провел в «доме со шпилем» (ул. Бассейная, 41/190). Впоследствии Виктор сменит много квартир, почти все они будут находиться недалеко от этого места, в южной части города...

1 сентября 1969 года Витя Цой пошел в первый класс, в школу № 362, где преподавала его мать.

В 1976 году Виктор перешел в школу № 507 (ул. Фрунзе, 22), что было связано со сменой места работы Валентины Васильевны.

В начальных классах Витя учился неплохо, но явную склонность проявлял разве что к рисованию, и в 1974 году (с четвертого класса) родители отдали его в художественную школу № 1 «Казанский собор» (наб. канала Грибоедова, 26), возле Львиного мостика. Там Витя учился у Татьяны Ганжало – супруги Николая Николаевича Ганжало, одного из преподавателей художественного училища им. Серова. По рассказам очевидцев, «...вспоминает она его как маленького и чумазого, с размазанными под носом соплями... И ей удивительно, что впоследствии он стал звездой».

Уже со средней школы Виктор все больше проявлял себя как «гуманитарий»: его интересовали литература и искусство, а точные науки не вызывали отклика в его душе. В 7-м классе появились тройки, и окончание восьмилетки чуть не стало проблемой. К этому времени Виктор уже решил стать художником, и успеваемость по общеобразовательным предметам перестала его волновать.

Как говорил впоследствии сам Виктор:

«До четвертого класса я учился очень хорошо, даже был отличником. Потом стал учиться очень плохо, потому что повзрослел и почувствовал, что все это неинтересно. И в дальнейшей жизни, кроме литературы, ничего не пригодится».

В ту пору в Китае проводилась «культурная революция», организованная председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном, и по этому поводу ходили анекдоты, разнообразные реальные и выдуманные истории. Одноклассники Цоя, конечно же, с ходу записали Виктора в «китайцы» и, как только по телевизору передавали что-то о событиях в Китае, сразу же призывали его к ответу. Не всерьез, конечно, но, по воспоминаниям его мамы, Валентины Васильевны, мальчика это очень обижало.

В одном из своих интервью Виктор говорил:

«В детстве меня дразнили ”японцем“ и я очень обижался. Сейчас мне в голову не придет выяснять, кто по национальности мои друзья. Есть среди них русские, украинцы, евреи, армяне... Но это не мешает нам общаться. Я думаю, вести такой учет просто глупо. Люди не делятся на хороших немцев и плохих французов».

Первая гитара, подаренная Виктору родителями, появилась в пятом или шестом классе. Отец Виктора, Роберт Максимович, показав сыну аккорды, совершенно не мог представить, во что выльется это его новое увлечение. Виктор же, подойдя к делу очень серьезно, быстро освоил инструмент и уже в 8-м классе организовал в школе свою группу.

Роберт Максимович, отец Виктора Цоя:

«Помню, запретя в ванной, чтобы мы не слышали, и играет. У него тогда голос ”ломался“, вот он и стеснялся. Даже нас. И все у матери спрашивал: ”Почему же у меня голос такой высокий, как у девчонки?“»

Виктор Цой:

«Я не избег общей участи мальчишек моего возраста, охваченных желанием овладеть столь престижным в те годы инструментом...».

В мае 1976 года в Этнографическом музее Ленинграда прошла городская выставка «Мы любим Родину свою». На ней тринадцатилетний Виктор Цой представил станковую компози-

цию «Все на БАМ», подготовленную еще в 1975 году под руководством Е. А. Клочковой. Его рисунок занял второе место в конкурсе.

Валентина Васильевна Цой, мама Виктора Цоя:

«Работа была, по-моему, ничего особенного. Но умел Витя точно уловить то, что витало в воздухе. Это у него позже и в музыке проявилось. Чувствовал он как-то по-своему пульс времени. Тогда все только и говорили о БАМе. Витя тоже был романтиком. Нарисовал поезд, едущий на БАМ, ребят с гитарами».

Дмитрий Белов, одноклассник Виктора Цоя:

«В начале седьмого класса, а это был 1976 год, наша классная руководительница, она же завуч школы и учитель географии, привела на какое-то занятие трех новеньких и сказала, что теперь эти мальчики будут учиться с нами. Там было два офицерских сына, я до сих пор с ними дружу, Саша Деменков и Саша Сухарев, и длинненький такой Витя Цой.

Из нашего класса все с ним дружили и общались, каждый знал его очень хорошо, но так получилось, что именно я на многих занятиях сидел с ним за одной партой. И воспоминания мои о нем, конечно, не как о музыканте, тем более великом музыканте в нынешней интерпретации, а как о художнике. Я видел, что новичок что-то рисует постоянно в тетрадке и у него хорошо получается. Я стал спрашивать: "А почему? А как?" И выясняется, что он учился в художественной школе. Поэтому он был и, наверное, остался для меня скорее как художник...

Наше послешкольное времяпровождение часто проходило на крыше красивого большого дома напротив парка Победы. Огромная плоская крыша была покрыта рубероидом и толем. Это было что-то типа клуба, тем более тогда не было ни маньяков, ни бомжей и выходы на крышу были открыты. Просто с двенадцатого этажа выход на технический этаж и там дальше на самую крышу. Шикарный вид на город, а если кто-то где-то доставал бинокль, это было вдвойне интересно. Там было здорово и летом, и зимой. Мы скидывались все по какой-то мелочи и покупали пачку сигарет. Старались курить "Век". 35 копеек они стоили. Если не было спичек, мы рассаживались рядом втроем или вчетвером. Кто-то первый на улице прикуривал сигарету, докуривал ее, закуривал второй, от него третий, потом четвертый. А там уже и первый опять мог начать хотеть курить. И вот пачка вылетала за два часа, и мы вели какие-то интересные разговоры.

Другим довольно частым развлечением нашим было шляться по городу. Без цели, но не где-то во дворах, пугая прохожих, а по каким-то центральным улицам, отмахать весь Московский проспект и свернуть до Невского, а то и до Староневского проспектов. Это было легко. А если встретится какой-то кинотеатр, то всегда было интересно и в охотку зайти в него. Седьмой класс вспоминать трудно, совсем детский период: снежки, каток... А вот когда мы начали взрослеть – это, наверное, 10-й класс (те, кто в него не попадал, шли в училище или ПТУ, как Цой), – мы начали пробовать жизнь. Стали интересны сигареты, стала интересна выпивка. Мы уже сравнительно повзрослели, и впереди нас ждала большая жизнь, и можно было говорить уже про армию, про профессию и о том, что не просто кому какая девчонка нравится, а кто с какой ходит...

Витя жил, все знают, на углу Московского проспекта и Бассейной улицы (д. 41). Это довольно замечательное здание, потому что на нем единственный в Питере шпиль – попытка Ленинграда в 40–50-х годах угнаться за Москвой. Жил он на втором этаже, в невзрачной коммуналке, там и сейчас под окошками остановка 63-го и 13-го автобусов. У него дома я наблюдал его за рисованием и даже храню несколько его рисунков. Он рисовал мою подружку, а также подарил две красивые акварели-натюрморты плакатного формата с какими-то фирменными импортными бутылками.

Так получалось, что почти все сборища были все-таки в моей квартире. У меня их было две. Папа с мамой жили отдельно и всегда были в командировке. Или там, или там мы проводили время. Водку тогда пили редко, обычно вино или какой-нибудь портвейн. Причем пили из пиалок, которые привозил мой отец. Надо сказать, что Витя в этом плане был более продвинутый. Как-то я ему говорю: да давай вина-то, а он: нет, давай портвейн. Мы чокнулись, выпили... У меня перехватывает дыхание, я тянусь за огурцом или что там могло лежать на столе, за колбасой, он в это время, пользуясь своими длинными руками, перехватывает мою руку, сжимает ее со словами: "Нет, нет, нет. Вот терпи-терпи". Глаза у меня выпучены, но через полминуты дыхание восстанавливается, он меня отпускает и говорит: "Закуси, вот теперь закуси". И когда у меня уже совсем улыбка на лице, он заканчивает: "Вот теперь ты понял, как это хорошо". Нет, мы не были пьяницами, конечно нет. Это обычное пацанячье взросление...

В нем вообще тогда было больше фартовости, ловкости... Он где-то достал ботинки по большому блату, модель тогда называлась "носороги", здоровые такие полуботинки, очень, я бы сказал, такие тупорылые. Так они были у него не просто фирменные, они были еще и многоцветные. Какие-то зеленые, красные проплешины, наверное и белые были, на черном фоне. Он натирал их бесцветным кремом и мечтал о цветных кремах. Кто-то ему сказал, что за границей продают отдельно красненький, зелененький, синенький крема именно вот для таких ботинок. Потом даже кто-то из старших ребят из Германии ему привез какой-то один цвет, красный по-моему. Витя выставлял эти ботинки носками к двери в прихожей. Причем на расстоянии шага, чтобы, не дай бог, на них не наступили. Я таких ботинок не видел, наверное, вот уже с тех лет. Тогда это было супермодно...».

Еще в художественной школе, в 1976 году, Виктор Цой сдружился с одноклассником Максимом Пашковым, и именно в это время образовалась группа, которая чуть позже получила название «Палата № 6». Более продвинутый Пашков, носивший настоящие джинсы, вельветовую жилетку и модную «битловскую» прическу, к тому моменту уже умел хорошо играть на гитаре, взял на себя роль вокалиста, а Цоя, после приобретения вскладчину в комиссионке бас-гитары, досталась роль бас-гитариста. Барабанщиком же новоиспеченной группы стал Виталий Соколов, которому за неимением ударных пришлось довольствоваться пионерским барабаном и всевозможными железяками.

Максим Пашков, друг юности Виктора Цоя:

«В основном тексты (на английском) и музыку писал я. А Витя очень помогал с аранжировками. У него с детства был просто отличный вкус. Он выдавал интересные пассажи на гитаре. Но первое время очень стеснялся петь».

Алексей Пугачев, художник, приятель Виктора Цоя:

«С Витей мы знакомы с девятого класса. Я жил тогда на Петроградской, а учился рядом с Сенной площадью, в 1-й Петербургской гимназии, вместе с его друзьями. Была такая группа, "Палата № 6": мой друг и одноклассник Максим Пашков сочиняли для нее музыку и тексты. Тогда еще Витя не писал ни музыки, ни текстов, но много рисовал. Специально ничего не показывал, но когда я приходил к нему домой, он тогда жил у парка Победы на Московском проспекте, то всюду – на стенах, на мольберте, даже на полу, лежали его рисунки. Не заметить их было просто невозможно. Кстати, из тех времен у меня сохранилась одна тетрадка, в которой сочинена и нарисована история вымышленного государства, где все персонажи – наши общие знакомые. Рисовал ее Максим Пашков по большей части. Возможно, есть в ней рисунки и Цоя. Но какие именно, теперь уже не разобрать. Но вот совершенно точно: на этой странице нарисован Виктор в надетом на голову двурогом шлеме. Другую картину мне Витя

просто подарил, нравилась она мне очень. А другую, на которой дома и улицы изображены, я у него выменял...

Витя сам себе шил рубашки и джинсы. А я вот, например, шить не умел. Максим тоже. Мы что-то кроили из чего-то. У меня были две перчатки. Одна красная, другая черная. Тонкие такие, лайковые. Они женские были, но их растянули в мокром виде, обрезали кончики пальцев. Вите они жутко нравились, и он все их цыганил у меня. А я все думал, что бы такое равноценное получить взамен. У него как раз стояла в работе картина, и я махнул. Она даже недоделанная была, один фрагмент он просто сделал при мне. Вот эту середину, треугольник, он при мне забил. Но все же особенно мне дорога картина, подаренная Виктором. Я не случайно вспомнил о ней, оформляя обложку видеошколы игры на гитаре...».

Планы Цоя, желавшего получить художественное образование, поначалу сбывались: после восьмого класса, в 1977 году, он поступил в художественное училище им. Серова (ул. Пролетарской Диктатуры, 5), в просторечии – Серовку.

Георгий Гурьянов, музыкант группы «КИНО»:

«Серовка – жуткое такое советское режимное заведение. Я старше на год Виктора, поэтому мы не столкнулись там. Свинья говорил, что это "рассадник пацифизма", это абсолютная правда...».

«Палата № 6» просуществовала достаточно долго (около пяти лет) и стала для Виктора настоящей музыкальной лабораторией. Пашков, оставшийся доучиваться в художественной школе, приходил на репетиции в Серовку, и на местном комплекте аппаратуры музыканты разучивали пассажи из наиболее популярных композиций Deep Purple и Black Sabbath. Вскоре после того, как «Палата» стала репетировать в Серовке, Виталий Соколов прекратил музицирование, но в училище, по счастливой случайности, нашёлся новый барабанщик, Анатолий Смирнов, – разносторонне одаренный художник и музыкант, который уже тогда поглядывал в сторону профессиональной сцены.

На сайте художников и реставраторов <http://m666.ru> можно прочитать историю о том, как одного из тогдашних преподавателей, а ныне директора училища Сергея Алексеевича Кирпичева, студенты стали расспрашивать о Цое, и тот совершенно серьезно рассказал, что студент Цой всех доставал проявлениями характера – игнорировал занятия, а когда изредка появлялся в аудитории, то вел себя максимально независимо, как в общении, так и в учебе, хотя, несомненно, обладал талантом.

По воспоминаниям другого преподавателя, «Цой писал хорошие натюрморты, а на втором курсе начал писать кривые рожи, вследствие чего вылетел из училища».

Существует много историй, связанных с этим периодом учебы Цоя. Художественное училище размещалось в то время рядом со Смольным, там, где сейчас консульство Великобритании. На четвертом этаже здания был мужской туалет, в котором юные реставраторы и художники мыли кисточки. Раковины были покрыты таким слоем краски, что вытирать кисти о них было неприятно, и студенты использовали стены.

Со слов очевидцев известно, что был один священный участок стены с надписью: «Тут был Цой». Все учащиеся, от зеленых первокурсников до матерых дипломников, свято верили, что надпись оригинальная и оставлена рукой музыканта.

Раз в году, во время летних каникул, туалет ремонтировали: все «безобразие» на стенах просто покрывали коричневой масляной краской. И каждый год, первого сентября, в туалет приходили студенты с реставрационного отделения и восстанавливали надпись: чистили и слегка подкрашивали. Для выпускников Серовки этот туалет с подписью Виктора Цоя – маленький символ тогдашней, советской эпохи...

Есть еще одна училищная байка, связанная с Цоем. В ту пору преподавателем графики был Владимир Васильевич Фомичев. Он, энергичный и жесткий, но толковый, за какую-то дерзость якобы «дал Цою по шее». Один из сокурсников Виктора вспоминал: «Сам не видел, но, судя по возрасту участников сего происшествия, могу предположить, что было так: Фомичев, молодой, здоровый мужик, дал по шее пятнадцатилетнему сопляку, от чего тот сложился как этюдник. При всем моем уважении к Цою по-другому просто и быть не могло!» Кстати, Жанна Иванова, бывшая одноклассница Цоя, ничего подобного не помнит, что дает основания думать, что рассказанная история смахивает на обычную байку.

Тогда Цоя больше всего интересовала никак не живопись, а музыка и поэзия. Гитара, кстати, по словам Кирпичева, всегда была при Цое, он даже в училище с ней ходил. Да и ношение длинных волос в конце 70-х воспринималось как несомненный вызов советскому обществу. Сергей Алексеевич рассказывал, что «директриса училища Хилькевич выгнала Цоя с формулировкой "за разгильдяйство" и никогда об этом не жалела». Об этом же вспоминал и бывший одноклассник Цоя Анатолий Смирнов.

Сегодня невозможно точно установить, почему же Виктор был в действительности отчислен из училища – «за разгильдяйство» или же из-за распространенных тогда гонений на рок-музыку, но факт остается фактом: в 1978 году Виктора отчисляют из училища (официально за неуспеваемость) и он устраивается штамповщиком на завод, параллельно продолжая учебу в вечерней школе.

Виктор Цой:

«Меня выгнали, но во многом была и моя вина, потому что я не могу сказать, что отличался особой успеваемостью, так как в то время я увлекся музыкой. Поскольку это для меня было уже совсем не интересно, то само собой закономерно, что если бы меня и не выгнали, я бы сам ушел».

Игорь Гудков, друг юности Виктора Цоя:

«Познакомились-то мы, когда, естественно, были молодыми. Просто жили в одном районе – Московском. Я туда переехал с Гражданки. Родители получили квартиру новую, и, конечно, у меня был дефицит общения после своей уличной истории на Гражданке, где остались все мои друзья. Через весь город ездить было невозможно, и я быстро нашел себе знакомых здесь. У нас была своя компания вокруг Андрея Панова по кличке Свин (Свинья) – первого панка Советского Союза, с которым мы организовали группу "Автоматические удовлетворители". Когда к нам пришел Цой, у нас уже была устоявшаяся компания, но он в ней прижился. Хочу сказать, что тогда общество было совершенно толерантно, хотя слова такого не было – "толерантность". Я Цоя всегда воспринимал как абсолютно русского, вообще никогда не воспринимал его как корейца. Это нас не волновало. Наше общество не делилось на евреев, русских. У нас была своя компания, Цою было у нас легко. Наверно, первый раз он почувствовал себя в своей тарелке именно в нашей среде. Была тусовка, мы не были музыкантами. А Цой тогда уже играл в группе "Палата № 6" на бас-гитаре, это был 1979 год».

28 июля 1980 года Цой поступил в СПТУ-61 (ул. Стойкости, д. 30, корп. 2) на специальность «резчик по дереву». По мнению преподавателей художественного училища, это была специальность (и вообще заведение), куда попадали одни разгильдяи.

Как бы там ни было, Цой был принят в училище, откуда той же осенью, в сентябре, поехал на сельхозработы в колхоз, где познакомился с гитаристом и певцом Сергеем Тимофеевым (экс-«Берега»), который тоже сочинял симпатичные битловые песни. Вернувшись в Питер, они собрали в стенах училища группу «Ракурс», с которой регулярно играли на дискотеках.

Сергей Тимофеев, друг юности Виктора Цоя:

«"Ракурс" – это самая первая группа Цоя, до этого он ни в каких группах не играл. Это реставрационное училище, которое заканчивал в том числе и Кирилл Миллер. Цоя в это время выгнали из училища Серова, он поступил сюда на резчика по дереву. Я учился на альфрейно-живописной росписи. Так как я с восьмого класса занимался музыкой, то и пытался собрать группу. В колхозе мы и собрались. Стало ясно, что Цой играет на гитаре, на бас-гитаре – Сафошкин, на барабанах – Толик Кондратюк + разные сессионные приходящие музыканты. Репетировали, выступали на конкурсах по ДК. Записей нет, так как тогда немислимо трудно было записаться. Пели мои и цоевские песни. В то время в колхозе как раз он сочинил "Алюминиевые огурцы", "Любит Вася диско, диско и сосиски", "Я бездельник". Тогда Цой прикалывался к песням типа "Люблю я макароны" (перепевка итальянской песни по-русски), "Черная суббота" группы "Мифы" Геннадия Барихновского... Могу процитировать строчки припева, написанные им для моей песни, которые никто не слышал, – тут проявилась вся его гениальность:

Зачем же жизнь беречь, игра не стоит свеч
Расстанься с ней без сожаления
И все твои друзья забудут твою смерть
Забудут твою смерть и день рождения...».

Нужно отметить, что если преподаватели художественного училища в буквальном смысле цедят воспоминания о Викторе сквозь зубы, то преподаватели СПТУ-61 до сих пор с нескрываемым восторгом вспоминают своего ученика, часто приходят к нему на могилу, рассказывают новым поколениям учащихся о таланте Виктора Цоя. В здании СПТУ (сейчас это лицей) сохранилась дипломная работа Виктора – резной дверной наличник с солнцем, там можно увидеть памятную табличку...

Яков Яковлев, однокурсник Виктора Цоя:

«Ездили мы в колхоз картошку убирать. Нас разбивали тогда на бригады-пятерки. Трактор уже взборонил поле и набросал для нас ящиков, чтобы было куда корнеплод складывать. А Витя в это время спал неподалеку – не любил он такую работу. Я ему и говорю: "Витек, пойдем картошку собирать, вон нас уже ищут". Он поднял голову, пробурчал что-то и дальше спать завалился. И недаром. В зависимости от количества собранной картошки бригаде присваивали определенные места – чем ближе к первому месту окажешься, тем больше денег заработаешь. Но разница в сумме все равно смешная – те, кому присвоили первое место, получили 12 рублей на всех, а мы, занявшие предпоследнее, – 9. Цой – человек дальновидный, он наверняка догадывался об этом. И вместо того чтобы пахать как лошадь, предпочитал отсыпаться».

Антон Галин, приятель Виктора Цоя:

«Цой только-только начал на своей гитарке бренькать... Он как раз пошел учиться в какую-то путягу, если я не ошибаюсь... Да, из Серовки он отвалил и пошел... Резчиком по дереву. Все хвастался мне... Все время, помню, ходил с ножичком, что-то ковырял, объяснял, что-то резал нам... Что-то говорил там такое... Он тогда все время хохотал, удивлялся – вот, говорит, я там музыку играю, у него там какая-то другая группа была, о, так всем нравится, смешно».

Егор Белкин, музыкант:

«Сейчас у меня играет басист, который играл с Цоем еще до Рыбы. Они вместе учились в ПТУ, потом работали резчиками по дереву в какой-то мастерской. Его зовут Миша Сафошкин.

У него сохранились его портреты руки Цоя и фотографии, где они вповалку селедками спят. Цой всегда ночевал где-то вне дома. Жили они далеко, и ему неудобно было добираться...».

К началу 1980 года Смирнов начал пропускать репетиции и концерты, поскольку в поисках приработка постоянно где-то халтурил. В этих случаях его подменял Владимир Дорохин из группы с эксцентричным названием «Электрофрикционные колебания как фактор износа трамвайных рельс». Кстати, именно Дорохин сыграл в двух песнях альбома «Слонолуние», который «Палата № 6» записала дома у Пашкова, в Мучном переулке, используя два бытовых магнитофона.

В июне «Палата № 6» выступила на выпускном школьном вечере с чуть более известным «Пилигримом», в котором играли Дюша Михайлов, Алексей Рыбин, Олег Валинский и Борис Ободовский.

А что касается умения резать по дереву, то однажды Цоя, еще бывшего студентом СПТУ-61, показали в ленинградской программе «Монитор» как талантливого резчика по дереву, и надо сказать, что это умение впоследствии очень пригодилось Виктору. Известна коллекция нэцке, выполненная им с большим изяществом и мастерством, а у Наталии Россовской, бывшей жены лидера группы «Зоопарк» Михаила (Майка) Науменко, хранится пепельница, сделанная Цоем в виде стопы, каждый из пальцев которой представляет собой миниатюрный фаллос.

Наталья Россовская, жена Михаила Науменко:

«Пепельница – у меня. Раньше мы ей пользовались, пока наш приятель (художник из Гжели) не стал выставлять ее в ЦДХ. Мне стало стыдно, я ее отмыла и убрала. Для потомков (хи-хи). Палыцы как пальцы. Мне они ничего такого не напоминают...».

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«У меня есть только пепельница в виде рта. Одна из многих поделок, которые Цой вырезывал из дерева и неизменно дарил своим друзьям».

Георгий Гурьянов:

«Из Серовки он перешел в другое училище, менее художественное, но более ремесленное. Он же очень рано женился, ему надо было независимо существовать, деньги зарабатывать. Краснодеревщики – я очень ценю эту профессию: реставрация, дерево, – очень классная вещь».

Андрей Тропилло, звукорежиссер:

«Я любовался Цоем, когда он лепил из пластилина... Действительно, лучше всего у него получалось, конечно, рукоделие. Виктор хорошо лепил, рисовал и резал по дереву. Вся его квартира была завалена разноцветными листьями, скульптурками и поделками. Витя сделал на день рождения Майку Науменко чудесную резную деревянную пепельницу в виде большой ступни, на которой вместо пальчиков маленькие залупленные х..и. Я умолял Майка:

– Подари!

– Нет, не могу, мне Цой подарил. Да зачем тебе-то, ты ж не куришь?

А у меня и не возникло бы желания использовать такой артефакт по прямому назначению. Гениальная совершенно была красота...».

Павел Крусанов, музыкант группы «Абзац», приятель Виктора Цоя:

«В училище, овладевая профессией краснодеревщика, Цой получил навыки резьбы по дереву и время от времени одаривал приятелей своими поделками: кому-то досталась пепель-

ница в форме сложенной в горсть ладони, так что тушение окурка в ней выглядело дурно, точно пытка, кому-то – нунчаки с вырезанным на концах палок Ильичом, кому-то – деревянный фаллос, который следовало вместо ручки подвешивать в туалете к цепочке сливного бачка (помните, были такие сливные бачки с цепочками?). Одно время Цой носил дубль этого резного, довольно натурально сработанного красавца в кармане и при встрече со знакомыми и малознакомыми девушками быстро им его протягивал, дескать, это вам. Девушки машинально брали шутовину в руку, но через миг, сообразив, вскрикивали – ай! – и, залившись краской, испуганно, точно в руке у них оказалось парное конское яблоко, бросали деревянную игрушку под ноги. На публике они всегда такие пуританки... Впрочем, сказать, что таков был характерный стиль цоевской шутки, все же нельзя. Такова была одна из граней его стиля».

«Радоваться надо!»

В конце 70-х годов с подачи одного из приятелей Максима Пашкова Виктор Цой знакомится с Андреем Пановым – Свиной. В то время Панов (уже тогда весьма известная личность в узких кругах) и вся его компания, в которую входило довольно много известных ныне в музыкальной тусовке людей, находились под творческим влиянием Евгения Юфита – «Юфы», будущего кинорежиссера, идеолога советского некрореализма, с которым Свинья познакомился еще в бытность учеником вечерней школы.

Евгений Юфит, кинорежиссер:

«Я познакомился со Свиной совершенно случайно, на улице, кто-то из моих приятелей его окликнул».

Андрей Панов, лидер группы «Автоматические удовлетворители»:

«Когда мы начали идиотничать, еще не было никаких панков. Один раз позвонил Юфа вечером. Говорит: "Ты знаешь, на Западе появилась группа каких-то кретинов типа нас. Называется Sex Pistols. Сейчас передали одну вещь по "Голосу Америки"». Юфа всегда слушает "голоса". Ну, я говорю: "Как музыка?" – "Типа Slade, – говорит, – только хуже раз в пять". Я говорю: "Ладно. Чего там внимание обращать?" И повесил трубку».

Так что можно смело принять на веру версию о том, что панк в Советский Союз не пришел с Запада, а появился там самостоятельно. Очень хорошее определение дал Алексей Рыбин, написавший в своей книге "«Кино» с самого начала", что «зачатие произошло в Англии, а само дитя появилось в мрачных коридорах советской школы...».

Как известно, Юфа собственно рок-музыкой почти не интересовался, его больше увлекали совершенно другие вещи. По словам знакомых с ним людей, он уже тогда проявлял себя талантливым манипулятором, «режиссером», и легко мог убедить человека совершить какой-нибудь «добродетельный» поступок (тем более если это было связано с извлечением денег из кармана манипулируемого).

Евгений Титов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Юфа умел добиться того, что довольно большие группы людей (совершенно бескорыстно) совершали самые идиотские и бессмысленные действия, иногда наносящие ущерб их здоровью и психике, и при этом эти люди (а также и зрители) были уверены, что то, что они делают, имеет большую культурную и эстетическую ценность».

Вот это и было настоящим искусством (!) – то, что Юфа добивался от людей нужных ему действий и мог управлять этими процессами. А если бы все это не воплощалось в реаль-

ность, в действие, а оставалось только в его воображении, это не было бы предметом искусства. Мало ли что просто бродит в голове? Тем более что речь идет об игровом кино, живописи и постановочной фотографии. Свинья очень ценил Юфу, в чем-то они дополняли друг друга. И очень многое в ранних песнях "АУ" отсылает к эстетике некрореализма Юфита. И эту эстетику потом переняли очень многие наши и панк-, и рок-, а теперь уже и поп-группы и другие сочинители-исполнители».

Еще до появления в стране пластинки легендарных английских панков Юфа со Свиньей (еще про панков не знавшие, но уже игнорировавшие нормы поведения советских граждан) совместно с другими ребятами решили сходить в кино. Им было по 15–16 лет, денег на билеты не было, и администрация кинотеатра предложила им расчистить снег за проход на сеанс. В процессе чистки снега Юфа с Андреем скинули куртки (было жарко!), затем свитера, и так вскоре разделись совсем догола, к великому ужасу обывателей. Немногим позже даже пришлось убегать от разъяренных столь неожиданным стриптизом любителей кино, пришедших на сеанс...

Как вспоминал сам **Панов**:

«Тогда мы все находились под влиянием Юфы. Никакие панки здесь вообще ни при чем – никакие Роттоны, никакие Pistols. Все это Юфины телеги. Юфа был и остался главным идеологом, а я типа игрушки для битья. Он такой законспирированный, как Ленин. Всегда появится в последний момент... Вообще это очень заразительный человек. Он может своим психозом заразить кого угодно. Все эти некрореализмы и прочее... А потом стали появляться разные плакаты, показали их по телевизору, и мы сразу завелись. Идиотничаем. То в трусах зимой по улице, то обвешиваемся разными паяльниками-фигальниками, надеваем одежду не по размеру... А как-то показали, что они еще и булавками обвешиваются. Нам понравилось. Мы типа тоже меломаны, давай булавки... Я помню, для полного идиотства кто-то надел галифе, а у меня были такие здоровые клещи – финские, вельветовые. Я взял их и ушил внизу очень красиво. Ходил по улицам, и все смеялись. А через три года смотрю – все в таких ходят, стало модно. На улицах нас сначала никто не трогал. По той причине, что про панков не знали. Ну, идиоты и идиоты. Идиотами и были. И остались, собственно. А когда начались панки-фиганки, тогда начались дурацкие гонения. А за что? И так – кретины, и так – кретины».

Ребята радовались жизни на всю катушку. Ходить по улицам советского города в галифе, обвешанных паяльниками-фигальниками, в то время рискнул бы далеко не каждый... От себя, как автор, добавлю, что в свое время (правда, гораздо позже описываемых событий) тоже ходил по улицам с мертвым мышонком (разумеется, настоящим), приколотым большой английской булавкой к лацкану рубашки...

Поскольку Андрей Панов жил с матерью, Лией Петровной (известной балериной), в девятиэтажке на углу улицы Типанова и проспекта Космонавтов, в большой квартире, где у него была отдельная комната, то компания собиралась, как правило, у него. По многочисленным воспоминаниям, Свинья жил в комнате, где не было ничего, кроме плаката Sex Pistols на стене, дерюжки на полу и колонки от магнитофона с уходящим в стену проводом. Сам магнитофон стоял в комнате у матери, чтобы не попасть ненароком под «горячую руку» Андрея либо его приятелей...

Алексей Рыбин, один из основателей группы «КИНО»:

«Квартира Свина была нашим клубом, репетиционным помещением, студией звукозаписи, фонотекой – в общем, базой. Здесь мы отдыхали, обменивались новостями, пили, играли, пели, даже танцевали (по-нашему, по-битнически). У Свина была кое-какая аппаратура, как

бытовая, так и полупрофессиональная, и было на чем послушать пластинки и во что воткнуть гитары. Словом, это был наш рок-клуб».

Однажды именно сюда один из знакомых Максима Пашкова привел, собственно, самого Максима и Виктора Цоя.

Андрей Панов:

«У меня был сосед, живший этажом выше. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в Серовке. И у них группа хорошая, три человека – ”Палата № 6“. Тоже как бы въехали в панк-рок и все такое... Все очень здорово, типа, дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу... Короче, они пришли – Максим Пашков, Цой и барабанщик. Не помню, как его звали. Хороший барабанщик, кстати. Оригинал. Жаль, что не пошел по этой стезе впоследствии. Ну, Максим очень активный человек, больше всех разговаривал. Потом поступил в театральный. А Цой придет и сидит в углу...».

Уже тогда Цой резко отличался от компании первых питерских панков.

Игорь Гудков, знакомый Виктора Цоя по ленинградской тусовке, вспоминал:

«Цой не был пэтэушником, тем, о ком пел Майк в своей песне ”Гопники“»...

Павел Крусанов:

«Цой – наполовину кореец – невольно нарушал стереотип. В повседневной жизни он был неразговорчив – не молчун, но изъяснялся всегда кратко, а иногда и веско, однако же, по большей части, без задней мысли и рассчитанных многоходовок. Даже шутил так: по-спартански, лапидарно, словно вырубал на камне слова и старался, чтобы их оказалось поменьше. Вершиной остроумия для такого человека, видимо, должна была бы стать шутка без слов: шутка-жест, шутка-акция. Свидетельствую: случались у Цоя и такие».

Алексей Рыбин:

«Свин познакомился с ребятами из группы ”Палата № 6“, и они стали активно принимать участие в общем веселье. Песни были замечательно мелодичны, что сильно выделяло их из общего, довольно серого в музыкальном отношении питерского рока. Лидер группы Макс (Максим Пашков) пел профессиональным тенором и здорово играл на гитаре, а ансамбль отличался просто замечательной сыгранностью и аранжировками. А что такое аранжировка, молодые битники тогда вообще понятия не имели, и все это было чрезвычайно интересно и ново. ”Палата“ играла довольно специальную музыку – панк не панк, хард не хард, что-то битловское, что-то от Black Sabbath – в общем, интриговала».

В общем, Максим и сам Виктор быстро влились в тусовку и вскоре стали принимать довольно активное участие в панковских мероприятиях «свинской» компании и всевозможных панк-акциях, о чем свидетельствуют очевидцы и чудом сохранившиеся фотографии.

По воспоминаниям участников компании Свины, тусовку очень веселили всевозможные загородные прогулки, распитие портвейна и различные хулиганско-панковские импровизации, эпатажные провокации, рассчитанные на обывателей, например демонстрация голого тела рыбакам и отдыхающим.

Федор Лавров, музыкант группы «Народное ополчение»:

«Они все бухали вместе. Просто я тогда еще в школе учился и не видел Цоя. Когда я познакомился со Свиной, там уже сменилась тусовка».

Павел Крусанов:

«Каждая наша встреча сопровождалась радостным распитием портвейнов, сухих вин, горьких настоек и в редком случае водки, что было сродни разведке боем на незнакомой территории – мы тщились узнать, какие ландшафты скрыты там, за гранью трезвого сознания, и что за звери их населяют».

Не стоит сильно удивляться таким воспоминаниям. Молодежь (особенно предпочитающая рок-музыку) во все времена стремилась к «расширению сознания» различными способами и средствами. Этого не отнять и у нынешних 15–20-летних молодых людей. Просто реакция человеческого организма может быть разной: юношеское увлечение или зависимость до конца жизни... А всевозможные приключения и происшествия, думаю, составляли не меньшую часть жизни многих читателей этой книги.

Антон Галин:

«Сейчас, по воспоминаниям, может сложиться такое впечатление, что все эти люди – особые. Но ничего особенного, у нас была обычная жизнь. Советская и постсоветская. Ну ходили и хохотали. Никакой политики, кстати. Все были абсолютно аполитичны. Абсолютно никакой антисоветчины. Ну так, иронично относились к Брежневу, но ни об одном из своих знакомых я не могу сказать, что это был такой яркий антисоветчик типа Солженицына. Все просто как-то оттягивались, реально оттопыривали свою жизнь, как хотели. Тогда просто не было ничего. Просто пытались весело проводить время. Никаких развлечений, никаких дискотек, ничего нет. Развлечений никаких. Если сам себе не придумаешь, то никаких и не будет...».

Евгений Юфит:

«Как-то мы с Цоем шли на место сбора компании. Пока шли, Цой нашел дохлую утку и стал тащить ее за лапу, хотел порадовать Свинью. Она была еще не тухлая, но так... запах уже шел. Когда проходили мимо трамвайного кольца со зданием для диспетчеров, выскочили пять водителей, они сказали нам: "Все, ребята, идите к нам, вы убили утку, сейчас мы милицию вызовем". Мы с Цоем с радостью пошли, естественно... Эти начали звонить в милицию, но та отказалась ехать из-за дохлой утки... К тому же в здании, куда нас привели, из-за запаха стало ясно, что утка абсолютно несвежая... И когда нас спросили: "А где вы ее взяли?" – мы ответили, что "убили ее дней пять назад и вот все ходим с ней, не знаем, куда ее..."».

Алексей Рыбин:

«Мы подходили к пивным ларькам, покупали пиво и выливали его друг другу на головы, чем повергали в кому очередь мужиков, дрожащих от похмелья, которые стояли сорок минут за кружкой пива, – и вот какие-то уроды, отстояв эту очередь сорок минут, с шутками и прибаутками покупают себе по кружке пива и друг на друга его выливают... Люди просто цепенели. Никто нас не бил за это, потому что они не могли даже пошевелиться, они были парализованы этим зрелищем. Никто не кричал, очередь просто замирала... В милицию же нас не забирали, потому что менты не понимали, что это такое».

Очень часто можно услышать рассказы рок-клубовских «стариков» о том, как Свинья и Цой покупали шарики в киоске, наполняли их использованными презервативами и окурками, привязывали на нитку и спускали из окна на подоконники к соседям... К примеру, Антон Галин, друг детства Виктора Цоя, рассказывал, как они с Цоем ловили голубей, креативно раскрашивали их красками под попугаев и выпускали обратно на улицу. Доказать правоту или лживость подобных историй сегодня уже попросту невозможно. Да и не нужно, наверное.

Павел Крусанов:

«Ребят этих отличал здоровый цинизм и бестрепетное отношение к жизни, что немудрено – в девятнадцать лет думаешь, что друзья вечны, а счастье может длиться пусть не годами, но все равно долго. Когда Пине (Пиночету) милиционеры в ЛДМе отбили селезенку, Цой на мотив известного по той поре шлягера (“У меня сестренки нет, у меня братишки нет...”) сочинил собственную версию этой песенки, которую в присутствии пострадавшего всякий раз негромко озвучивал:

У меня печенки нет,
Селезенки тоже нет,
А без них хлопот невпроворо-о-от...

Характерно то, что это вовсе не казалось нам бестактным: все смеялись, даже бедный Пиня...».

Позднее Максим Пашков вспоминал:

«Надо отдать должное Виктору Цою. Он хотя и участвует в этих мероприятиях (спали и мылись все вповалку, голыми), но на фоне других сохраняет человеческое лицо, чувство юмора и не опускается до пошлости. Цой был гораздо консервативнее всей остальной компании и в наших “забавах” никогда не шел до конца. Наверно, это шло от какой-то его внутренней застенчивости... В нем никогда не было разнузданности».

Осенью 1980 года «Палата № 6» распалась, потому что лидер группы и автор песен Максим Пашков утратил интерес к занятиям музыкой, поступил в театральный институт на курс В. В. Петрова и ушел с головой в театральную жизнь. В начале 1981 года группа выступила на сейшене в общежитии СПбГТИ на улице Здоровцева в компании с «Пеплом», где к ним присоединился флейтист Борис Ободовский из только что распавшегося «Пилигрима», но той же весной «Палата № 6» окончательно ушла в прошлое.

Евгений Титов:

«Когда Свинья поступил в театральный институт в 1979 году, отец ему передал каким-то образом в подарок некоторую сумму денег, и эти деньги все были потрачены на музыкальную аппаратуру. Также что-то добавила Лия Петровна. Весь аппарат стоял дома, включая барабанную установку. И начались почти ежедневные домашние репетиции и веселье. Угрозы соседей, приходы участкового, милицейских нарядов – мама отбивала все наезды. И в конце концов договорились, что до 19.00 можно греметь и “репетировать” как угодно, но не позже. Это всех устраивало. Тогда же он познакомился с Цоем и Алконом (Максим Пашков), и у Свиньи репетировала “Палата № 6” – группа, в которой Цой играл на бас-гитаре. У Цоя тогда еще не было собственных песен. Его тогда выгнали из реставрационного училища, а Свинья бросил театральный и нигде не работал. Они почти каждый день проводили вместе на Космонавтов, у Свиньи дома или где-то еще. Так было года два, пока Цой не переметнулся в компанию Гребенщикова».

Вот что рассказывал сам Андрей Панов:

«А я как раз в это время свалил из театрального, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Аппаратуру купил, меломанство забросил... Поступал в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи деревянными – от папы. Мой папа свалил из страны законным путем в семьдесят третьем. И по

их правилам, если ребенок учится, бухгалтерия оплачивает обучение. Финансирует его образование, значит. Конечно, я сразу купил всякого: барабаны там, три-четыре гитары... Все на это ухнул, короче. Взялся сразу за гитару и настолько заразился, что поехал и поехал. Каждый день с утра до ночи».

Как вспоминал Илья Смирнов, двух месяцев обучения на курсе Игоря Горбачева Андрею хватило, чтобы решить окончательно: «Играть надо в жизни, а не на сцене». Как видно из воспоминаний Свины, он, получивший от жившего за рубежом отца приличную сумму денег, покупает неплохой набор аппаратуры, музыкальных инструментов и создает первую в стране панк-группу, куда чуть позже приглашает Цоя играть на бас-гитаре. Цой, обладавший некоторым музыкальным опытом, согласился помогать на репетициях и концертах и первое время добросовестно выполнял функцию бас-гитариста, что очень нравилось Андрею, поскольку из тогдашнего окружения Свины играть толком никто не умел.

Андрей Панов:

«Конечно, я у Цоя много спрашивал – типа аккорды не аккорды... Как это сделать, как взять... У Максима с Витей группа была в техническом плане очень сильная. У нас сейчас таких нет. Ни в рок-клубе, нигде. Потому что люди занимались музыкой, а не то что там – в рок играли».

Многие друзья Свины, да и сам Андрей, частенько подтрунивали над Цоем, призывая его к сочинению собственных песен, но Цой как-то умело уходил от темы. Видимо, сказывались комплексы, которые появились из-за влияния Максима Пашкова, считавшего себя бесспорным лидером в «Палате № 6». Но вскоре, после дружных уговоров друзей, Цой все-таки пробует что-то сочинить сам, и у него получается.

Вот что рассказывает об этом Андрей Панов:

«Цой был басистом, ничего не писал тогда. Поскольку Максим относился к нему несколько иронически, что ли, Цой был всегда очень зажатый. Комплексанутый, даже так скажу. Когда же мы остались с ним, два бездельника, я чуть ли не каждый день стал приезжать к нему по утрам. У него любимое занятие было снимать с пленки. Или читать. С ушами все в порядке, снимает, как рентген. Jennifer Rush снял, что удивительно! Там маразматические аккорды, очень сложно... Очевидно, что человек, который жутко много читал и жутко много снимал, должен был и сам начать писать, но у него был комплекс... И вот однажды, когда мы толпой писались у меня, мы на него надели: что тебе, мол, стоит стихи написать, музыку сочинить... Цой все кривлялся, а мы выпили и наседали, наседали... Он вышел в коридор и с натуги чего-то написал, помню, даже была там фраза о металлоконструкциях. Наша была накачка, панковская. Типа – все панки, все против... Мы посмотрели – действительно неплохо написал. В первый раз. А потом прорвало. Очевидно, если человек с малого возраста читает, аранжирует, должно было прорваться».

Олег Котельников, художник, друг Виктора Цоя:

«Андрей Панов, между прочим, именно он повлиял на Цоя в свое время, чтобы тот занялся написанием песен. Вместе играли – Виктор играл на басу и все время молчал. Неожиданно выдал какое-то двустушие, на что Свин ему резко сказал:

– Ты должен песни писать, стихи. Мы все пишем, а ты сидишь и молчишь все время. Не стесняйся, у тебя получается лучше, чем у нас. Одни эти твои две строчки обо всем говорят – пиши, Витка, пиши!

Свинья, как все знают, был начитанный, образованный, папа у него был известный и крутой балетмейстер, авторитет у него был. И Виктор стал писать, а спустя полгода-год записал первый альбом».

Как было на самом деле, неизвестно, но прорыв действительно произошёл, и с одобрения друзей Цой начал сочинять что-то свое. Самой заветной мечтой его была покупка нормальной гитары. И вот когда однажды родители уехали на юг, оставив сыну девяносто рублей (из расчета три рубля в день), Виктор немедленно потратил все деньги на приобретение двенадцати-струнной гитары.

Андрей Панов:

«Был такой хороший случай. Родители уехали на юг, оставили Цою девяносто рублей из расчета трех в день. А у Цоя была мечта, как и у всех, – двенадцатиструнная гитара. Он побежал и тут же ее купил. 87 рублей она стоила. А на сдачу, поскольку голодный, у парка Победы купил беляшей по шестнадцать копеек. И, значит, натошак их навернул. Он очень долго потом это вспоминал. Говорил, лежал зеленый, один в квартире, блевал, умирал. До туалета было не дойти. Лежал несколько дней. С тех пор беляшей не ел».

Месяц Цой жил впроголодь, но зато теперь у него была гитара, о которой он так долго мечтал. И вот вскоре счастливый обладатель двенадцатиструнной гитары, оправившись от последствий отравления, явил на свет песни «Вася любит диско» и «Идиот».

Андрей Панов:

«Мне нравилось, я ему подыгрывал. Потом Цой просто стал репетировать с моим ВИА...».

Антон Галин:

«Все играли как-то сессионно в "АУ". Были такие сессионные музыканты, играли сессиями. Все приходили к Свинье. Это был лишний повод выпить, и все говорили – сегодня будем играть что-нибудь. Все просто нажирались винища и что-нибудь там потом играли».

Борис Стожаров, знакомый Виктора Цоя:

«Цоя я помню. Когда он приходил, сидел в углу, что-то мычал-бренчал, что-то играл...».

Панов часто хвалил Цоя за то, что он мастерски снимал аккорды всевозможных западных групп и умело пародировал многих советских исполнителей, в частности Боярского, чьи стиль и манера в какой-то мере повлияли на молодого Цоя.

Андрей Панов:

«Он неплохо пародировал советских исполнителей – жесты, манеры... Особенно он любил Боярского. И Брюса Ли, но это уже потом. А с Боярским было заметно очень. Он ходил в театры, знал весь его репертуар, все его песни. Ему очень нравилась его прическа, его черный бодлон, его стиль. Цой говорил: "Это мой цвет, это мой стиль". И действительно знал и исполнял репертуар Боярского очень неплохо».

Мнения самого Цоя о Боярском, увы, не сохранилось, но вот что касается черного, то доступны несколько интервью Виктора, в которых тот говорит о своей любви к этому цвету.

Алексей Рыбин:

«Мы Боярского слушали, развлекались, и Виктор некоторые песни наизусть знал. Да что там Боярский! Мы на концерт Валерия Леонтьева в СКК ходили! Это же было профессионально, почему не посмотреть. Я вот Эдуарда Хиля люблю до сих пор».

Евгений Титов:

«Да что там Боярский... Мы со Свиньей на концерт Педко Педкова вместе ходили, сидели на первом ряду, "фанатели". Даже билеты покупали. В начале 80-х был такой болгарский эстрадный исполнитель, с усами как у таракана или Вилли Токарева, с кордебалетом. Может, это творческий псевдоним был такой, я не знаю. Мы афишу увидели, приколотись – решили сходить. Может, его звали Петко Петков, но все равно смешно. Он был не просто Педко, а еще и Педков. Двойной удар. И афиша была красивая – в центре сидит этот шпендик Педко, с огромными, торчащими в разные стороны усами, а его облепила толпа полуголых девок, и все довольные. Круто, в общем... Боярский отдыхал».

Антон Галин:

«Я прекрасно помню, как я, Свинья, Цой и еще пара персонажей культовых ходили в оперу с пивом. Сидели там, пиво жрали на балконе и слушали оперу».

Сергей Селюнин, музыкант группы «Выход»:

«Как это ни странно, Цой и Боярский были очень похожи. Не то чтоб на одно лицо, нет, но в том, как они проходили мимо "Сайгона". Оба в черном и по сторонам старались не смотреть. В общем, такие оба индифферентные. Разница только в том, что Михаил Сергеевич служил в Театре Ленсовета, и "Сайгон" ему, по большому счету, был не нужен – просто по дороге попадался, а Цой, когда уже почти великий стал, по старой памяти наверное, забредал случайно. И еще одно существенное отличие: Цой увидит Марьяну и давай бурно целоваться, а Боярский никого у "Сайгона" не целовал совсем. Брезговал, наверно».

Про симпатии Цоя к Боярскому не очень ясно, поскольку спутники молодости Виктора говорят одно, а вот друзья более позднего периода такого увлечения засвидетельствовать не могут.

Рашид Нугманов, режиссер фильма «Игла», вспоминал:

«Дело в том, что ни сам Виктор, никто из его близких, с кем я общался, о таком увлечении не говорил. Но ведь противоречия тут на самом деле нет. Если уж быть педантичным, то надо бы, конечно, уточнить, чтобы потом не было разногласий. Я никогда не слышал от Виктора о его интересе к Боярскому или об их встречах».

В октябре 2014 года журналист газеты «Правда Севера» опубликовал интервью, взятое у Виктора Цоя в конце июня 1990 года. Приведу отрывок:

– У вас были какие-то очень любимые исполнители в детстве, в отрочестве?

– Цой (смущенно улыбаясь): – Я Боярского очень любил. Честно... И, конечно, Владимира Семеновича Высоцкого. Я и сейчас его люблю.

Кстати, что касается самого Боярского, то, когда Цой уже станет более-менее известен, именно он будет цензором по «литованию» текстов, курировавшим группу «КИНО».

Михаил Боярский, актер:

«Я достаточно близко был знаком с человеком, который мне понравился сразу. Это Виктор Цой. Я был его цензором. Мне приносили его тексты, для того чтобы я подписал: можно

петь это или нельзя. И я подписывал – можно. Ну конечно, смешно. Он с хорошим юмором был, без фанатерий».

Шло время, и вот однажды случилось знаменательное событие, о котором **Алексей Рыбин** рассказал в своей книге ”«Кино» с самого начала”:

«В один из обычных, прекрасных вечеров у Свина, когда все, выпив, принялись удивлять друг друга своими музыкальными произведениями, я и басист ”Палаты“ сидели на кухне и наблюдали за тем, чтобы три бутылки сухого, лежащие в духовке, не нагрелись до кипения и не лопнули раньше времени – наиболее любимая нами температура напитка составляла градусов 40–60 по Цельсию. Поскольку лично мы еще не были знакомы, я решил восполнить этот пробел:

– А тебя как зовут? – спросил я. – Меня Рыба.

– Меня Цой...».

Павел Крусанов:

«Когда мы познакомились с Цоем, а случилось это весной 1980 года, он красовался в узких черных штанах, черной рубашке и черной клеенчатой, утыканной булавками жилетке. Копна смоляных волос, смугловатая кожа и агатовые глаза довершали этюд. Определенная степень внешней припанкованности отличала и других участников этой компании, почему-то называвших себя ”битниками“, – Пиню и Рыбу, однако настоящим, идейным панком (правда, в собственной, несколько специфической трактовке этого понятия) был здесь, пожалуй, только Свин – актер по жизни и беззаветный чудила с весьма своеобразным чувством юмора. Нейтральнее других выглядел Олег Валинский, поэтому, должно быть, к нему так и не приросла никакая кличка...».

Алексей Рыбин:

«Мы начали выпивать, говорить о музыке, потому что больше ни о чем не говорили тогда, в те годы, и нашли какие-то общие музыкальные приоритеты, какие-то общие музыкальные группы у нас оказались, потом выяснилось, что Витя играет на бас-гитаре...».

Игорь Гудков:

«Тогда еще не было никаких ”квартирников“, никто не играл. Собирались на квартире у Андрея Панова в Московском районе. Он жил с матерью, она была известным хореографом, танцевала в балетной труппе нашего Мариинского театра. Позволяла нам собираться. Мы проводили там все время. Это был своего рода клуб по интересам. У Свина Цой познакомился с Алексеем Рыбиным, и они вдвоем начали что-то делать. Первый раз мы это увидели где-то через полгода с того момента, как он что-то там сочинил. Цой скромный был парень. Играл он, как я уже сказал, с Рыбиным, это была акустика. Все тогда играли очень плохо – в принципе, и до сих пор все играют плохо. Это было не главное, главное было, что ты мог написать песню. Это Виктор умел делать. Я помню, когда он впервые для нас сыграл на квартире нашего друга Паши Крусанова. Они пришли втроем – Цой, Рыбин и Олег Валинский (бывший глава ”Октябрьской железной дороги“ и нынешний вице-президент ”РЖД“ – он тогда в последний раз играл). Тогда это называлось не ”КИНО“, а группа ”Гарин и гиперголоиды“. Они пришли втроем и сыграли три песни. Мне тогда показалось, что это невообразимо круто. Это была песня ”Когда-то ты был битником“. И мы их заставили сыграть еще несколько раз».

Неожиданное знакомство действительно положило начало тесному общению и дружбе Виктора Цоя и Алексея Рыбина – Рыбы, тогдашнего музыканта группы «Пилигримы», с которым Цой в дальнейшем сблизился на почве одинаковых музыкальных пристрастий. Еще

больше Виктора и Алексея сплотило совместное участие в исторической поездке 1981 года «Автоматических удовлетворителей» на подпольные концерты в столицу, устроенные Артемием Троицким.

Алексей Рыбин:

«Музыкальная активность, которую развил Свин, естественно, не могла остаться незамеченной на сером фоне русской музыки начала восьмидесятых. Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий... Кроме рок-н-ролла, его очень интересовала новая музыка, и в частности панк. Он, конечно, вышел на Свина. Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение в Москву для исполнения перед публикой их произведений... На подготовку этих грандиозных гастролей ушло недели примерно две. Было выпито умопомрачительное количество сухого вина, написана целая куча новых песен и записана магнитофонная лента под названием "На Москву!!!" – хотел бы я знать, где она сейчас, вещь была очень достойная. Когда запись была закончена и выбраны дни для поездки – суббота и воскресенье, поскольку все работали, а прогуливать боялись или не хотели, – стали думать и гадать, кто же поедет и кто на чем будет играть. Однозначно было "АУ" – Свин, Кук и Постер, остальных вроде бы и не звали, но поехать хотелось многим, и Свин сказал, что все трудности с ночлегом и прочим он решит с Троицким сам и кто хочет ехать, может смело составить ему компанию. "Он звал 'АУ' – а может, у меня в 'АУ' сейчас десять человек играют – принимай, дорогой!" – обосновал Свин свое решение...».

Само собой, присоединиться к «АУ» решило довольно большое количество молодых людей из компании Свины, в том числе и Алексей Рыбин. На этих памятных концертах «АУ» Цой играл на басу и даже исполнил одну из своих песен, которая не произвела на аудиторию особого впечатления.

Алексей Рыбин:

«Первая песня Цоя была такая:

Вася любит диско, диско и сосиски...
В дискотеку Вася ходит каждый день.
В дискотеке Васю знает диск-жокей...
Вася-дискомен...

И что-то дальше в этом роде. Очень слабая песня. Да и вообще – не песня, считай... Потом еще "Идиот" был: "Я ненормальный человек, и ненормально все вокруг..." – вот эта вот вещь... Потом из этой песни сделан "Бездельник номер № 2"...».

Андрей Панов:

«С великой "наколкой" Майка поехали мы в Москву. К Троицкому. Майк до этого уже был там с Гробощенковым и еще с кем-то. Якобы как панк. И мы зимой семьдесят девятого, по-моему, поехали туда большой толпой давать концерты. Там Витя еще спел свою не очень удачную вещь "Вася любит диско, диско и сосиски". Ну, тогда все очень сильно были против диско. Хорошая музыка, как мне сейчас кажется. А мы там проканали с переделанной вещью Макаревича "...И первыми отправились ко дну". Ну, а Москва – город маленький, сразу все узнали, схватились за это: новые люди, новая музыка! И мы дали еще концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, оказалось, что и до Питера разговоры дошли».

Антон Галин:

«Все эти поездки со Свиньей в Москву несколько раз... Все это было по квартирам, десять человек каких-нибудь эстетов придут, посидят, похочут и уйдут. Примерно в то время все и познакомились с Липницким, Троицким... с московской такой же тусовкой. "Звуки Му" – они же, в общем-то, так же начинали, все по каким-то квартирам играли... То есть среда формировалась примерно в одно время среди этих людей...».

Тут можно упомянуть об одном моменте. Сегодня воспоминания участников этого концерта весьма разнятся. К примеру, Игорь «Пиночет» Покровский на пару с Андреем «Дюшей» Михайловым утверждают, что концерт «АУ» был не зимой, а летом. Но это очевидная игра памяти, поскольку Алексей Рыбин, Артемий Троицкий и иже с ними вспоминают именно зимний концерт и Свина в русско-морозном варианте.

Алексей Рыбин:

«Был именно зимний концерт в большой компании и с кучей народу. У Рошаля. На квартире. Устраивал Артем. Да. Это был именно зимний концерт в большом составе – Свин, Цой, Валинский, я, Пиночет, Дюша, Панкер, Кук и Постер. Играли на квартире у Рошаля, а на следующий день выступали в каком-то подростковом клубе. Устраивал это все тоже Артем, а ночевали мы у его знакомой, которая работала в каком-то театре».

Поскольку исполненный в Москве «Вася» никого не впечатлил, Цой продолжил сочинять новые песни, и чуть позже родилась его, по сути, визитная карточка – «Мои друзья».

Пришел домой и, как всегда, опять один.
Мой дом пустой, но зазвонит вдруг телефон,
И будут в дверь стучать и с улицы кричать,
Что хватит спать. И пьяный голос скажет: «Дай пожрать».

Мои друзья всегда идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.

Мой дом был пуст, теперь народу там полно,
В который раз мои друзья там пьют вино.
И кто-то занял туалет уже давно, разбив окно,
А мне уже, признаться, все равно...

Антон Галин:

«Я помню, я как-то к Цою пришел и помог ему с парой строчек... Он говорит: вот, помоги мне пожалуйста, есть такая песня "Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Вот мы сидели с ним там, придумывали рифмы, это я как-то вот так вот помню... Помню, ничего такого, но что-то типа "помоги мне – в одном месте у меня никак..." Но потом что-то разрулили, и все. Ну и потом он стал уже ездить-ездить. А я уже поступил в театральный институт, мне вообще уже стало не до этого. Да, мне не очень было интересно все это, честно говоря, я и сейчас не очень... Я помню еще тогда, когда встречались какие-то общие знакомые, то хохотали по поводу того, что Цой популярен и кому-то нужен. Все говорили – во, Цой, хахаха. Потому что никто не мог понять – кому это все надо, зачем и к чему...».

Андрей Панов:

«После того случая его прорвало, как-то раз приходит, играет новую – она есть в первом альбоме: "Мои друзья всегда идут по жизни маршем...". Это его если не вторая, то третья песня вообще. А ее довольно тяжело сделать, настолько все музыкально накручено. Помню, он говорил: мне, мол, нравится, что мы все у тебя встаем и с похмелья идем к пивному ларьку, даже зубы не чистивши. Не знаю, в чем здесь романтика, но очень многие так говорят. Потом еще песню сочинил, потом еще. Хорошие вещи. Они нигде не записаны...».

Игорь Гудков:

«Первая песня, которую я услышал от Цоя, – "Когда-то ты был битником", это было дома у Паши Крусанова, который снимал квартиру. И вот Цой там тогда ее сыграл. Она ужасно всем понравилась, и вот тогда выяснилось, что у Цоя есть еще песни».

Михаил Дубов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Кстати, у меня на хате происходила премьера первой цоевской песни "Мои друзья всегда идут по жизни маршем" в 1981 году... Ко мне тогда завалилась вся тусовка во главе с Андрюхой, Витей, Артемом и т. д., предки откровенно ох...ли...».

Евгений Титов:

«"Мои друзья" вообще про Свинью и его квартиру, когда Цой почти каждый день там тусовался в 1980/81-м, и пивной ларек на проспекте Космонавтов еще недавно стоял на том же месте...».

По легенде, 21 марта 1981 года на Крестовском острове, в ресторане «Трюм», на дне рождения Андрея Тропилло, Цой впервые публично исполнил песню «Мои друзья». Тут необходимо отметить, что на самом деле Цой выступал, скорее всего, скорее всего 22 марта (по иной версии – через неделю), причем уже в ресторане «Бриг», на улице Чайковского, 17, поскольку 21 марта «АУ» в ресторане «Трюм» попросту не выступали.

Евгений Титов:

«21 марта дирекция "Трюма" вообще всех выгнала. И как раз из-за поведения Свиньи и его товарищей. С самого начала они шокировали всех проходящих тем, что при входе имитировали акт коллективной мастурбации – то есть трясли х...ми на всех входящих приглашенных гостей и дальше в том же духе. Дирекция хотела сразу вызвать ментов, а самого именинника – Тропилло – не было, он только после 9 вечера приехал, когда уже ничего не происходило и Свинья с компанией уже свалили оттуда. И тогда Тропилло, которому было обидно, что он пропустил все "веселье", договорился с рестораном "Бриг" на следующий день и всех, кто был в "Трюме", пригласил туда. И вот там уже как раз и был концерт. Мне Тропилло рассказывал сам со слов гостей – типа, куда ты нас пригласил и что это за дебилы были, которые встречали нас с порога, трясся х...ми и с дикими воплями? Но он сам этого не видел, и ему было обидно. Потому он раскошелился на второй день банкета, чтобы уж точно ничего не пропустить...».

Как упоминает Евгений Титов, Тропилло действительно опоздал на свой день рождения. В тот вечер ему пришлось задержаться на концерте группы «Мифы» во Дворце молодежи, где он выполнял обязанности звукорежиссера. Пропустив из-за своего вынужденного опоздания все самое интересное, Тропилло решил все повторить и на следующий день арендовал зал ресторана «Бриг», где, собственно, уже и играли все желающие поздравить юбиляра. Кстати, сохранилась фотография с этого концерта, сделанная Валентином Барановским, талантливым

фотографом, в ресторане «Трюм». Молодой, с небольшими юношескими усиками Цой сидит вытянув ноги рядом с дурачащимся Пановым и приятелями.

Всеволод Гаккель, музыкант группы «Аквариум»:

«Примерно через месяц Тропилло решил отпраздновать свой тридцатилетний юбилей, который прошел в два этапа. Первый был в ресторане "Трюм", на Крестовском острове, куда он привез маленький аппарат и пригласил своих дружков-музыкантов. Но концерт не получился, потому что соседи сверху вызвали ментов, нам пришлось отключить аппарат и молча напиться. Через неделю он договорился в ресторане гостиницы "Нева" на улице Чайковского. Он гулял на широкую ногу и всех поил шампанским, а выступал "Автоматический удовлетворитель" и Цой. Так был заложен фундамент новой волны...»

Андрей Тропилло вспоминал:

«Я родился 21 марта 1951 года. 21 марта 1981 года в ЛДМ был большой концерт группы "Мифы", грандиозное событие... Закончился этот концерт в полдесятого вечера... А у меня был друг, Саша Разумов, мы с ним родились в один день. Он работал барменом в гостинице "Астория". И мы с ним договорились, что мы на пару снимем ресторан "Трюм", только пока он там будет развлекать гостей, я подойду после концерта. Концерт задержался, и, когда я пришел, было уже почти десять вечера. Неожиданно выяснилось, что играть можно только до десяти, потому что дом, в котором был ресторан, заселен какими-то старыми коммунистами, которые уже стали милицию вызывать... Но мы все равно начали немного играть... На мой день рождения пришел коллектив "АУ", где на бас-гитаре играл Виктор Цой. Тогда они, правда, назывались еще не "АУ", а группа "Х...й". Вот именно так. Никакого "АУ" еще не было. Это потом оно появилось... На ударных у них был сегодняшний директор Октябрьской железной дороги... Присутствовало очень много разных людей, Гребенщиков, Майк, Троицкий и всякие иные...»

Когда я пришел туда, мне мой приятель Разумов говорит – ты знаешь, что они делали? И рассказывает мне, что вот Свин, Цой, Швед и еще пара человек сели в круг и дрочили. А гости-то были не только мои, но и товарища-бармена, и они были шокированы просто. Не знаю уж, дрочили ли они по-настоящему или там были у них муляжи х...ев, но дрочили они – это точно. Просто посередине зала, чем ввели народ просто в состояние ступора. И гости стали меня стыдить, типа, ты что делаешь... В общем, мы решили просто перейти в другой зал. А у этого Саши был друг в ресторане "Бриг", а "Бриг" этот на улице Чайковского, недалеко от Большого дома. Там сейчас находится гостиница "Индиго", такая жирная... Так вот, именно там потом и состоялся второй день концерта, на котором, кстати, Цой играл на ударных инструментах. Это был единственный раз, когда я видел его за ударными. Но это было. И пел он песню "и в окне моем не горит свет..."... Гребенщиков спел в таком некоем стиле китч, с завываниями, песню "Москва златоглавая". И после нее Троицкий сказал Гребенщикову, что вот, мол, эта шпана сотрет тебя с лица земли...».

Андрей Панов:

«А потом нас пригласили в ресторан "Трюм" на тридцатилетие Тропилло. "АУ" все пришло, и с нами, естественно, Витя, поскольку мы все время вместе болтались. И, как сейчас мне кажется, была тогда у Гробошенкова мысль "АУ", ну, что ли, пригреть – все-таки новые люди, молва такая... А поскольку я вел себя там отвратительно, о чем очень жалею, и на всю катушку дурака валял, то он, видимо, поостерегся. Мы там поиграли, а потом Витя спел какие-то свои темы. У него к этому времени накопилось вещей пять. И Гробошенков, очевидно, понял – вот кого надо брать. И правильно, кстати, понял. И с тех пор Витя приходил ко мне все меньше и меньше, говорил, что все время у БГ находится. И потом, когда уже у него был первый кон-

перт в рок-клубе, я к нему даже после не подошел, потому что Вите это уже было не надо и, я думаю, даже претило его понятию. Я это без обиды говорю. Просто он прошел этот период – и идиотства, и информационной накачки. У него уже был другой круг знакомых. Я сам прекрасно понимал обстановку, что я, в принципе, уже не нужен, там трамплин гораздо выше. Но это было потом. А вообще, пока Витя не стал большим человеком, он был, в общем-то, очень смешной парень...».

Именно на этом концерте Цой, сыгравший «Моих друзей», неожиданно получает признание Артемия Троицкого, который в ходе московских гастролей «АУ» не обратил на него никакого внимания. Но тут песня так подействовала на него, что Артем потом везде о ней рассказывал, в том числе и Борису Гребенщикову, предрекая: «Вот та молодая шпана, что сотрет вас с лица земли». Цой же, по словам Алексея Рыбина, взбодрился после похвалы Артема и начал работать над новыми песнями.

По воспоминаниям очевидцев, Гребенщиков тоже тогда был в «Бриге», но пропустил слова Троицкого мимо ушей и впервые официально услышал Цоя только в электричке, когда ехал с одного из своих квартирных концертов в Петергофе. И вот тогда БГ, как и Троицкий ранее, был поражен талантом и искренностью юного музыканта.

Из воспоминаний Бориса Гребенщикова, лидера группы «Аквариум»:

«Они подсели ко мне – ”Можно мы песни споем?”. Ну, я хоть и был выпивши легкого вина, ну, интересно, и все равно в электричке делать нечего – ”ну давайте“. Спели мне две песни. Первая была никакая, вообще ноль, а вторая была бриллиант просто сразу – ”Мои друзья“. У меня челюсть отвисла...».

Сегодня многие утверждают, что именно они познакомили Цоя и Гребенщикова. Поэтому история этой судьбоносной встречи стала мифом. Троицкий и по сей день доказывает, что «это именно я», Тропилло говорит, что «именно на своем дне рождения я их лично познакомил» и так далее, и тому подобное. Но единственный человек, который может знать наверняка, как именно это случилось (поскольку он был непосредственным свидетелем), – это Алексей Рыбин.

Алексей Рыбин:

«Никто их не знакомил. Они просто встретились в электричке и познакомились. Вместе со мной. Вот и все. Я Бориса знал еще раньше, но не близко. Мы менялись пластинками на ”толчке“. Сейчас никто уже не скажет, как все было на самом деле... Подозреваю, что Троицкий Цоя тогда еще сам не знал. Я не помню, ”Трюм“ был до или после ”Дураков и Гастролей“. Но и на ”Дураках“ Цой на Троицкого большого впечатления не произвел. Там главным был Свин. А Цой вообще находился в тени. У него и песен-то, кроме ”Идиота“, не было. А ”Идиот“ была слишком сложная песня для восприятия на панк-вечеринках».

Есть еще один нюанс: почему-то всегда считалось, что БГ в момент знакомства с Цоем и Рыбой был один. Но это не так.

Всеволод Гаккель:

«Как гласит легенда, сто раз кем-то пересказанная, Боб познакомился с Цоем в электричке. Только история почему-то умалчивает о том, что там были и все прочие участники группы ”Аквариум“, поскольку мы все возвращались со своего концерта».

Компания Свиньи постепенно перестает интересоваться Цоя и Рыбина, и они все больше сближаются с Майком и Борисом Гребенщиковым, постепенно превращаясь из панков в "новых романтиков".

С Михаилом Науменко Цой и его приятели Алексей Рыбин и Олег Валинский познакомились примерно в одно время. Сначала это было заочное знакомство, которое произошло благодаря Игорю "Панкеру" Гудкову, который дал послушать ребятам только что записанный альбом "Сладкая Н". Чуть позже произошло и реальное знакомство. Случилось это, по словам Олега Валинского, в квартире Александра Жарова, приятеля Георгия Ордановского, лидера "Россиян".

По мнению многих знакомых Цоя, именно Майк стал для Виктора своего рода гуру, которому он показывал свои новые песни. Именно об этом говорит московский знакомый Виктора, Алексей Дидуров.

Алексей Дидуров, музыкант группы «Искусственные дети»:

«Майк для Цоя был еще и гуру, которому Цой, пацан-пэтэушник, носил на разбор и оценку новую песню. И именно Майк, дождавшись, когда Цой достигнет определенного уровня, нежно передал его БГ».

Алексей Рыбин:

«Поскольку мы любили группу "Аквариум", в силу того, что были точно такими же уродами, как и "Аквариум", и не любили группу "Мифы", то всегда хихикали над доморощенным хард-роком отечественного производства, который пел о том, что нужно открыть дверь и впустить свет... Об этом все пели. БГ об этом не пел и тем был нам мил. А Майк вообще пел про портвейн, баб и все остальное, чем просто нас обаял. И мы не могли не подружиться с Гребенщиковым, потому что других людей просто не было».

Виктор Цой:

«Если говорить о философии или взгляде на жизнь, то мне очень близок Майк, когда он говорит "Живи как живется". Другими словами то же самое говорится в "Дао дэ Цзин", где излагается принцип недеяния, но это не означает призыва лежать на спине и плевать в потолок...».

Наталья Россовская:

«Майк, несомненно, был учителем Цоя. Витя по молодости был очень в себе не уверен, и мнение Майка для него было решающим. Пока не появился Борис Борисыч. Кстати, к БГ Цоя отвел Майк. Почему-то об этом не принято говорить... Думаю, что Майк и Цой не были друзьями. В высоком понимании (а для меня "друг" – это очень серьезно). Майк помогал молодому музыканту, пока молодой музыкант не оперился. Майку нравилось "КИНО" с Лешей Рыбиным, а у меня с Цоем был нежный "школьный" роман... Все честно и чисто. Я знала все Витькины песни. Они с Лешей разрешали "подмурлыкивать", а иногда просили "подлялякивать" (в "Весне", например)...».

Общение Цоя с Пановым сводилось к случайным встречам на тусовках, поскольку компания Гребенщикова откровенно претила Свинье и его окружению.

Здесь уместно упомянуть об одной истории. Как-то Свинья, впервые приехав в Москву (а-ля молодой ковбой), пришел в «Салун Калифорния» на Самотеке и, распахнув дверь «учреждения» ногой, заявил: «Ну вы, б... я Свинья, мы на гастроли приехали!» В ответ он услышал: «А я Хозяин. Но ты, б..., можешь звать меня просто – Лелик». Этот Лелик (в миру Леонид Россиков), обладавший внушительным ростом и развитой мускулатурой, стал как бы телохра-

нителем Свины, который, будучи настоящим панком, постоянно влипал в истории. И вот на одном из квартирников в Москве (у Владимира Левитина) Цой, игравший с Рыбой, случайно столкнулся со Свином. Крепко выпивший Панов начал обвинять Цоя в «мажорстве» и даже назвал его песни «сопливой эстрадой». Цой же парировал словами: «А ты все дерзаешь? Ну-ну, дерзай» – и похлопал того по щеке. И едва не попал под удар Лелика, который расценил движение Цоя как нападение на Свинью... Конфликт, конечно же, был улажен, но Свин неоднократно потом упрекал Цоя и Рыбу в «мажорстве», что вызывало у них жгучее раздражение, не меньшее, чем когда их называли панками, которыми ни Цой, ни Рыба себя не считали.

Илья Смирнов, журналист, организатор первых рок-концертов:

«Случались и от своих неприятности. Один из первых их концертов, еще с Рыбой, на квартире у замечательного человека Попова, который на самом деле был студент Плехановского института Володя Левитин... Мы старались шифровать людей, особенно связанных с распространением билетов и с журналом. Я знал его настоящую фамилию, а многие искренне полагали, что он Попов, а, например, студент МИМО Саша Лукин, ныне большой специалист по Китаю, был Матвеев – "что тот евангелист, что этот", как сказал бы Б. Брехт. Художнику Юре Непахареву даже звонили на завод, где он работал, и просили Хипова к телефону. Так вот, на тот квартирный концерт заявили ленинградские делегаты Всесоюзного съезда панков на Самотеке, Свинья и Нехороший, очень обиженные на Рыбу и Цоя за измену своему грязному делу, не простившие Цою предательского знакомства с Гребенщиковым, и, увидев неоромантические наряды, совсем озверели... И с хиппи тоже возникали проблемы...».

Итак, новыми учителями Цоя и Алексея Рыбина стали Майк и БГ, то есть можно с уверенностью сказать, что наставников Виктор и Алексей выбрали себе безошибочно.

Алексей Рыбин:

«Кстати, творчество Гребенщикова Панов действительно не любил. Он называл Бориса Борисыча Гробошченковым и морщился, когда мы с Цоем подбирали на гитаре песни с только что вышедшего "Синего альбома". Но он никогда никому и ничего не запрещал. Если уж ты попадал внутрь его квартиры, то дальше мог любить любую музыку и любых исполнителей».

Евгений Титов:

«Есть же большое интервью со Свиньей о Цое, там он сам подробно про все говорит. И даже не пьяный (вроде), так что, скорее всего, как он там говорит, так все и было. И даже то, что Цой перекинулся в компанию Гребенщикова, – так Свинья сам говорит, что это было правильно, так как с ними Цой больше смог сделать, вышел на другой уровень».

Андрей Чернов, музыкант группы «Автоматические удовлетворители»:

«Я никого не хочу обидеть, но Андрюхе были глубоко по х... и Цой, и Гробошченков, и многие другие... Для него этого не существовало, о чем он и сказал Цою. Тот и телефон "забыл" после этого».

Впоследствии Цой действительно почти не пересекался с Пановым, разве что на фестивалях рок-клуба.

Андрей Панов:

«Я еще некоторое время звонил ему, но... Один раз, правда, он сам позвонил, когда у него сын родился. Хотел пригласить на день рождения. Но я, естественно, был пьян, зачем-то ему нахамил и бросил трубку. Вот и все. Один раз мы встретились в рок-клубе. Как гово-

рил Зиновий Гердт в фильме "Соломенная шляпка": "Вы еще когда-нибудь виделись с вашей женой?" – "Да". – "Ну и что же?" – "Мы раскланялись". Так и мы с Цоем – даже не поговорили, вынужденно поздоровались, и все».

Николай Кунцевич, музыкант:

«Впервые я узнал о Викторе Цое в 1982/83 году, услышал на кассете (тогда были кассетные магнитофоны) песни "Восьмиклассница", "Алюминиевые огурцы" – собственно говоря, группу "КИНО"». А потом я узнал, что там поет Виктор Цой. Когда мы виделись с Андреем Пановым, мы никогда не говорили о Цое. У нас были другие темы для разговоров. О том, что Виктор играл с Андреем, я узнал из воспоминаний Алексея Рыбина, прочитав об этом в его книге...».

Как уже было сказано, удачные выступления с «АУ» в Москве и последующие тусовки сблизили Виктора и Алексея Рыбина, и после совместного похода ребят в СКК на концерт «Форварда» и «Автографа» (по сути, первых профессиональных рок-групп советской официальной сцены) все это вылилось в совместную поездку (в компании с общим другом – Олегом Валинским) в Крым, в поселок Морское. Поскольку идея поездки пришла спонтанно – с билетами было туго, так что до Крыма ребята добирались в разных поездах. Олег с Алексеем вместе, а Цою пришлось ехать одному, что совершенно не смутило Виктора, тем более впереди был отдых... Кстати, как вспоминал впоследствии Валинский, изначально ребята ехали не в Морское, а в местечко Солнышко, куда ребята после встречи на вокзале в Симферополе и отправились, но после того, как Солнышко разочаровало, было решено переехать в Судак, а затем в Морское.

Море, пляж, местное вино в трехлитровых баллонах и горячее желание реализовать творческий потенциал привели к тому, что именно там, в Морском, были впервые произнесены вслух слова о создании новой группы, которую с ходу окрестили «Гарин и Гиперboloиды». Отдых был совершенно забыт, и, вернувшись в Ленинград, молодые музыканты с головой погрузились в репетиции.

1982–1986

«Сорок пять»

Итак, работа, начатая еще в Морском, не прекращалась и по возвращении в Ленинград. Виктор, Алексей и Олег непрерывно репетировали дома, отдавая предпочтение той из их квартир, где отсутствуют родители. В результате упорного труда к осени 1981 года была готова идеально отработанная сорокаминутная программа, которую не стыдно показывать.

Олег Валинский, музыкант первого состава «КИНО»:

«Название "Гарин и Гиперboloиды" родилось от Гребенщикова. Цой уже был с ним знаком. Когда все началось, Цой обратился к Гребенщикову: мол, хотим играть, как назваться? Боб сказал: "Ну, назовитесь 'Гарин и Гиперboloиды'". И все, больше мы об этом не думали».

Алексей Рыбин:

«Нам ужасно нравилось то, что мы делали. Когда мы начинали играть втроем, то нам действительно казалось, что мы – лучшая группа Ленинграда. Говорят, что артист всегда должен быть недоволен своей работой, если это, конечно, настоящий артист. Видимо, мы были не настоящими, потому что нам как раз очень нравилась наша музыка, и чем больше мы торчали от собственной игры, тем лучше все получалось. Это сейчас вокруг Цоя создана легенда и он воспринимается всеми как "загадочный и Богом отмеченный...". А он был совершенно обычным, неоригинальным и заурядным парнем. Который просто вдруг начал писать хорошие песни. Все. На этом, как говорится, "точка, конец предложения". Ничего сверхъестественного в нем не было вообще».

Павел Крусанов:

«Где-то с августа 1981-го Цой, одолжив у меня бонги, цилиндры которых были покрыты ярким малахитовым пластиком, вместе с Рыбой и Валинским усердно репетировал акустическую программу. "КИНО" в ту пору еще не родилось – группа называлась "Гарин и Гиперboloиды". Носитель редкого мелодического дара, Цой, разумеется, царил здесь безраздельно. Секрет заключался в эксклюзивной формуле вокала. Цой вел основную партию, а Рыба с Валинским заворачивали этот добротный продукт в такую, что ли, неподражаемо звучащую обертку. У Валинского был чистый, сильный, красивый голос, кроме того, он довольно долго и вполне профессионально пел в хоре – таким голосовым раскладкам, какие он расписывал для "Гарина...", позавидовали бы даже Саймон и Гарфункел. Цоевский "Бездельник" ("Гуляю, я один гуляю..."), под две гитары и перкуссию, грамотно разложенный на три голоса, был бесподобен. Возможно, это вообще была его, Цоя, непревзойденная вершина. Я не шучу – тот, кто слышал "Гарина..." тогда вживую, скажет вам то же самое (тропилловская запись альбома "45", составленного из песен той поры, делалась, увы, уже без Валинского, пусть и с участием практически всего "Аквариума"».

Конечно же, ни о какой концертной деятельности ребята пока мечтать не могли, все музицирование сводилось к исполнению песен в компании знакомых и друзей. И вот как-то получилось, что на дне рождения Игоря «Пиночета» Покровского (по другой версии, Алексея Рыбина, поскольку дни рождения Игоря и Алексея почти совпадают) появился Борис Гребенщиков, и, как рассказывает он сам, «самым существенным событием мероприятия стало то, что глубокой ночью Цой вместе с Рыбиным стали петь свои песни».

Уехал же Гребенщиков оттуда с четкой мыслью «о том, что нужно немедленно поднимать Тропилло и, пока вот это чудо функционирует, его записывать».

Борис Гребенщиков:

«Тогда как танком прокатило, я и подумать не мог, что такой величины автор вырос в Купчине и доселе никому не известен. На следующий день стал звонить друзьям-звукорежиссерам, уговаривая их немедленно записать песни Цоя, пока ребятам еще хочется играть. Я очень счастлив, что оказался в нужный момент и в нужное время».

Тем временем, к началу 80-х годов, в СССР сформировалось полноценное рок-движение, которое власть даже поддерживала, не желая провоцировать протестную стихию. Так, по государственной инициативе в 1981 году был открыт ставший настоящей легендой первый в Союзе Ленинградский рок-клуб.

Разумеется, Цой, Рыбин и Валинский решили вступить в рок-клуб, членство которого давало хоть какие-то возможности более-менее официально выступать перед публикой. 26 сентября 1981 года они подали заявку на вступление.

Отрепетировав всю программу еще раз, 29 сентября участники группы довольно успешно показали себя перед приемной комиссией совета Ленинградского клуба любителей рок-музыки и, ответив на ряд идеологических и других вопросов, 30 января 1982 года были приняты в рок-клуб.

Николай Михайлов, президент Ленинградского рок-клуба:

«Я помню, например, Виктора Цоя еще в составе группы "Гарин и Гиперboloиды". Народ их не очень любил, и они действительно играли плохо. Но уже тогда от Цоя настолько перло, что мы решили эту группу принять, дать им возможность развиваться. Они даже начали репетировать, хотя Цой и любил говорить, что пусть репетируют те, кто играть не умеет. Такая же история была с "Аукционом". Тех, кто показывал потенциал, но не дотягивал до нужного нам уровня, мы оставляли в кандидатах на вступление в рок-клуб. "Аукцион" был как раз кандидатом. У нас было то, что мы называли голосованием ногами. Когда группа не нравилась, народ шел в буфет пить пиво. Так вот, поначалу на выступлениях "Аукциона" буфет был полон...».

Федор Лавров:

«В рок-тусовке было явное расслоение даже по возрасту. Люди, которые были всего на несколько лет старше, хипповали. А для панков хиппи были вчерашним днем. Для нас "Аквариум", заявлявший, что они играли панк на фестивале в Тбилиси, был унылой хиппанской музыкой. Удивительно, что когда "КИНО" вступило в рок-клуб, хотя Рыба и Цой были панками, к ним тоже стали относиться с ревностью».

Алексей Рыбин:

«В Ленинграде теперешние "лучшие друзья" Цоя нас вообще не воспринимали! Кроме "Аквариума" и "Зоопарка", нас все считали гопниками. И в рок-клубе мы были какими-то отщепенцами. Нам устроили всего два концерта, в порядке общей очереди. И вся околмузыкальная тусовка нас презирала».

Алексей Вишня, музыкант, звукорежиссер:

«Я сразу поверил в Витю с Рыбой, а вот рок-общественность поначалу отнеслась к Цою довольно скептически. "КИНО" даже не хотели принимать в рок-клуб: "Что они играют? Где зажигательный рок-н-ролл?! Устроили тут ля минор, до мажор, мы тоже так умеем!" Публика жаждала пафоса и общественных призывов, а не лирики...»

Владимир Рекшан, музыкант:

«Весной 1982 года, когда я пришел в рок-клуб на концерт, о будущих потрясениях и речи не шло. Зал Дома народного творчества предназначался для театральных постановок, и отличались клубные концерты отвратительным звуком. Половину концертов народ проводил в буфете, где продавались пиво, кофе и мелкая закуска. Я обычно приходил на Рубинштейна, чтобы встретить знакомых и поболтать, проявив таким образом причастность к определенной социальной группе. Постоянно появлялись новые люди, и, если ты планировал продолжать сценическую деятельность, следовало держать нос по ветру. Никого не встретив в буфете, я отправился в зал и сел в партере, услышал, как объявили дебютантов: "Группа 'КИНО'!" Несколько человек в зале вяло захлопали в ладоши. На сцене появился сухопарый монгол в рубаше с жабо, сделал сердитое лицо и заголосил. Монгол оказался Цоем. Рядом с ним на тонких ножках дергался славянин, и оказался он Алексеем Рыбиным, Рыбой. Откуда-то из-под сцены периодически вылезал БГ с большим тактовым барабаном и исчезал обратно.

"И что они этим хотели сказать?" – несколько надменно подумал я, забыв, что и сам двенадцать лет назад выбегал на университетские подмостки босиком...».

Илья Смирнов:

«Нужно помнить, что Цой пэтэушник. И что он начинал свою карьеру среди ленинградских панков, тоже вполне пэтэушных, которые назывались "звери" и в свободное от хулиганства время как бы музицировали в манере Sex Pistols. Наследием этого периода стали песни в репертуаре "КИНО": "Мама-анархия", "Звери" и "Мои друзья". Цоя уже с новым составом "КИНО" в рок-клуб сильно засасывало. Но ведь не засосало. Потому что рок-клубовская тусовка, где "каскадеры на панели играют в Запад", не была единственной референтной группой. Параллельно существовало рок-движение со своей системой ценностей. На подпольных концертах не оценивали музыканта по покрою штанишек. Некий коллективный разум, всесоюзный худсовет, рассредоточенный по сотням квартир, красных уголков, домашних студий звукозаписи, ухитрялся распознавать в море наивной самодеятельности "искру электричества" и потом поддерживать, чтобы талант не деградировал, а развивался: с ошибками, с конфликтами, с бытовыми неурядицами, но своим неповторимым путем...».

Вскоре группе пришлось расстаться с ударником. Олега Валинского забрали в армию, и Виктор с Алексеем остались одни.

Олег Валинский:

«Сначала меня направили в учебку в Павловск, там была радиоразведка... А потом полтора года я служил на Кубе... А придя из армии в ноябре 1983 года, я узнал, что Цой с Рыбой уже не играют вместе».

Виктор Цой:

«Первый концерт в рок-клубе, в 81 году, мы играли в таком составе: я и Рыба, барабаны – звучала фонограмма электрической ударной установки, Миша Васильев (из "Аквариума") играл бас, а Дюша (Андрей Романов, также "Аквариум") – клавишные. Концерт прошел ровно, понравился и нам, и публике».

Игорь Гудков:

«Я не помню, каким образом группа "КИНО" попала на сцену рок-клуба. Единственное, что я помню, что выступали первыми, потому что последними играли самые известные в рок-клубовской грядке. Помню, что Цой боялся выступать первым, все-таки первый концерт, все

было не очень понятно... Собирали сценические костюмы им. Все принесли то, что у них было. Я принес две рубашки, очки, узкие такие, у меня дома была родительская коллекция... В то время я учился играть на кларнете, ходил в джазовую школу безуспешно, но при этом у меня были кларнет и саксофон. И вот Цой увидел у меня саксофон и говорит – может, поможешь нам на саксофоне? Я говорю – ты что, я не умею играть на саксофоне! А он говорит – не надо ничего играть. Вот есть песня – “Когда-то ты был битником”, нужно играть одну ноту. Просто зажимать и выдавать одну ноту. Это я мог делать. Вот так и получилось мое появление на сцене с “КИНО”. Там Майк еще вылез с гитарой с одной стороны, я с саксофоном с другой, это была последняя песня. Звук был настолько плохой в рок-клубе в то время, что ничего в принципе слышно не было... Никто ничего не понял. Я уверен, что никакой славы Цой тогда не стяжал, но публика, пришедшая на рок, в зале сидела. Конечно. Наверняка ничего из представленного им не понравилось, но нам понравилось очень. У нас была настоящая гримерка, с кем-то напололам. И это было очень здорово. У меня есть пара фотографий с этого концерта, где я с саксофоном скачу на первом плане...».

Виктор продолжал писать песни, подолгу оттачивал их, обыгрывая те или иные гармонии, Алексей приезжал к нему, вместе они придумывали аранжировки, готовясь к будущей гастрольной деятельности.

Алексей Рыбин:

«Витька был упорным и в этом плане трудолюбивым человеком. Некоторые песни рождались у него очень быстро, но над большей частью того, что было написано им с 1980 по 1983 год, он сидел подолгу, меняя местами слова, проговаривая вслух строчки, прислушиваясь к сочетаниям звуков, отбрасывая лишние и дописывая новые куплеты... Так же осторожно он относился и к музыкальной стороне дела. Витька менял аккорды до тех пор, пока не добивался гармонии, которая полностью удовлетворяла бы его, – в ранних его песнях практически нет сомнительных мест, изменить в них ничего невозможно».

После бурной встречи Нового, 1982 года и довольно удачных концертов в Москве, устроенных московским музыкантом Сергеем Рыженко, о которых можно прочесть в многочисленных воспоминаниях и рассказах свидетелей, Виктор с Алексеем, с подачи БГ, решают записать свой первый альбом. Решено было и сменить название группы, поскольку старое – «Гарин и Гиперболоиды», как этого и следовало ожидать, перестало устраивать музыкантов, тем более что применительно к дуэту «Цой – Рыбин» оно звучало достаточно странно. «Вы же новые романтики – вот и исходите из этого», – дал отеческое наставление Гребенщиков.

Алексей Рыбин:

«После поездки в Москву к Троицкому и Липницкому о наших удачных гастролях распространились слухи в Питере, на Цоя стали обращать внимание. Так что столица нас оценила первой. Мы искали какие-то пути... Все записывали свою музыку дома на магнитофон, по счастливому стечению обстоятельств мы познакомились с БГ и группой “Аквариум”. И, по моему, именно Борис инициировал эту запись, убедил Тропилло и своих друзей».

С рождением названия «КИНО» связано много разнообразных легенд. К примеру, Алексей Дидуров утверждал, что такое название закрепилось за группой после новогодних гастролей в Москве. Кто-то из гостей, увидев, как молодые, разогретые красным вином Алексей и Виктор плещутся в ванной голышом, произнес в восхищении: «Ну вы даете, ребята, просто кино какое-то!»

Сам же Алексей Рыбин вспоминал, что название «КИНО» пришло после того, как они с Цоем провели целый день за перебиранием всевозможных слов. Толкового на ум ничего не приходило (рассматривались даже «Ярило» и «Пионеры»). В итоге, после целого дня мучительных переборов всевозможных существительных, внимание ребят, шагавших по Московскому проспекту, привлекла надпись «КИНО», одиноко светившаяся на крыше кинотеатра «Космонавт».

Алексей Рыбин:

«Я, кстати, сказал Вите: "А вот 'КИНО' как тебе?" – "Полное говно, – сказал Витя. – Не пойдет, это не название, безликое абсолютно, ничего за ним нет, ничего не понятно, какое кино, что за кино..." Прошел день в перебирании слов, и потом изможденный Витя сказал: "Хрен с ним, пусть будет 'КИНО'..."».

«Во всяком случае, ничем не хуже, чем "Аквариум"», – решили Цой с Рыбиным, и группа обрела новое имя.

Итак, группа меняет название на «КИНО» и решает сделать запись первого альбома. Для этого Цой и Рыбин заручаются поддержкой самого БГ и участников группы «Аквариум», после чего БГ договаривается со звукорежиссером Андреем Тропилло, который уже записывал альбомы «Аквариума».

«Продюсером этой записи выступил Борис Гребенщиков, который, услышав песни акустического дуэта Виктор Цой – Алексей Рыбин, проникся симпатией к молодой группе и загорелся желанием помочь "КИНО" записать первый альбом. Потенциал цоевских песен был виден невооруженным глазом, и БГ решил рискнуть. Закончив работу над "Треугольником", он, договорившись с Тропилло, пригласил "КИНО" в Дом юного техника на первые студийные пробы. Тропилло, не лишенный здорового авантюризма и имевший счастье наблюдать выступление Цоя с Рыбиным на какой-то безумной панк-вечеринке, согласился записывать "КИНО" без предварительного прослушивания».

Борис Гребенщиков:

«Я примерил рубашку продюсера в первом альбоме "КИНО". По необходимости пришлось это делать, потому что не было никого другого – Тропилло группа "КИНО" не интересовала, их запись была целиком моей инициативой».

С марта по апрель 1982 года группа «КИНО» с помощью музыкантов группы «Аквариум» в студии Андрея Тропилло записывает свой альбом.

Из интервью Виктора Цоя:

«Пленку мы записали в принципе быстро, но между днями записи были большие паузы. Она не дописана, вышла без наложений, голый костяк, такой "бардовский вариант". Я успел только в три песни наложить бас, и то сам накладывал. Мы бы, конечно, доделали, но вышла какая-то лажа со студией, и мы выпустили пленку. Слушать ее мне было стыдно, но уже сейчас, задним умом, понимаю – Борис был прав, пленка сделала свое дело. На мое удивление, она очень быстро и хорошо разошлась. Последовали приглашения на концерты из разных мест страны, мы начали ездить в Москву, были там много и часто, в Ленинграде с выступлениями было сложнее, играли часто на квартирах. Как правило, играли акустический вариант».

Записывался первый, полуакустический альбом группы на Охте, на улице Панфилова, в доме номер 23, в полулегальной студии ленинградского Дома пионеров и школьников Калининского района, где в то время располагалась студия Андрея Тропилло.

Запись велась на два обычных двухдорожечных «Тембра», на которых постоянно приходилось переключать скорости. В какой-то момент Борис Гребенщиков, находившийся за пультом, забыл переключить скорость и одна из песен, «Восьмиклассница», случайно оказалась записанной на девятой скорости.

Пустынной улицей вдвоем
С тобой куда-то мы идем,
И я курю, а ты конфеты ешь.
И светят фонари давно,
Ты говоришь: «Пойдем в кино»,
А я тебя зову в кабак, конечно.

У-у, восьмиклассница,
У-у, восьмиклассница.

Ты говоришь, что у тебя по географии трояк,
А мне на это просто наплевать.
Ты говоришь, из-за тебя там кто-то получил синяк,
Многозначительно молчу, и дальше мы идем гулять...

Кстати о «Восьмикласснице». Существует огромное количество версий происхождения этой песни.

К примеру, Алексей Рыбин рассказывал, что Цой написал эту песню после очередного романтического свидания с восьмиклассницей, девушкой, с которой познакомился в училище. Московский писатель Алексей Дидуров утверждал, что Цой написал песню после прочтения его романа в стихах о «голой восьмикласснице». Художник Андрей Медведев предлагал иную версию. По его мнению, Цой написал знаменитую песню после того, как познакомился с одной из многочисленных учениц Андрея у него дома.

Версию Алексея Рыбина можно считать самой достоверной, поскольку «Роман о голой восьмикласснице» был прочитан Цоем Дидуровым уже после написания песни, в ходе московских новогодних концертов «Гарина и Гиперболоидов» у Сергея Рыженко в 1982 году, а рассказ Медведева, в «салон» к которому Виктор стал заходить гораздо позже, чем была написана «Восьмиклассница», и вовсе выглядит неправдоподобно.

Что же касается самих «восьмиклассниц», то на эту роль претендовали много разных дам.

В одном из журналов, уже после смерти Виктора Цоя, было напечатано письмо некой девушки из города Ставрополя, по имени Ольга. Она рассказывала, что, будучи ученицей художественного училища в Ленинграде, познакомилась с Виктором Цоем, который тогда играл в ансамбле «Ракурс», выступавшем на танцах. Между ними разгорелись романтические чувства, и Виктор даже написал песню, которую посвятил Ольге.

Дженни Яснец, художник-дизайнер:

«Меня познакомил с Цоем мой покойный ныне друг, художник Андрей Медведев. Мы шли в районе метро "Автово" на день рождения к другому нашему общему другу, Гусеву, было лето, и все утопало в зелени. Мне было 15–16 лет, я выглядела абсолютно как ребенок, была в сарафане и детских сандалиях, покрашенных сиреневой темперой. Мы тогда раскрашивали обувь, что-то придумывали со своей одеждой.

Случайно мы встретили Цоя. Он был весь в черном, очень высокий, худой и очень красивый. Андрюша нас познакомил, и Цой пригласил нас на концерт. Я очень обрадовалась, я уже тогда начала ходить в рок-клуб, и мне было очень интересно. Как гласит легенда, Цой

спросил у Андрея: "Кто это?" Андрей ответил: "Это моя ученица, восьмиклассница". Андрей тогда занимался со мной композицией, так как я училась в Серовском училище и готовилась поступать в Мухинское. Потом Цой и спел в подарок Андрею на день рождения свою песню "Восьмиклассница"... Было, конечно, все не совсем так, как в песне. И старшей сестры у меня не было, и в кино никто не ходил, да и романа так и не случилось, хотя, конечно, вообще он производил впечатление. Высокий, стройный, черный, стильный...».

Приведенный рассказ – это воспоминание Дженни Яснец, девушки, которая в бытность свою студенткой Серовского училища действительно была знакома с Виктором Цоем. К сожалению, эта история – не более чем романтическая сказка, поскольку к моменту упомянутых событий Цою уже исполнилось 23 года и песня «Восьмиклассница» была давно написана. К тому же Дженни Яснец, равно как и Ульяне Цейтлиной и еще огромному количеству претенденток на эту роль, было тогда 16–17 лет, и тусовались они вовсе не с Цоем, а с художниками из компании Андрея Медведева и Георгия Гурьянова.

Георгий Гурьянов:

«Это наши девчонки, да. Наше окружение. Писанные красотки. Улечка, Дженни... Сегодня, жаль, редко видимся... Уля в Москве живет. Дженни в Питере. Хорошие девушки. Что я могу сказать еще? Они реальные очевидцы и свидетели того, что происходило с нами. И я могу это подтвердить».

Федор Лавров:

«Восьмиклассница» у Цоя замечательная песня, тогда она нам всем очень нравилась...

Несмотря на то что историй и легенд много, реальную историю написания песни и имя ее главной героини сегодня вряд ли удастся установить точно. Но я отвлекся...

Итак, музыканты «Аквариума» мужественно помогали молодой группе осуществить задуманное, и сам Андрей Тропилло сыграл чудесное соло на флейте в песне «Дерево». Правда, сложности создавало то, что Тропилло мешали бесконечные, отнимающие время проверки РОНО, пионеры из секции звукозаписи и всевозможные ученики, которые хотели научиться звукорежиссуре, а также периодические общественные нагрузки и поручения, которые необходимо было выполнять.

Алексей Рыбин:

«Запись альбома продолжалась с переменным успехом. То у Тропилло в студии была какая-нибудь комиссия, то мы не могли отпроситься со своих табельных мест, то еще что-нибудь мешало. Однажды Витьке пришлось даже съездить на овощебазу вместо Тропилло, а Андрей в это время записывал мои гитарные соло, Севину виолончель и Дюшину флейту на песню "Мои друзья". Попав в настоящую студию, мы слушали Тропилло как Бога Отца и Гребенщикова как Бога Сына. Мы выглядели послушными и боязливыми и были счастливы уже оттого, что у нас есть возможность записываться».

Всеволод Гаккель:

«Во всех записях, в которых мне доводилось принимать участие, был момент интриги. В то время для нас это было достаточно привычное времяпровождение. Все зависело только от того, насколько виолончель вообще уместна в контексте рок-музыки и насколько мобильно ты мог с лету ухватить характер песни и придумать, что ты можешь в ней сыграть. Мне нравится, как я сыграл в песне "Мои друзья". Но все-таки это была сессия, мы специально для этого приехали в студию. Моя партия в припеве у меня сложилась прямо в студии, что называ-

ется, "на коленке", и, как мне кажется, была совершенно адекватной и делала эту песню игровой. И я помню, как мы радовались удачной находке. Но в процессе сведения от нее почти ничего не осталось, то есть надо специально прислушиваться, чтобы расслышать виолончель. Я вообще считаю, что у этой песни был потенциал гимна ничуть не меньшей силы, нежели "Перемен", только она менее пафосная. Недавно Вишня предложил мне сыграть в его кавер-версии на песню "Время есть, а денег нет" на виолончели и гитаре. Конечно же, я переслушал этот альбом, и у меня просто волосы встали дыбом от того, насколько все нелепо звучит».

Андрей Тропилло:

«Музыкантом Цой был нулевым, но тексты писал неплохие. Особенно про то, как их однажды загнали от реставрационного ПТУ, где Витя и освоил искусство производства подделок, в совхоз «Детско-сельский» собирать огурцы. Стояла мокрая осень, поле было глинистым, почва вязкая, а собираемые «реставраторами» огурцы были покрыты ровным слоем серой глины. Огурчики сияли на солнце металлическим блеском и вдохновили Цоя написать песню. Может быть, это был один из самых оригинальных рок-н-рольных текстов той поры...»

Алексей Рыбин:

«Одна из песен была придумана нами непосредственно в студии, в процессе настройки инструментов. Незавершенные наброски текста к композиции "Асфальт" у Цоя уже были. Мы попытались играть какие-то немыслимые ходы, а Гребенщиков начал махать руками из аппаратурной и кричать: "Это надо писать! Это надо писать! Это новая песня!" Она вся была построена на одном риффе, и в ней не было даже рефрена».

Пару лет «Асфальт» регулярно исполнялся на акустических концертах, поскольку это была самая тяжелая и мощная вещь из всего репертуара «КИНО». Именно с нее весной 82-го года группа начала свое первое выступление в рок-клубе. В программу входили еще три рок-н-рольных номера: гипнотический бит «Когда-то ты был битником», пивной марш-бросок «Мои друзья» и монотонная «Электричка», ритмически выдержанная в русле композиции Игги Попа Passenger и сыгранная позднее в жестком хард-роковом ключе на альбоме «Последний герой». «Электричка везет меня туда, куда я не хочу», – пел Цой низким голосом под энергичный аккомпанемент двух акустических гитар. Но репутация «КИНО» составили не вышеупомянутый рок-н-рольный блок и не ироничная псевдоиндийская стилизация «Ситар играл», а по-мальчишески угловатые и романтические «Восьмиклассница», «Бездельники», «Время есть, а денег нет», а также абсурдистский хит «Алюминиевые огурцы», написанный Цоем по следам осенних сельскохозяйственных работ.

В итоге вся студийная запись четырнадцати песен группы «КИНО» заняла полтора месяца. Завершив работу, молодые музыканты, горящие желанием сделать что-то принципиально новое в духе «новых романтиков», занялись оформлением своего первого альбома. Поскольку время записи (вместе с песней «Асфальт», впоследствии выпавшей) составляло ровно сорок пять минут, то именно это число и увековечилось в названии – «Сорок пять» («45»).

Виктор Цой:

«Первый альбом, который предшествовал нашему концертному выступлению, назывался "45". Назывался он так потому, что по времени звучания он длился 45 минут в первоначальной версии, с песней "Асфальт". Потом мне показалось, что это неудачная песня, мы ее убрали оттуда, а название сохранили».

Вечер наступает медленнее, чем всегда,

Утром ночь затухает, как звезда.
Я начинаю день и кончаю ночь.

24 круга прочь, 24 круга прочь,
Я – асфальт...

Я получил письмо от себя себе,
Я получил чистый лист, он зовет к тебе.
Я не знаю, кто из вас мог бы мне помочь.

24 круга прочь, 24 круга прочь,
Я – асфальт...

Изначально Виктор с Алексеем планировали сделать несколько фотографий в «новоро-мантическом виде» (с пистолетами в руках и в рубашках с жабо), чтобы использовать их в оформлении обложки альбома, но впоследствии от этой идеи отказались. Решено было взять за основу принцип оформления альбомов «Аквариума», обложки к которым делал Андрей «Вилли» Усов.

Ученик Андрея Тропилло, Алексей Вишня, к тому времени уже подружившийся с «КИНО», сделал несколько вполне приемлемых фотографий, и с их помощью ребята качественно оформили обратную сторону обложки, красиво написав названия песен и выходные данные. И вот альбом «родился»...

Виктор Цой:

«Альбом был акустическим, но даже на таком уровне записи это было очень сложно... Он стал довольно популярным в узких кругах любителей рок-музыки, хотя это и не рекламировалось, и не снималось на телевидении».

В интервью журналу «Рокси» Цой называет песни «45» «бардовским вариантом» и признается, что был против выпуска этого альбома, поскольку запись, с его точки зрения, получилась сырой.

Всеволод Гаккель:

«Мне, конечно же, нравились песни Цоя, но я не был его поклонником и не мог быть. Мы все принадлежали к одному кругу, все были друг с другом так или иначе знакомы, как это бывает в любом сообществе, объединенном одними интересами. Это было подвижное пространство, мы были просто приятелями, друзьями, некоторые даже дружили семьями. Группа «КИНО» была всего лишь одной из групп этого круга. То, что Цой (я так и не могу называть его Виктором, а «Витька» сейчас звучит как-то неправильно) стал известен более других, а ранняя смерть и вовсе возвела его в разряд «небожителей», – это уже совсем другая история. Когда он только появился в нашей компании, мы восприняли это нормально, обычно: вот появился еще один парень. Боб раньше других разглядел в Цое что-то особенное, увидел какой-то материал, из которого можно что-то слепить, и взял Цоя под свое крыло. Однако первый альбом, «45», записанный Андреем Тропилло под неусыпным оком Боба, едва не угробил эту группу на корню. Безусловно, его стали слушать, потому что в самих песнях было то, что заставляло их слушать. Но конечный «продукт» совершенно неудоварим... В это же время в этой же студии, учась друг на друге, писались и другие группы. Кто-то преуспел в студийной работе больше, кто-то меньше, но первый альбом «КИНО» – это что-то за гранью добра и зла. Впрочем, к старости мы становимся сентиментальными, проходит время, и какие-то вещи кажутся

вполне допустимыми. Но альбом "45" – это брак, это нельзя было выпускать. Услышав такой результат, надо было все переписывать. Ужасная драм-машина, лязгающая гитара. Это невозможно, Цой так не играл. Я слышал его очень близко, я помню, как звучал этот же самый голос, и когда Цой играл один, и когда они с Рыбой играли в натуральных условиях. То есть нужно было просто правильно расставить микрофоны и включить уши, сделать так, чтобы два инструмента и голос звучали адекватно, чтобы между ними был нормальный баланс. Если бы я тогда умел это делать, я мог бы на этот процесс повлиять. Но мне казалось, что мои друзья понимают в этом лучше меня. При всей моей любви ко всем этим людям, я считаю, что это была катастрофа. Бобу и Тропилло не стоило браться за это дело, надо было оставить этих двух мальчиков играть на гитарах и петь свои песенки про алюминиевые огурцы, восьмиклассницу и так далее. В этом была проблема. Мы все хотели играть в какую-то чужую игру. Мне не избавиться от своего ощущения "Аквариума" – ведь это дни, месяцы, годы музицирования: помню, как мы звучали в реальности, когда играли дома. И звучали мы на порядок лучше, чем это было записано. Но многим людям хотелось звучать современно, ведь с течением времени музыка менялась, менялось ее звучание и ее ощущение. Хотелось быть "в тренде" и соответствовать тенденциям того времени, так виделось движение вперед. Но при этом чуть ли не половина записей, сделанных в то время, – брак. Ни один звукозаписывающий лейбл, будь они в то время, не согласился бы выпустить такой альбом как продукт. Не было института продюсеров, которые могли бы беспристрастно оценить результат. И была очень завышенная самооценка. И в эпоху магнитоальбома можно было самим "выпускать" все, что угодно. Хотя Тропилло пытался что-то перенять у знакомых звукорежиссеров фирмы "Мелодия" и брал у них на время какие-то микрофоны и студийные магнитофоны, обращался он со всем этим по наитию. Иногда получались неплохие результаты, но то, что было проделано с группой "КИНО" на их первом альбоме при участии их старших товарищей из группы "Аквариум", – это ужасно».

Скептически оценивал альбом и Рыбин – правда, спустя много лет:

«Единственное, что в "45" есть хорошего, – это трогательная непосредственность песен. Сами же песни представлены на альбоме очень наивно, а аранжировки отсутствуют как класс. Не скажу точно, какое значение имеют эти песни для меня, но вот в музыкальном плане мне очень интересен "Бездельник № 2", "Мои друзья" очень хорошая песня... Собственно, там все хорошие, от души написаны...».

«Я думаю, что Цою хотелось, вероятно, не совсем того, что получилось, – вспоминал Гребенщиков. – Скорее всего, ему хотелось рок-н-рольного звука – звука "КИНО", который возник на их альбомах впоследствии. Но из-за нехватки людей, из-за моего неумения сделать то, чего они хотят, и их неумения объяснить, чего именно они хотят, получилось "45"».

Художник **Сергей Бугаев**, приятель Виктора Цоя, вспоминал:

«Гребенщиков так внимательно и по-дружески, по-отцовски, по-братски воспринял появление Цоя. Я тогда жил у Гребенщикова, на улице Софьи Перовской. Цой принес ему первую кассету с "45" – пленку – тогда еще кассет не было фактически...».

Показательно, что ленинградская рок-тусовка альбом поначалу вообще не заметила, а московский подпольный журнал «Ухо» назвал песни «КИНО» «расслабленным бряцаньем по струнам», в котором «серной кислотой вытравлены всякий смысл и содержание». В тот момент сложно было поверить, что спустя буквально несколько лет большая часть композиций из «45» будет звучать чуть ли не в каждом дворе под приблизительный аккомпанемент ненастроенных шестиструнных гитар...

Илья Смирнов:

«Первую реакцию на концерты новоявленной группы "КИНО" запечатлел журнал "Ухо", там появились две рецензии – в номере 2 ругательная, в номере 3 за тот же 1982 год положительная... Ругали за то, что от этой музыки хочется спать. Во-первых, из нее "серной кислотой вытравлен всякий смысл", всякие там "вторые планы", "мысли" и прочая туфта. "КИНО" тогда представляло собой акустический дуэт "Виктор Цой – Алексей Рыбин", плюс необязательный ударник с бонгами, иногда еще дискотечная колонка, через которую подключали гитару. В роли рекламного агента обычно выступал Гребенщиков: "Пригласите обязательно 'КИНО', не пожалеете...". Многие потом жалели. Понять почему, можно с помощью самиздатовского журнала "Ухо". Там была напечатана (на папиросной бумаге, 10 закладок под копирку) статья "Романтики в лайковых перчатках". КИНОшникам поставили в вину: первое – внешний вид, "как они выходят выступать: в кружевах, жилетках, бабочках, только что не во фраках". А это ведь напяливалось не просто так, а в подражание последнему англосаксонскому рок-поветрию, "неоромантикам". Не то чтобы рецензенты "Уха" были против моды, все прекрасно понимали, что вся рок-музыка – "депеша эта с Запада" и распространилась у нас именно как мода, но преувеличенное внимание к внешней атрибутике, "модничество", оно не приветствовалось. Кроме того, подражать панкам в наших условиях можно было легко и непринужденно, смотри старую песню Володи Сигачева из "ДДТ" "Мой дедушка панк", а неоромантики советской сборки выглядели как Эллочка Людоедка в мексиканском тушкане. И вторая претензия журнала "Ухо" к Цою и Рыбе касалась уже содержания песен: то, что они "нанизывают цепочку впечатлений и простейших реакций трехлетнего ребенка. Слушаешь, слушаешь куплет за куплетом, да, холодно, да, "ношу шапку и шерстяные носки"... Летом, конечно, лучше. Ну и что дальше? А ничего. Просто ребята рассказали нам под музыку, что зимой холодно, а летом жарко. Мерси, но чем это лучше... эстрадных поделок про радугу над полем и весну в соловьях?... Масса повторов". Информативная ценность минимальна, как и во всех песнях "КИНО", зато музыка вколачивает в сознание каждое слово... Простая электричка превращается в некое почти мистическое средство передвижения, наподобие чичиковской тройки у Гоголя... Творчество группы "КИНО" изначально наивное, бесхитростное и искреннее (как Рыбин писал про Цоя: "За 20 минут сочинил... песню 'Восьмиклассница', вернее, не сочинил, а зарифмовал все то, что с ним происходило на самом деле, от 'конфеты ешь', до 'по географии трояк', в дальнейшем это самовыражение было вписано в определенную культурную среду". Математик Гребенщиков. Физик Андрей Тропилло, который хоть и называл Цоя пэтэушником, но записывал их музыку на своей самодельной студии, и не просто записывал, а по ходу обучал ремеслу. Пианист-парадоксалист Сергей Курёхин. И многие, многие другие. Что такое, например, альбом "КИНО" "45"? Два человека из "КИНО" и четыре из "Аквариума". Для Гребенщикова случайная встреча с Рыбой и Цоем в электричке стала как раз долгожданным воплощением его мечты: "Где та молодая шпана?"»

Запись альбома тяжело далась как Виктору, так и Алексею. Собственно, это касалось и звукорежиссера, и участников группы «Аквариум». Виктор, в то время учившийся в художественном училище, отлынивал от занятий, выкраивая время на запись в студии, а Алексей, трудившийся монтажником сцены ТЮЗа, умудрялся получать мифические больничные, чтобы хоть как-то оправдать свое отсутствие на рабочем месте. Родные, конечно, ни о чем не догадывались – ну, бренчат ребята на гитарах, и пусть себе бренчат. Мало кто понимал, что за всем этим стоит в будущем...

Валентина Васильевна Цой:

«Работу над альбомом "45" Витя засекретил: ходил таинственный, ни о чем не рассказывал. Как-то вечером принес мне плеер: "Мама, послушай!" Мне понравилось. "Во всяком случае, не хуже, чем у других!" – решила я. Дала ему десять рублей, чтобы как-то стимулиро-

вать. Думала, он сладкого себе купит, а он вернулся с бутылкой водки. Ну, думаю, обычный парень вырос».

Из интервью **Виктора Цоя**:

«А из старых альбомов мне больше всего нравится первый альбом, "45", потому что... Ну, я не знаю почему, но нравится. Другое дело, что я из него немножко как бы вырос уже».

По мнению Андрея Тропилло, «45», в сущности, был сольным альбомом Цоя, а роль Алексея Рыбина свелась к тому, что «он пару раз на гитаре сыграл, а под конец записи вообще куда-то исчез». Надо отметить, что сам Алексей Рыбин не раз говорил, что работа в группе тогда действительно разделилась: Цой отвечал за творческую часть, а он – за административную: выступления, оплата, поездки, билеты. Но вот что касалось именно записи альбома, то тут все было, что называется, поровну.

Алексей Рыбин:

«Да, Цой совершенно отбил у меня охоту сочинять песни. Я был просто подавлен обилием и качеством материала, который он постоянно мне показывал. Он писал постоянно, и его вещи мне нравились. Я видел, что Витя пишет песни лучше, чем я. Со своей стороны, я делал то, что лучше получалось у меня, я хорошо аранжировал. Но что касается слов Тропилло насчет того, что "45" – сольник Цоя, – это следствие его маразма. Мы вообще с Цоем в ту пору не расставались. И "45" мы делали от первой до последней ноты вместе. Это знают и БГ, и Севка, и Фан, и все, кто там бывал. Делали все вместе, вплоть до обложки – у меня дома, на Космонавтов...».

Не умея толком играть на инструментах, музыканты «КИНО» записали песни, которые с удивительной точностью передавали атмосферу городской романтики того времени с ее вечным безденежьем, бездельем и океаном нереализованных планов и ночных мечтаний. «Сигареты», «ночь», «телефон», «солнечные дни» – как бы там ни было, а «45» получился одним из самых светлых и лиричных альбомов за всю историю русского рока.

Андрей Яхимович, музыкант группы «Цемент»:

«Это был просто новый виток подворотней песни. "ПТУ – рок". Ребят 80-х уже не устраивали минорные песенки про "готов целовать песок" и "на могиле повесился сам прокурор", и, естественно, должен был появиться Цой. И он появился».

Алексей Рыбин:

«Альбом "45" все хаяли. Говорили, что это самодеятельность ниже плинтуса. Нас поддерживали Борис Гребенщиков и вся его группа, Майк Науменко привечал, остальные травили».

Андрей Тропилло:

«Курёхин предсказывал большое будущее группе "КИНО", хотя предпосылок к этому в начале творческого пути у Цоя не было. Еще в школе Цоя дразнили чукчей, гопники постоянно на улице приставали. Наверное, поэтому Витя потом страстно увлекался фильмами с Брюсом Ли. Он всегда хотел быть героем и считал, что одной крови с актером. Мог смотреть их по 10, 20 раз, постоянно показывал сцены оттуда. Витя выглядел скромным, молчаливым пареньком с восточной внешностью, был отстраненным, потому что рокеры в восьмидесятые его презирали».

Тот же Макаревич, с которым я общался, часто говорил: "Тебе не стыдно? Зачем ты с ним возишься! Ладно, Боря – гений, а Цой-то этот тебе для чего?!" В рок-клубе на Рубинштейна любить "КИНО" считалось очень плохим тоном».

Запись альбома была закончена. Ее окончание и сам факт записи альбома дал «КИНО» определенный статус. Группа заявила о себе и была услышана. Как сказал в одном из интервью **Виктор Цой**:

«У нас появилась некоторая репутация, даже авторитет, мы уже сами могли выходить на какие-то студии».

Андрей Усов, фотограф:

«Я знал Витю много лет... Познакомились мы в 1982 году. Он был немного нескладный, совершенно неординарная внешность. Как чужестранец! Помню, Витя попросил – "Вилли, сделай нам оформление альбома, как ты Боре Гребенщикову делаешь" – "А дай мне послушать кассетку" – "А я тебе спою". И он мне все спел, весь первый альбом "45", прямо на поляне перед "Юбилейным". У меня было какое-то ощущение прорыва, счастья! После я ходил ночью по Петропавловке с гитарой и пел прохожим песни группы "КИНО", которых еще никто не слышал».

Олег Котельников:

«С Цоем мы познакомились у Гены Зайцева, когда они с "Рыбой" принесли ему первый альбом слушать. Заслуг перед рок-н-роллом в то время у них еще не было, и Гена, член совета рок-клуба, весьма скептически к ним отнесся. В тот день он был под впечатлением от привезенного из Уфы нового альбома Шевчука "Не стреляй", а тут пришли два красавца и поставили ему про дерево. Разумеется, Гена не мог не заметить контраста: с одной стороны, красивые тексты, нормальное пение, а с другой – предсмертный рев загнанного марала. Разумеется, однорукому нравилось больше "ДДТ", поэтому впоследствии он стал директором Шевчука. Цоя сразу шибко полюбил Тимур Новиков, и я часто стал встречать Виктора у Тимура – его приводил Гурьянов».

Артем Липатов, журналист:

«Кто же мне принес тогда, в 1983-м, кассету с альбомом "45"? Не помню. Конечно, там не было фирменного упругого баса, каспарьяновских гитаризмов и гурьяновского лаконичного ритма. Это была такая тинейджерская акустика, смешная, веселая, грустная. "Я посадил дерево", кто помнит. А еще лихая: "Мои друзья всегда идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков". Это был уже панк – потому что настоящий панк – это не когда "я бубу ее каждый день" (так Майк Науменко однажды весело простебал Свинью, Андрея Панова), а когда вот так, формально строго, а по сути – наотмашь. Наотмашь Виктор Робертович умел».

Начало было положено. И, надо сказать, довольно успешно.

Разрыв

Еще до записи альбома, во время одного из «квартирников» на Петроградской стороне, Виктор и Алексей знакомятся с Владиком Шебашевым, который становится первым официальным фанатом группы «КИНО».

Примерно в это же время, в начале марта 1982 года, но уже в ходе записи «45», на одной из вечеринок Цой знакомится и с молодой художницей Марьяной, в скором времени ставшей

Виктору не только подругой, но и полноценной участницей группы «КИНО» (в качестве гримера и костюмера), а впоследствии женой и матерью единственного сына, Александра.

Игорь Петровский, давний приятель семьи Виктора Цоя, вспоминал:

С Витей мы познакомились в начале 80-х и дружили до конца 1985 года, потом это как-то прекратилось. С Марьяной я познакомился во второй половине (в конце) 70-х, отчасти благодаря нашему знакомству они с Цоем и повстречались...

Как известно, Цой умел нравиться женщинам, и об этом вспоминают многие его знакомые и приятели.

Павел Крусанов:

«Разумеется, регулярно появлялся в нашей квартире и Цой. Благо от Днепропетровской улицы было рукой подать до полюбившегося ему женского общежития ПЖДП (Прижелезнодорожного Почтамта) Московского вокзала, располагавшегося (речь об общежитии) в Перцовом доме на Лиговке. Да, этого не отнять: он нравился женщинам – он был обаятелен, хорошо сложен, молчаливость добавляла его решенному в черных тонах образу известную толику романтической загадочности, ну а когда он брал в руки гитару и начинал петь, его и вовсе окутывало облако какого-то запредельного очарования, так что девицы теряли над собой контроль и глаза их наливались томным матовым блеском. Не устояла даже милейшая и добрейшая майковская Наташка – дело едва не дошло до адюльтера, отчего Майк некоторое время на Цоя ревниво дулся. Собственно, здесь же, на Днепропетровской, Цой увел у Панкера Марьяну. Вернее, она сама увелась: отдадим должное слабому полу – практически невозможно соблазнить деву без ее встречного желания быть соблазненной».

В апреле 1982 года руководство рок-клуба предложило «КИНО» выступить на концерте молодых групп. С помощью музыкантов группы «Аквариум» они исполнили 7 песен.

Всеволод Гаккель:

«Я помню один из первых концертов группы "КИНО" в рок-клубе с Рыбой на костылях при участии Боба с чудовищной драм-машинкой. Это был кошмар, полный хаос, ничего не слышно. Впрочем, в этой дурости что-то было. Все так или иначе относились к этому как к игре, и никто не судил друг друга. Но я считаю, что если бы эти двое ребят вышли бы просто с двумя гитарами, это было бы во сто крат лучше. Но в то время они находились "в лапах" Боба...».

Александр Андреев:

«Концерт этот состоялся 20 апреля 1982 года и представлял публике три молодые, только что принятые в рок-клуб группы. Совет рок-клуба решил усилить программу участием заслуженной группы "Реквием", ветеранов битловских праздников и пригородных танцплощадок, игравших, несмотря на мрачное название, жизнерадостный, но несколько архаичный для 1982 года бит. Сегодня это решение выглядит забавным, учитывая, что тремя дебютантами были "КИНО", "Странные игры" и "Выход"! Событие это, вне всяких сомнений, стало историческим. Его не единожды описывали в подробностях и участники, и очевидцы, поэтому не буду повторяться. Главное, он стал знаком прихода в рок-клуб и в питерский рок вообще эры новой волны: положенный на ритмы Ска поэтический абсурд "Странных игр", саркастический философский реггей "Выхода" и уличная романтика "КИНО" стали краеугольными камнями в основании новой художественной парадигмы, позволившей питерским музыкантам сократить раз-

рыв между ними и общемировой музыкальной культурой, в одночасье оказавшись если не впереди планеты всей, то уж точно впереди всей Страны Советов».

Алексей Рыбин:

«Однажды Майк, вернувшийся из Москвы, между стаканами сухого сообщил, что "познакомился с настоящим мафиози". Событыльники, в числе которых находились мы с Цоем, поохали, поахали, позавидовали и продолжили выпивать. Никто из нас не знал, что вскоре с этим "мафиози" столкнемся и мы...».

Этим «мафиози» был Александр Липницкий – человек, по словам Алексея Рыбина, «сделавший для рок-групп из Ленинграда столько, что это сопоставимо с тем, что сделали для себя сами эти группы».

Летом молодые музыканты «КИНО» провели несколько концертов в Москве, в частности концерт у Александра Липницкого, на память о котором осталась удачно сделанная запись и воспоминания очевидцев...

Александр Липницкий, музыкант группы «Звуки Му»:

«Жаркие дни лета 1982 года. "КИНО" уже гремит – альбом "45" успешно конкурирует в Москве с самим "Аквариумом". 25 июля я устраиваю группе домашний концерт, пригласив московских художников и музыкантов. Хорошо накрытый стол стимулирует дуэт наших гитаристов, и песня "Лето", на мой вкус, никогда не была так сильно спета, как в тот день».

В городе плюс двадцать пять – лето!
Электрички набиты битком,
Все едут к реке.
День словно два, ночь словно час – лето!
Солнце в кружке пивной,
Солнце в грани стакана в руке.

Девяносто два дня – лето!
Теплый портвейн,
Из бумажных стаканов вода.
Девяносто два дня – лето!
Летний дождь наливает
В бутылку двора ночь.

Цой, Марьяна и Алексей, как и раньше, много времени проводят у Майка Науменко и, можно сказать, фактически становятся членами его семьи. Между женой Майка, Натальей, и Виктором в недалеком прошлом были романтические отношения, которые, впрочем, если судить по воспоминаниям самой Натальи, отнюдь не зашли далеко и отнюдь не повлияли на их дальнейшую дружбу.

Алексей Вишня:

«Когда мы познакомились с Цоем, он уже жил с Марьяной. Я запомнил ее высокой, крупной женщиной... До встречи с Витей Марьяна считалась подругой питерского рок-продюсера Игоря "Панкера" Гудкова, прославившегося в 1983 году записью совместного альбома LV лидера группы "Зоопарк" Майка Науменко и Бориса Гребенщикова. Цой же, по словам друзей-приятелей, был безумно влюблен в жену Майка Наташу. Предполагаю, что и она отвечала взаимностью. Но из семьи не ушла и любовь в себе задавила. Наташа оказалась человеком

долга: у них с Майком рос четырехлетний сын Женя. Цой страдал. И Марьяна его утешила, став для Виктора незаменимой...».

Наталья Россовская:

«Ничего серьезного не было. Хотя я сама не знаю. Наверное, это все-таки была любовь с моей стороны. Совсем детская... Целовались, как школьники».

Я не стал приводить полностью рассказ Наташи Науменко о ее дружбе и романе с Цоем, хоть Виктор и выглядит в нем чистым и романтическим героем, то есть таким, каким он был в первый, «ленинградский» период. Но, несомненно, найдутся читатели, которым милее Цой такой, каким он показан в рассказе Натальи.

Инна Николаевна Голубева, мама Марьяны Цой:

«Да, они пропадали вечно в городе, у Майка. Но то, что рассказала жена Майка, Наташа, Житинскому, конечно же, не совсем соответствует действительности...».

К концу лета Цой и Марьяна с друзьями рванули в Крым, в поселок Малореченское, где наслаждались «диким» отдыхом. Сохранилось несколько фотографий, сделанных их общим другом, Владимиром «Дедом» Новиковым, которого они случайно встретили в Малореченском.

Алексей Рыбин:

Лето восемьдесят второго пролетело незаметно – я еще раза два съездил в Москву, Витька с Марьяшей – на юг, мы славно отдохнули и в начале осени снова встретились у меня на Космонавтов.

14 июля Цой получил диплом резчика по дереву и по возвращении из Крыма наконец-то оказался распределён на работу в Пушкин (в НПО «Реставратор») с обязательной двухгодичной отработкой по месту распределения. И теперь ему приходилось ездить к 8 утра в пригород и торчать под потолком анфилады Екатерининского дворца.

К осени 1982 года Алексею Рыбину, выполнявшему функции директора группы, удалось создать некое подобие концертного графика, правда, большинство выступлений проходило в столице. В основном это были квартирные сейшены, но изредка случались и более солидные мероприятия, например совместный с группой «Центр» концерт в МИФИ. Играли Цой с Рыбиным вдвоем, лишь пару раз компанию им составил барабанщик «Аквариума» Петр Трощенко.

Илья Смирнов:

«К примеру, концерт в ЖЭКовском красном уголке... Маленький зал в полуподвале человек на 70 при конторе, которая сейчас называется "управляющая компания", а тогда "жилищно-эксплуатационная", пенсионеры там собирались по праздникам, ну и такие, как мы, иногда. Так вот. Поют Рыба и Цой и, по-моему, Петр Трощенко на ударных. Из заднего ряда вдруг раздаются джазовые рулады, явно издевательские по отношению к выступающим. Я говорю: "Кто привел сюда Пономареву и еще напоил?" А это оказалась Олеся Троянская, героиня московского хиппизма, в окружении всей своей бригады. Исключительно безобидной. Один Миша Реалист чего стоил. Утюг на проволоке в качестве кистеня. Мы их убедили не мешать. Зато по окончании концерта они полезли на сцену: что это вы привезли за эстраду ленинградскую? Вот вам сейчас Олеся споеет по-настоящему "Карломарксовый портрет"...».

К сожалению, запись московского концерта в красном уголке ЖЭКа пока обнаружить не удалось, сохранились лишь фотографии Сергея Алексащенко, однако доступна запись другого квартирника – ленинградского выступления «КИНО» в общежитии ЛГУ.

Сергей Котеков, устроитель квартирных концертов:

«История несколько шире, чем история одного концерта... Дело было в 1982 году, это был концерт в общежитии матмеха ЛГУ, в небольшой комнате, – разновидность квартирника. Общежития матмеха ЛГУ – да, это Петергоф, точнее Старый Петергоф, а еще точнее – Темяшкино. Там на третьем этаже был выделен блок, в котором были снесены перегородки, для проведения всяческих мероприятий, типа вечеров встреч групп, литературных вечеров и т. д. Поскольку так или иначе у меня был доступ к этой комнате, то я смог провести там несколько концертов.

Очень кратко. Один чел в нашей общежитии так или иначе вышел на БГ, а потом вывел на БГ меня. Где-то в это же время как-то сама по себе пришла идея устроить концерт БГ в общежитии. И как-то она сама собой удалась. Концерт был довольно странным... Но сама идея настолько всем понравилась, что следующим был почти тут же приглашен Майк. Потом был их совместный концерт, а потом Борис как-то передал послушать первый альбом «КИНО». Тот вариант несколько отличался от «канонического», но, к сожалению, лента у меня не сохранилась – «взяли послушать». Мне «киношники» очень понравились, и Борис предложил позвать их на концерт тоже, что и случилось.

Да, именно БГ познакомил нас с «КИНО». Он тогда как раз закончил продюсировать их первый альбом и «нес свет их творчества в массы», а по-новому – промоутил там, где мог. После «заумной» лирики БГ и городских баллад Майка «КИНО» выглядели веселыми детьми, которые дорвались до инструментов. И это было в кайф. Девушки тащились больше.

«КИНО» позвали петь в общежитии. Все получилось просто замечательно – 28 октября 1982 года состоялся очень веселый и бодрый концерт. Запись концерта была плохая, лента бракованная, а потому сохранена только часть. Забавный момент – когда я передавал Вите деньги, собранные с народа, он сказал что-то типа: «Ого, за это еще и деньги платят – офигеть».

Запись концерта велась, но при записи «КИНО» что-то намудрили – писал не я, о чем и жалею. Запись была плохая, с перегрузками и разными другими проблемами. Записано было все более-менее, но записано на бракованную ленту. Из-за этого большая часть концерта была с провалами. Впрочем, сохранена была только та часть, которая не сильно кривая. Одним из приколов тех концертов было то, что Борис, а потом и «КИНО» пели «Пригородный блюз» Майка.

Правда, «КИНО» у нас в общежитии очень немного играло, в основном БГ и еще Майк – с ними я общался довольно много. А с Витей как-то не особенно наладилось. Почему – не помню. Сохранился «билет на концерт», после которого Витя и Леша мне его подписали...

Кстати, на концерт Цой прибыл с Марианной, она тогда уже сильно «берегла свой Хой». И они сразу после выступления уехали, и даже не на последней электричке, а Рыба остался в попытке познакомиться с какой-нибудь нашей девицей, но сильно промахнулся...

После этого был еще совместный концерт БГ и Майка, где они весело препираются. И еще один концерт БГ. После этого была идея пригласить весь акустический «Аквариум», но когда Миша Файнштейн озвучил мне цену, я понял, что мне столько не собрать, хоть тресни. И как-то на этом деле все прекратилось – мне нужно было писать диплом, была куча других забот. А потом пошли полулегальные концерты в разных ДК, и нужда в таких вот квартирниках, как в общежитии, отпала...»

В конце 1982 года группа «КИНО» решает записать новый накопившийся материал.

Алексей Рыбин:

«Витька продолжал писать, и материала для второго альбома у нас уже было более чем достаточно. Теперь, когда мы разделили обязанности и всеми административными вопросами стал заниматься я один, мой товарищ начал наседать на меня и все чаще и чаще требовал, чтобы я поскорее подыскал студию для новой записи».

Поскольку Андрей Тропилло был очень занят работой с группой «Аквариум» и не имел возможности уделить время «КИНО», Гребенщиков предложил Рыбину самостоятельно найти студию для записи и даже снабдил его многочисленными телефонами знакомых звукорежиссеров. В конце концов, после долгих поисков, Алексею повезло, и он нашел студию звукорежиссера Андрея Кускова в МДТ. На барабанах группе помогал Валерий Кирилов, впоследствии ставший барабанщиком «Зоопарка».

По воспоминаниям Алексея Рыбина, запись всех песен альбома прошла быстро и складно: практически за несколько часов вполне прилично записали болванки четырех песен. Кирилов, который до этого не был знаком ни с музыкой «КИНО», ни с Рыбиным и Цоем, оказался опытным барабанщиком, поэтому легко попал в нужный ритм. Однако несмотря на такую легкость и гладкость, судьба записи оказалась трагикомичной, ее не довели до конца по двум причинам: Цой вдруг разонравился студия, звук барабанов и вообще сама идея. После записи Виктор забрал ленту с собой, сказав, что на этом следует остановиться, и спрятал ее «в шкаф».

Я сижу в кровати, только что из ванной, с мокрой головой.
На улице мороз, и рано, как ни странно, я пришел домой.

За стенкой телевизор орет,
Как быстро пролетел этот год,
Он так похож на прошлый год,
Я в прошлом точно так же
Сидел один, один, один...
В поисках сюжета для новой песни...

Алексей Рыбин:

«К сожалению, эту запись мы так и не довели до конца – Витьке вдруг разонравилась эта студия, звук записанных барабанов, хотя, на мой взгляд, он был вполне достойным. Мы собрались в Малом драматическом еще раз, записали голос, и Витька, забрав ленту себе, сказал, что пока на этом остановимся. У него не было настроения писать дальше. Отношения наши продолжали оставаться превосходными, он сказал, что просто устал и ему нужно сосредоточиться, чтобы записать полноценный альбом. А пара песен из записи в Малом драматическом потом так никуда и не вошла».

Валерий Кирилов, музыкант группы «Зоопарк»:

«Моя учеба шла по накатанным рельсам. Сокурсники оказались веселыми парнями, я завел массу интересных знакомств и озаботился изготовлением барабанов. Бабушка прислала мне из Литвы на покупку инструментов огромную сумму – 1500 рублей. Я купил подержанное пианино "Красный Октябрь", а барабаны решил изготовить на заказ. Мастер, который их делал, жил за городом и был подвержен запоям; я же по простоте душевной имел неосторожность заплатить ему всю сумму заранее. И вот теперь мне приходилось еженедельно мотаться на электричке к нему в Рыбацкое, так как метро там еще не было. Наконец барабаны были готовы. Красивые, прозрачные (из оргстекла), они и звучали здорово. Кстати, именно на них

я писал музыку с Рыбой и Цоем. Почитать о той записи можно в Лешкиной книге ”«Кино» с самого начала”, а качество звука оценить на альбоме ”Неизвестные песни Виктора Цоя”. Работы не было, и пришлось бы мне собираться преподавать школьникам ксилофон и малый барабан, как тут произошло странное событие, которому я не придал тогда никакого значения. Мне позвонил незнакомец, назвался Рыбой и попросил записать с ним и его приятелем Витей несколько песен на внезапно подвернувшейся студии МДТ.

Кто это такие, я не имел ни малейшего представления, но мне было достаточно того, что они сказали гордо:

– Мы играем биг-бит!

Я согласился, и в назначенный час Леша с Витькой подъехали ко мне. Мы быстро спустили сложенную заранее установку вниз, затолкали ее в машину, с большим трудом влезли сами и покатали на улицу Рубинштейна, в театр. Уже в машине я уточнил некоторые детали и еще раз спросил:

– Так что играете-то?

– Биг-бит! – с заднего сиденья ответил придавленный бочкой Цой.

На студии я быстро расставил инструменты, и, пока инженер обвешивал их микрофонами, Цой наиграл мне приготовленные к записи песни. Я показал ему по несколько ритмических рисунков к каждой из них; он выбрал понравившиеся, разобрались с бреками, вступлениями и формами, а потом быстро записали болванки. Вернее, я не знаю, как назвать то, что мы записали. Рыба играл подобие первой гитары, Цой играл вторую, баса не было, а голос писался сразу – то есть все тогдашние законы звукозаписи были нарушены. Партия бас-гитары была наложена Шурой Храбуновым (“ЗОО“, первая гитара) много позже, почти десять лет спустя! А тогда мы взяли голым энтузиазмом и наглой молодостью. При записи ”Последнего героя“ я был совершенно заморожен ритмом этой песни, поэтому она получилась сразу же. Примечательна история моей барабанной партии песни ”Весна“. Майк написал ”Лето“, песню для Цоя, и позже, когда я уже играл в ”ЗОО“, Майк неизменно требовал, чтобы в ”Лете“ на всех концертах мною игралась та самая партия из цоевской ”Весны“. Ложилось замечательно, поэтому я не возражал, хотя каждый раз в душе хихикал при ее исполнении.

В студии Витя работал быстро и уверенно – если он и волновался немного, внешне было не заметно, а в ”Поисках Сюжета“ некоторое волнение добавило остроты и небольшой оттенок нервозности. К сожалению, у меня не сохранилась вторая половина этой песни (ее случайно отгрызла кошка Киса), и на той записи она внезапно обрывается. Как и Витькина жизнь... Для них это была первая запись в профессиональной студии, и я рад тому, что был с ними тогда. По окончании смены мы втроем сидели в аппаратной и слушали материал. На магнитофоне мигала лампочка секундного метража, и Цой внимательно смотрел на нее... Пользуясь случаем, я попросил инженера сделать мне копию всей записи. Ту самую. В принципе, Леша Рыбин довольно точно описал эту запись в книге ”«Кино» с самого начала”. Действительно: ну позвонили, ну приехали, ну записали... Вот только Рыба забыл написать о том, что, помимо оператора, за тем действием наблюдала фигуристка Марина Кожевникова, которая приехала в студию вместе с нами. После записи я остался на улице с Мариной и кучей тяжелых барабанов. Посреди ночи, без всяких шансов поймать такси. Рыба с Цоем моментально куда-то испарились после выхода из студии...

Много лет спустя Майк мне рассказал: они заявили к нему среди ночи хвастаться своей первой студийной записью и заставили его внимательно прослушать.

– Помню, я сонный ее слушал. Я сначала не хотел им совсем дверь открывать, но Наталья настояла. Спросил, кто барабанил, а они сказали, что Женя Иванов из ”Пепла“ им присоветовал какого-то ”кренделя“, я не помню, чтобы тебя до того раза слышал. Но похвалил, Кириллыч! Запись их похвалил!

В то время Майк опекал Цоя, и тот отвечал ему благодарностью, многие это помнят...

Позже Майк познакомил Виктора с БГ, сдал, так сказать, с рук на руки.

Через несколько лет Майк, Цой, Буйнов и я стояли в служебном буфете "Лужников" во время совместного концерта. Буйнов рассказал какую-то байку (он на это дело мастер), я же в ответ поведал ему о том, как "ЗОО" участвовал в совместном концерте с Глызиным (бывали в те времена такие чудеса), где выступал парень, загримированный под Буйнова ("Веселые Ребята" тогда только разошлись), и я стоял в полном недоумении от увиденного глюка...

То был концерт, посвященный памяти Сашы Башлачева. Нечто странное сквозило в воздухе в тот вечер. Казалось, что все насыщены энергией необъяснимой тоски и неопределенности. Я не помню, чтобы кто-нибудь общался друг с другом так, как это делали мы. Все ходили как вареные. Не могу сказать, что игралось на том концерте. Меня так вообще весь день преследовала мысль: "Кто следующий, кто?" Я вглядывался в лица музыкантов, и этот вопрос то терялся в сознании, то отчетливо проступал, как тошнота с похмелья. В тот день я отчего-то так и не сказал Витьке, что запись сохранилась у меня...».

По счастливому стечению обстоятельств, именно Кирилов сохранил копию этой записи, только одна песня «В поисках сюжета для новой песни» оказалась оборвана на полуслове. Кошка Кирилова размотала и сжевала часть пленки. Вот так пропало 11 метров записанной ленты... Впоследствии запись была издана в 1992 году по инициативе Марианны Цой на грампластинках Петербургской студией грамзаписи, а позже, в 1996-м, переиздана «Мороз рекордз» на CD-диске «КИНО. Известные песни».

По воспоминаниям Марьяны, в конце января Цой, основательно испортивший пальцы трухлявой лепниной дореволюционных потолков, в конце концов добил своего начальника наплевательским отношением к работе, и тот счел за благо отпустить молчаливого молодого реставратора на все четыре стороны.

Инна Николаевна Голубева:

«Он же по специальности был резчик, а его почему-то распределили на лепнину. Как-то так получалось, что я не дотрагивалась до него никогда, а тут вот случайно коснулась его пальцев и ощутила, что у него кожа нежная, как у младенца... Просто тончайшая. А он, значит, там штукатуром почти каким-то работал, и пальцы его были просто в хлам».

Виктор, уставший от восьмичасового графика работы, мечтал уйти в дворники или кочегары, чтобы иметь хоть немного свободного времени для занятий музыкой, но ничего подходящего не подворачивалось. В результате он устроился рабочим в Управление паркового хозяйства, располагающееся на улице Лизы Чайкиной, 4/12, где вырезал детскую деревянную скульптуру в парке «Тихий отдых» на Каменноостровском проспекте, 81. До сих пор в том парке можно увидеть некоторые работы Виктора, к примеру «Грустный лев».

Андрей Усов:

«Цой занимался некоторое время рубкой деревянных скульптур в каком-то садово-парковом хозяйстве, и можете себе представить, что работы Цоя стояли на детских площадках – всякие мишки и прочее».

Кстати, сегодня в котельной «Камчатка», как утверждает легенда, можно увидеть некоторые из этих самых деревянных фигур, вырезанных Цоем во время работы в садово-парковом тресте. Но можно с уверенностью сказать, что фигуры, представленные в «Камчатке», – вовсе не работы Цоя. И доказать это легко. К примеру, многие видели там фигурку «Большого Уха» из одноименного мультика Юрия Бутырина, якобы вырезанную Цоем. Однако несоответствие сразу бросается в глаза – Цой вырезал фигуры для украшения парка в период с 1983 по 1984

год, а рисованный мультипликационный фильм «Большой Ух» был выпущен творческим объединением «Экран» в 1989 году.

Сергей Фирсов, кочегар котельной «Камчатка», приятель Виктора Цоя:

«Нашу статую в ”Камчатку“ притащил Вилли с ближайшей детской площадки, к сожалению, а так порой хочется ее за цоевскую выдать, проклятая интеллигентность не дает! Цой в свое время дарил мне свои нэцке и пепельницы, но время слизало все...»

Сергей Жариков, музыкант:

«С Цоем меня познакомил Фирсов. Их дуэт с Рыбой появлялся у Трубецковых на 15-й Парковой, но я там с Витьком не пересекался. Они там в паре пели свои песенки, и Рыба был панком».

В середине февраля 1983 года рок-клуб запланировал очередную акцию – концерт групп-попутчиков по записи альбома «45» – «Аквариума» и «КИНО». Перед Цоем и Рыбиным остро встает проблема расширения состава группы, ведь они по-прежнему оставались дуэтом. А музыка Цоя, по словам Рыбина, уже тогда «могла звучать только в электричестве, с полным составом».

Алексей Рыбин:

«Перед тем как уйти в армию, Олег – наш Гиперболоид – работал в одной командочке параллельно с нами, играл с ней на разных свадьбах, вечеринках – подхалтуривал, одним словом. Командочка, впрочем, была некоммерческой направленности: вокалист обожал Джона Леннона, гитарист торчал от Creedence – со вкусом у ребят было все в порядке. Я тогда познакомился с этой группой и теперь решил попытать счастья и созвонился с басистом, Максом. Выслушав мои предложения и условия, Макс согласился поиграть с ”КИНО“ в качестве сессионного музыканта. Я начал ездить к нему (он тоже жил в Купчине, недалеко от меня) и репетировать с ним Витькин материал. Однажды я ехал к Витьке на Гражданку – вышел из метро ”Площадь Ленина“ и ждал троллейбус, на котором нужно было проехать еще с полчаса, чтобы добраться до Витькиного нового дома. ”Привет“, – услышал я знакомый голос, повернул голову и увидел Макса с бас-гитарой в чехле, а рядом с ним – Юрку. Юрка тоже был с гитарой в руках – они, как выяснилось, ехали домой с какой-то очередной то ли халтуры, то ли репетиции, то ли еще чего-то. ”Вы сейчас свободны?“ – спросил я Макса и Юрку. ”Свободны“. – ”Поехали к Витьке. Я как раз сейчас к нему на репетицию. Макс, ты уже можешь показать, что ты там напридумывал, может быть, Юра, и ты что-нибудь поиграешь – хотите? Можно попробовать“. – ”С удовольствием“, – ответили продрогшие уже музыканты. Когда мы приехали к Витьке и я представил ему кандидатов в концертный состав ”КИНО“, Витька увел меня на кухню и неожиданно устроил мне небольшой нагоняй – впервые за все время нашей дружбы и совместной работы. Он был страшно недоволен тем, что я привел к нему в дом незнакомого ему человека – Каспаряна».

Цой поначалу совершенно не воспринял Каспаряна как кандидата на роль гитариста в группе «КИНО». Но, присмотревшись, он дал добро на продолжение репетиций Рыбина с Каспаряном.

Запланированный рок-клубом концерт состоялся 19 февраля 1983 года. Новые песни «киношников» были отрепетированы в «электричестве», и на этот раз «КИНО» обошлось без помощи коллег из «Аквариума». Хотя, по мнению некоторых, спешка и несыгранность сильно подвели ребят.

Алексей Рыбин:

«Тот зимний рок-клубовский концерт "КИНО" – "Аквариум" оставил у меня самые приятные воспоминания, и у большей части моих друзей тоже. Единственным темным пятном была едкая рецензия в рукописном журнале "Рокси" – там говорилось, что то не так, это не так, у Рыбы, мол, ширинка на сцене растянулась и вообще концерт был поганый. Почему поганый, я из статьи так и не понял».

Марьяна Цой, жена Виктора Цоя, в своей повести «Точка отсчета» констатировала:

«Это был второй электрический концерт группы в ее жизни. Первый состоялся почти год назад и, как положено первому блину, вышел комом. Второй блин тоже вышел комом... Рядом стоял его приятель, который почему-то решил, что он – бас-гитарист. С таким же успехом это могла сделать я или первый попавшийся водопроводчик. Я уже не помню, кто там был на барабанах, помню только, что весь состав на сцене Цою не помогал, а ужасно мешал и, несмотря на все Витины старания, ничего хорошего не получилось».

Алексей Рыбин:

«Мы играли первым номером – расширенный состав "КИНО": мы с Витькой, Каспарян, Макс и приглашенный в качестве сессионщика джазовый барабанщик Боря, мой старый знакомый. Марьяша в этот раз постаралась от души, и наш грим, я уж не говорю о костюмах, был просто шокирующим. Ансамбль звучал достаточно сыгранно, Витька играл на двенадцатиструнке, мы с Каспаряном дублировали соло, и звучало все, кажется, довольно мощно. В отличие от традиционных красивых поз ленинградских старых рокеров, мы ввели в концерт уже откровенно срежиссированное шоу – я иногда оставлял гитару и переключался на пластические ужасы – например в фантастической песне "Ночной грабитель холодильников" я изображал этого самого грабителя:

Он ночью выходит из дома
Забирается в чужие квартиры
Ищет где стоит холодильник.
И ест...»

Юрий Каспарян, музыкант «КИНО»:

«У нас был общий барабанщик – у группы "Гарин и Гиперболоиды", где играли Виктор, Алексей Рыбин и Олег Валинский, и у нашего студенческого коллектива, где играли я, Михаил Борзыкин, два моих друга и опять же Олег Валинский, с которым мы до сих пор иногда видимся. Валинский был тем самым барабанщиком. Познакомили нас общие друзья. Когда Виктор с Рыбиным решили собрать серьезную группу, они пригласили играть на басу моего знакомого, Максима Колосова, через которого я, собственно, и попал в "КИНО" – он как-то ехал в гости к Виктору и позвал меня: поехали вместе! Так все и получилось».

Николай Мейнерт, журналист:

«Я был на зимнем концерте "КИНО" в рок-клубе в 1983 году. С моей точки зрения, это был абсолютно провальный концерт, и Цой очень переживал по этому поводу. Я помню, каким несчастным он выходил за дверь. Потому что у них вся эта программа разваливалась, она какая-то не цельная у них, эклектичная, не хватало ни представления, ни опоры, ничего из того, что могло бы произвести на зрителя впечатление, не было. После этого выступал "Аквариум", который, конечно же, подавил их полностью.

Мнения после этого концерта были действительно разные, это уже сейчас вот репутация "КИНО" наложилась на впечатления постфактум. Потому что если посмотреть на это сейчас, то можно сказать – ерунда. Потому что "КИНО" стало – ого-го... А тогда все было гораздо серьезнее. Поэтому это была действительно неудача, и я думаю, что эта неудача была внутренне логично объяснимой. У Цоя к тому времени был конфликт с Рыбиным и другие неурядицы...

Сам концерт, конечно, запомнился, я впервые тогда увидел "КИНО", приехал из Таллина, меня пригласил на этот концерт Рихо Бауман, я помню, что концерт перенесли, мне позвонил Ордановский, предупредил об этом... Конечно, приехали мы все на "Аквариум", я помню, как "КИНО" начало этот концерт, но запомнилась мне только одна песня – "Ночной грабитель холодильников". Все остальное было вяло и невразумительно... И самое главное, я помню выходящего после концерта Цоя с гитарой в руках, мы к нему подошли, спрашиваем – ну как? А он так в сторону рукой – "ааа...". То есть было очевидно, что он концертом недоволен. По крайней мере, такое впечатление создалось при взгляде со стороны. Поэтому лично я думаю, что считать этот концерт удачным, даже по меркам тех дней, можно только с очень большой натяжкой».

В процессе подготовки к концерту Цой присмотрелся к Юрию Каспаряну. Отношения же с Алексеем Рыбиным стали заходить в тупик: непонимание нарастало и появлялось все больше взаимных претензий. В итоге Алексей покинул группу, а Цой продолжил репетиции с Каспаряном. В интервью самиздатовскому журналу «Рокси» Алексей Рыбин объяснил свой уход так: «Цой как-то сказал мне: знаешь, в одной группе не должно быть двух лидеров».

Почему именно Алексей покинул группу, ни Цой, ни Рыбин толком никогда не говорили, а если и говорили, то вскользь, почти не касаясь истинных мотивов.

Вот как рассказывает сам **Алексей Рыбин** о разрыве с Цоем в своей книге «"Кино" с самого начала»:

«Однажды Витька позвонил мне и сказал, что он решил немедленно приступить к записи.

– А где? – поинтересовался я. Идея была неожиданной – мы не собирались ничего писать раньше чем через месяц-другой.

– Нужно все-таки опять с Тропилло договариваться, – сказал Витька. – Давай этим займемся.

– Ну хорошо, – согласился я, – с Тропилло мы договоримся. Тогда тебе срочно нужно начинать с нами репетировать – с Максом и Юркой.

– Нет, я думаю, что мы снова все сделаем с "Аквариумом". Это профессионалы, они сделают все как надо. Наши ребята еще не готовы. Новый альбом должен быть по музыке безупречным – они этого сделать не смогут.

– Нет, я не согласен, – сказал я. – В таком случае нужно подождать, пока Юрка с Максом все отточат. Мы должны этот альбом делать своим составом.

– Не надо меня учить, как мне делать мой альбом.

– Витя, если это твой альбом, делай его, пожалуйста, как хочешь. А если это альбом "КИНО", то это должно быть "КИНО".

– Леша, если у тебя такое настроение, то ведь я могу записать мой альбом и без твоей помощи.

– Пожалуйста, – сказал я и повесил трубку.

Больше мы с Витькой не созванивались никогда. "Мы странно встретились и странно расстаемся..." Дурацкий спор вдруг стал причиной совершенно дикого разрыва – группа "КИНО" перестала существовать. Это было как-то странно – совершенно, казалось бы, на пустом месте – ну, повздорили, ну, помирились... Но мы не вздорили и, соответственно, не мирились. Я чувствовал, что напряжение внутри "КИНО" в последние месяцы росло – и вот прорвалось...

Я заезжал иногда к Каспаряну – Витька ему тоже не звонил, мы поигрывали немного, а потом я перенес свою музыкальную деятельность в Москву – стал ездить туда каждую неделю и играть дуэтом с Сережкой Рыженко. С Юркой, естественно, я видаться тоже перестал.

Однажды, месяца два спустя, я встретил его случайно на улице и узнал, что Витька позвонил ему и предложил поиграть. Ну, в добрый час...».

Юрий Каспарян:

«Ну вот раньше была группа – Цой и Рыбин. Потом они что-то не поделили, разругались и расстались. После этого Виктор позвонил мне и говорит: "Ну, поиграем?"»

Отвечая на вопросы журналистов «Московского комсомольца» в 2012 году, Алексей Рыбин так прокомментировал свой уход из «КИНО»:

«Я ушел из "КИНО", потому что игра в группе – это профессия. Одно дело – весело проводить время с друзьями, и совсем другое – выбрать музыку на всю жизнь. В мире не очень много групп, которые состоят из друзей-приятелей. Те же Rolling Stones не то что не разговаривают месяцами, они живут на разных континентах и собираются вместе лишь для работы. Несколько лет мы с Витей дружили запоем. Нам было очень сложно поодиночке. Может, мы и разошлись-то в свое время потому, что слишком много общались, получилось такое перенасыщение друг другом. Он уходил в училище, я – на работу или в институт, маялись там полдня, но, как только за нами закрывались двери казенных учреждений, мы тут же встречались. И не расставались до поздней ночи. А часто и ночевали вместе».

Игорь Гудков:

«Они очень близко общались, одно время на протяжении двух лет вообще не расставались. Как однойцевые близнецы. Это привело к тому, что они друг от друга устали и расстались, расстались спокойно, не ссорясь, каких-то "предъяв" у них друг к другу не было. Просто взяли и в какой-то момент перестали вместе выступать».

Многим до сих пор непонятно, что случилось между Цоем и Рыбиным в далеком 1983 году. Но сегодня к Рыбину, наверное, у всего Питера странное отношение. По мнению членов группы «КИНО», он сложный человек. Даже непривередливые музыканты «АУ» довольно критически высказываются о нем и его делах. Цой же, по свидетельствам близких людей, впоследствии никогда его в разговорах не упоминал. Я, как автор этой книги, не могу делать каких-либо выводов об Алексее Рыбине, но могу сказать, что со мной лично Алексей Викторович всегда был предельно вежлив и мил.

Вот что рассказывал о нем **Виктор** в одном из своих интервью:

«С Алексеем в последний период нашего сотрудничества отношения все больше осложнялись, и это мешало работе... Алексей – человек с обостренным чувством лидерства. Он постоянно говорил, что лучше меня поет, лучше аранжирует, лучше играет на гитаре... Мне не очень нравилось, что Леша на концертах, которые он сам для себя организовывает, исполняет мои вещи, не ставя меня в известность... Кстати, зря Рыба все это дело выносит на страницы "Рокси", да и не прав он во многом, и не нравится мне, как он говорит о моей жене – в общем, не по-мужски все это...».

Сергей Жегло, один из московских знакомых Виктора Цоя:

«Рыбин напрасно на него обижался. Я думаю, Цой не мог поступить иначе».

Рашид Нугманов:

«Мне было интересно раннее творчество Виктора, но он всегда уклонялся от вопросов о Рыбине. Это их личное дело. Как-то на Беговой Аркаша Высоцкий, с которым я познакомил Виктора, раздобыл редкую фотографию Цоя и Рыбина на концерте и вручил ее Виктору. Тот взял нож, истыкал им всю фотографию и бросил подарок на диван. Я спросил его: "Что так?" Виктор только поморщился. Я, разумеется, не настаивал и больше никогда не расспрашивал».

А вот версия звукорежиссера **Алексея Вишни**, изложенная им у себя в ЖЖ:

«В распаде "КИНО" виноваты амбиции Алексея – он был постарше Виктора года на четыре, пообразованней, вестимо, тоже песни писал, ну и, конечно, имел лидерский потенциал. Тогда в группе "КИНО" функционировали два персонажа (Рыба и Цой), но ездили на гастроли они втроем. Марьяна была третьей. Гонорары делили соответственно: Цою 33 %, Марьяше 33 % и Рыбе 34 %. Рыба считал, что ему 34 % против цоевских 66 % западло. Рыбин возмущался – как так! А Цой говорил, что они трое, значит, и гонорар надо делить на троих. В противном случае Рыба получал бы 50 %, а Цой 25 %, в связи с чем Алексей и был изгнан. Деление было законным, но несправедливым. Рыбин поднял об этом вопрос и был вышвырнут Цоем под действием Марьяны, поскольку Рыба к тому моменту познакомил его на свою голову с Каспаряном.

Кстати сказать, "Аквариум" классического состава распался РОВНО из-за подобного. Рыбин жаждал получать с концерта столько же, сколько Цой, и никаких дополнительных (придуманных) причин в том не было. Каспарян был согласен получать вдвое меньше, а Рыбин нет. А вы как дети – творчество, понимаешь...».

Алексей Рыбин:

«Когда нас с Цоем, или БГ, или других музыкантов приглашали играть куда-нибудь на "квартирники", то всегда был договор с организаторами на конкретную сумму, которая могла колебаться от двадцати пяти до ста рублей. Это только Майк ввел собственную таксу: минута концерта – рубль... У нас не было супергонораров».

Георгий Гурьянов:

«Как Цой относился к Рыбину? Наверное, иронично. Он не реагировал на упоминания его имени, считал его сумасшедшим, феерическим кретином... Думаю, он его терпеть не мог. Рашид Нугманов рассказывал как-то, как Цой при нем истыкал фото Рыбина ножом. Вот и все отношение. Я вообще отказывался играть с ними, пока Виктор не прогнал эту "рыбу" из группы».

Евгений Титов:

«Рыба познакомил Каспаряна с Цоем. Свинья, кстати, к Рыбе довольно прохладно относился.

Бывают люди комфортные, с которыми легко все получается, бывают – нет. Я не так близко его знаю, хотя в 80-х и дома у него бывал не раз, общались. Рыба такой, какой есть: имеет недостатки, имеет и достоинства. Как и все мы, не идеален. Как и Цой, который тоже имел недостатки и слабости, да? Живые люди, тем более тогда все были молодые – максималисты, и не всегда могли правильно оценивать и себя, и других.

Насчет дележа денег Цоя и Рыбы ничего не могу сказать, не знаю. Панкер или Пиночет могут про то время что-то вспомнить, но надо иметь в виду, что тот же Панкер может быть не вполне объективен, так как у него есть в этой истории свой собственный имидж, который он сам же во многом и формирует. В так называемой "официальной истории от Бурлаки и тов." его роль при создании Свиньей группы "АУ", мне (!) кажется, сильно преувеличена. Но надо знать

историю с разных сторон, от разных, независимых друг от друга людей, не заинтересованных при этом в каких-то личных делах».

Дмитрий Левковский, администратор группы «Игры»:

«С "КИНО" в лице Рыбы, который тогда еще был как бы один из двух лидеров, я познакомился... в общем, как раз в то время, которое Леша описал в своей книжке «"Кино" с самого начала». Я устроился на работу в Оперную студию консерватории, а там как раз Рыба работал. Это, наверное, был 1982/83 год, надо уточнить. Это время, когда Марьяна активно окучивала Цоя и выдавливала Рыбу как воплощение некоммерческого развития. Потом стали ездить с Рыбой на квартирники цоевские куда-то в новые районы, на Комендантский, в полужаселенный дом. Комендантский тогда только осваивали, он вообще как Марс выглядел – ни транспорта, ни магазинов. Вот там и жил Шебашов, официальный фан "КИНО". Там я с Цоем и познакомился. Точно, это 1983 год был. В том доме лишь две-три квартиры были заселены, соседей не было, и мы оралы спокойно на весь дом...

Ну, то, что Рыба ушел из "КИНО", не совсем верно. Хотя Марьяна его и выдавливала активно, тем не менее тогда еще было непонятно, как все пойдет. Это выглядело как конфликт, а не разрыв отношений. Что касается того, что Рыба чего-то там делить не хотел, то тут просто. Есть-то он тоже хотел, как и все остальные... Просто делить особо нечего было. Это же был «совок», не надо забывать. Все было на жопяном пару – от техники до методов продвижения. Копимашины были все под идентификационными номерами... И так далее. Поэтому любой реальный технический прикрас использовался на полную. Оттуда студия Тропилло, к примеру».

Марьяна Цой в интервью **Александру Житинскому** говорила:

«Так получилось, что Цой довольно долго мыкался с составом... Сначала с этим Рыбой. Но Рыба – очень специфичный человек. Меня всегда потрясало, что Рыба на Цоя так орет: "Ну, ты там!" И когда Рыба дал интервью Старцеву, что это я его выгнала из группы, это подсознательно было правдой. Потому что я не понимала, кто главный в этой ситуации... В конце концов Рыба добился, что Цой его выгнал. А Витька если уж с кем расставался, то он отрезал сразу. У него не было так, чтобы пойти, выпить, выяснить отношения. Это ему не присуще вовсе. И Рыбы не стало в нашей жизни. Чик – и нету. Хотя я довольно долго булькала, что вот какой мерзавец».

Алексей Вишня:

«Концерты "КИНО" организовывали трое – Марьяна, Виктор и Рыба. И сто рублей гонорара делили поровну. Но однажды Леша возмутился и предложил "пилить" деньги иначе: половина ему – половина Марьяне с Цоем. Та резко ответила: "Получается, Витя меньше тебя будет зарабатывать?" Разругались в пух и прах, и Леху из "КИНО" прогнали. Цинизм проявился еще и в том, что он сам себе подложил свинью – место Рыбы занял гитарист Юрий Каспарян, которого Леша привел в группу. Каспарян оказался куда удобнее: молчаливый, неконфликтный, смотрел Цоя в рот и беспрекословно его слушался.

После разрыва с "КИНО" Леша запил. Я зализывал его раны – убеждал, что мы сможем собрать собственную команду и играть под его началом. Вылилось это в то, что я делал "трень-брень", а Рыба исполнял собственные песни. Через несколько лет он все же собрал группу "Оазис Ю", но в итоге разочаровался в музыке, направив силы на писательскую и продюсерскую деятельность. В чем преуспел: опубликовал сотни статей, десяток книг, в том числе "«Кино» с самого начала", "Майк: время рок-н-ролла", "Право на рок"...».

Я попросил **Алексея Рыбина** прокомментировать все вышеизложенное и получил такое объяснение:

«У меня в ”«Кино» с самого начала“ все написано. Мелкие обиды и мелкие ссоры были. Но глобально – нет. Люди типа Житинского любят грязь и сплетни. Житинский – при всем уважении – большой фантазер и часто выдает желаемое за действительное. Чем грязнее, тем интереснее. Но история искажается. Вот то, что говорит Вишня, правда. Финансовые споры у нас были. Но это не ключевой вопрос, это рабочий момент. Мне, в общем, все равно, что там кто будет думать. Я рок-музыкой как артист не занимаюсь уже лет 15 и не собираюсь. Мне это неинтересно. Но года за три до смерти Марьяны мы сидели у нее на кухне, выпивали (при этом я уже выпустил две пластинки каверов ”КИНО“ – с разрешения Марьяны) – она же была одним из инициаторов ”реформы“ ”КИНО“ в 1998-м, когда мы давали концерты песен Цоя... И Марьяна грустно сказала: ”Ну что, Лешка, ведь никто кроме нас не знает, как все было на самом деле...“ Вот так вот. Что же касается нелюбви ко мне Гурьянова, я его тоже не люблю...».

Из слов Алексея картина разрыва становится ясна. Все остальное – уже личные конфликты, мало имеющие отношения к теме.

От «Пряжки» до «Сорока шести»

Весной 1983 года Цой совместно с Каспаряном дает квартирный концерт, устроенный по наводке Владимира Быстрова, на Большом проспекте Васильевского острова.

Виктор Спаров, устроитель квартирных концертов:

«Васильевский остров, Большой проспект, дом 27. Мансардное помещение над крышей. Единственный квартирник с Цоем, где я был, поэтому помню хорошо... Если смотреть на фото, то рядом с Цоем, по идее, должен быть Каспарян... Можно сказать, что это у нас...»

Мы с университетским другом снимали по соседству комнату, а остальные мансардные помещения пустовали. Боб (Владимир Быстров) возьми и предложи: а давай квартирник с Цоем проведем! С вашей стороны – помещение и портвейн, а с моей – организационная часть. Сказано – сделано. Сделано, разумеется, с помощью Сорокина. Портвейна было выпито немаленько! Было человек сорок, кто сидел у стен, кто лежал на полу. Через них перешагивали, когда выходили в туалет. Курили прямо на месте. Да, это 1983 год, а время года... А, черт! Память... По-моему, весна, где-то в районе апреля, поскольку все были в куртках, но легких... Запись велась на два магнитофона, но про судьбу записей ничего не знаю... Играли на пару – Цой с Каспаряном...

В принципе, мы рассчитывали на этих же пространствах провести квартирники и с БГ, и даже с Кинчевым, но у друга изменилась финансовая ситуация, он перестал вносить свою долю, и вскоре нам пришлось съехать оттуда. До сих пор жалею о такой упущенной возможности. По тем временам получилась бы классная рок-точка!»

В мае 1983 года в Ленинграде состоялся первый в городе, да и во всей стране, рок-фестиваль. Конечно же, далеко не все прошло так, как того хотелось рок-музыкантам, но сам факт проведения подобного мероприятия был отрядным, почти революционным.

«КИНО» из-за отсутствия полноценного состава в фестивале не участвовало, и Цоя очень раздражали вопросы на эту тему. По свидетельству Марьяны, его по двадцать раз на дню спрашивали, почему он не выступает. «Состава нет», – отвечал Виктор. «А в акустике?» – «Не хочу...».

Виктор Цой:

«Я думал даже выступить один, под акустическую гитару на фестивале, начал даже готовить программу, но так и не выступил. Как-то смутило, что больше никто не рвался выступать сольно...».

Отсутствие состава хоть и удручало Виктора, но отнюдь не тормозило работу. Он по-прежнему пишет новые песни и выступает на квартирниках, совмещая музыку с работой в садово-парковом тресте. Марьяна в одном из своих интервью вспоминала, как ездила с Охты, где они тогда жили, на работу к Цою в парк с бидончиком пива и жареным кабачком...

Каспарян, который поначалу смешил рок-тусовку, начал вписываться в стиль «КИНО», что очень радовало Цоя.

Александр Титов, музыкант группы «Аквариум»:

«Что касается Каспаряна, то перед тем как он появился в "КИНО", у него наверняка был период информационного голода, когда он тянулся к чему-то, но не имел источников. Это сказывалось на его игре, она была однообразной. Но он очень быстро вырос, потому что стал получать больше информации и потому, что он очень умный парень и у него хорошее ухо. Он талантливый в музыкальном смысле человек. Он же самоучка, а когда самоучка достигает каких-то результатов, это говорит о его таланте, о том, что ему дано свыше».

Из воспоминаний **Марьяны Цой**:

«Как ни странно, Каспаряна привел все-таки Рыба. Каспарян – это был такой самородок, ну прямо из лесу вышел... Цой его играть учил. Я его каким-то другим вещам учила, типа: не вытирать руки о штаны».

Инна Николаевна Голубева:

«И появился Каспарян, который стоял и вот так вот, открывши рот, смотрел на Витю. Как робот буквально. Будто его заколдовали. Ловил каждый звук Витино го голоса... Пришла как-то раз мадам Гребенщикова и сказала: "Выгони ты этого дурака. Он тебе всю обедню портит. Что ты взял какого-то младенца?" Ругалась с Витькой. А Витя говорит: "Ничего, молодой, научится". Вот так... Он уже папой таким себя представлял...».

Из интервью Виктора Цоя:

«Каким же будет новое "КИНО"? Я, Виктор Цой, гитара, скорей всего акустическая, и вокал. Юрий Каспарян, электрическая гитара. Владимир Арбузов, из "Мануфактуры", мы с ним, кстати, давно договаривались играть, да все не получалось, – бас-гитара. И за неимением барабанщика возьмем известного многостаночника – Александра Кондрашкина».

Как видим, планы Виктора вращались вокруг нового состава, и даже примерный состав группы был подобран, но в итоге получилось все совсем иначе... Пока Каспарян разучивал гитарные партии, Цой вкупе с Майком Науменко частенько давал «квартирники» в Озерках, у Павла Краева.

Павел Краев, устроитель квартирных концертов:

«Это была с моей стороны прежде всего помощь музыкантам. Майк, кстати говоря, никогда не заказывал квартирников. А Цой и Башлачев – они просили. Они меня просили просто: "Сделай квартирник, надо денег". У меня не получалось им заплатить столько, сколько им хотелось... 30 рублей обычно. Это моя гарантия была – 30 рублей. Конечно, не получалось. Но они очень хорошо скидывали. Я просил: "Ребята, у меня нет столько. Давайте на 50, например? Вам пополам по 25". А помогавший им иногда Наиль Кадыров, кроме портвейна, не получал

ничего. Он потом приходил ко мне и сдавал пустые бутылки... Одним из самых ярких впечатлений от одного такого концерта, где Майк играл с Цоем и с Наилем, был момент, когда Серж внес авоську с водкой во время выступления. С авоськой, из которой торчали горлышки водочных бутылок. Это было, конечно, прекрасно. Все зааплодировали: полная авоська с водкой. Конечно, все радостно восторгнулись и похлопали в ладоши. И тут Майк сказал: "Цой, это не нам аплодисменты. А водке"».

Николай Иванов, знакомый Виктора Цоя:

«В 1982–1984 годах Цой часто играл "квартирники". 33 года назад я сделал запись выступления Цоя на квартире у Паши Краева. Позже она была издана, выпущена на CD «Виктор Цой – Акустика» (песни под гитару), но не с моей катушки, а в моно-варианте. К сожалению, у меня сохранилась только копия, но магнитофоны у меня в то время были исправные, и качество на слух не пострадало. Копия урезана, из концерта оставлены только 9 песен. Кроме того, имеются две катушки – два известных альбома "КИНО" ("Это не любовь" и "Ночь"), записанные для меня Цоем за мелкую услугу – ремонт и настройка двух магнитофонов «Нота-203». Эти «Ноты» Цой в сопровождении Краева принес мне на квартиру, в которой я тогда жил, на проспекте Metallistov. Как они записывались, мне неизвестно, но качество записи отличное...»

Летом 1983 года про Цоя вспомнили Вооруженные силы. Виктор решил «закосить». Получение психиатрического диагноза было единственным гарантированным «откосом» от службы в армии. Поэтому в середине августа 1983 года Цой с помощью Марьяны расцарапал себе вены и вызвал «Скорую», после чего оказался в психиатрической больнице № 2, расположенной на набережной реки Пряжка.

Рашид Нугманов:

«Афганская война была одной из дополнительных причин, по которым Виктор "косил" от армии в психушке. В те времена держалось устойчивое мнение, что у призывников с восточной внешностью более высокие шансы попасть в Афганистан».

Инна Николаевна Голубева:

«Да, Вите пришла повестка, и начиналась новая эпопея. Повестка пришла домой к родителям, значит, служить в доблестной армии. И начались звонки родителей. Роберт Максимович звонил и говорил Вите: "Ты честь семьи позоришь". Вот это мне всегда было очень интересно – про семью и про честь их, родительскую... "Что ты не идешь в армию? Ты должен идти, должен служить". Витя, конечно, и слушать не слушал их, все эти их бредни. Его родители были очень возмущены: "Ты позоришь нас, как так можно!" Им это казалось ненормальным, хотя Роберт Максимович тоже ни в какой армии не служил, потому что закончил Военмех».

Цою, ориентировавшемуся на рассказы друзей (уже «откосивших» таким способом), две недели в «психушке» представлялись веселым приключением, но ему не повезло. По прихоти врача, пытавшегося вывести его на чистую воду, Виктору пришлось провести в дурдоме долгих полтора месяца, после чего он был выписан «законным советским психом». По словам Марьяны, он покинул лечебное учреждение «почти прозрачным».

Марьяна Цой:

«На Цоя было страшно смотреть. Когда его выписывали, я еле дотащила Витю до машины и повезла домой – на очередную квартиру, которую мы тогда снимали. И вот просыпаюсь часа

в два ночи, Цоя нет рядом. Выхожу на кухню: в темноте крошечной он что-то карябает карандашиком на разорванном спичечном коробке. Это был текст "Транквилизатора"...».

Юрий Каспарян:

«Это было непросто, Марьяна его навещала, я ждал, когда же он выйдет... Марьяша смешно рассказывала, как Цоя на Пряжку укладывали. Там нужно было под МДП закосить, маниакально-депрессивный психоз. Порезать вены и так далее. С этим брали. И у них там как-то было налажено со знакомыми, что его возьмут, но вены все равно нужно было резать. А Цой терпеть не мог крови. Палец колоть – это уже была проблема, тем более что человек на гитаре играл. А тут вены резать себе!.. В общем, вызвали они "Скорую", приехали врачи, а Цой сидит такой розовый, на руках царапины какие-то маленькие. Но забрали все равно! Из больницы он принес две песни: "Транквилизатор" и "Я иду по улице в зеленом пиджаке...". По поводу последней сказал: ты рок-н-роллы любишь – вот тебе, пожалуйста... Ну, чтобы мне было понятно, что играть, потому что я, кроме рок-н-роллов, ничего не играл тогда практически. Все время мучился: что за "новая волна" такая, что там надо играть на гитаре? Там ведь гитара не основной уже инструмент. А мы были гитарной группой все-таки. И все это нужно было аранжировочно соотнести как-то – по функциям, по всему. Непростая задача: чтобы нововолновая эстетика присутствовала и в то же время чтобы все это оставалось простой гитарной музыкой. Я очень долго был в поиске, что видно по альбомам того периода: "Начальник Камчатки", "Ночь"».

Я выхожу из парадной, раскрываю свой зонт.
Я выхожу под поток атмосферных осадков.
Я понимаю, что это капризы природы.
Мне даже нравится чем-то эта погода.
У-у, транквилизатор...

Метеоролог сказал, дождь будет недолго.
Я разобрал весь приемник, как опытный практик.
Ты понимаешь, что мне было трудно сдержаться.
Мне даже нравится этот, такой мой характер.
У-у, транквилизатор...

Вскоре Цой, продолживший репетиции с Каспаряном, решил устроить демонстрационную запись новых песен и дать Каспаряну возможность одному поработать над материалом. Запись под рабочим названием «46» была сделана в студии Алексея Вишни, ученика Андрея Тропилло, с которым они познакомились на записи «Сорока пяти».

Алексей Вишня:

«В начале 1982 года я заканчивал свою учебу у Андрея Тропилло, в кружке акустики и звукозаписи в ДПШ № 2 Красногвардейского района. Как-то я пришел туда по делу и увидел, как Тропилло записывает какую-то группу "КИНО". Я спросил у Гребенщикова: "Что это такое?" Он ответил, что это новая супергруппа...

Спустя какое-то время Тропилло устроил концерт в общежитии Ленинградского кораблестроительного института. Концерт повязали в самом начале, и тогда все, взяв аппаратуру, поехали на автобусе на Чернышевскую, к Севе Гаккелю. Мы с Цоем тащили комбик. Он спросил меня: "Ты – Вишня?" Так и началось наше знакомство.

Как только я познакомился с Цоем, сразу понял, что это тот самый герой, который должен быть запечатлен на пленку и сохранен в веках. В этот момент всем подпольным продюсерам

стало ясно, что этот человек достигнет самых больших высот в своей карьере. Так и случилось, и если окинуть взглядом прошлое, то никто из нашего рок-клуба не завоевал такого количества аудитории. "Аквариум" взял годами, а Виктор сразу всех за короткое время.

У меня было одно условие – пишемся бесплатно. Я тогда был филиалом студии "Антроп", хотел прославиться и понимал, что это обязательно произойдет. В то время, если ты приносил кассету с записью "КИНО" в школу, – ты становился звездой».

К тому времени, при участии Тропилло, Вишня собрал у себя дома небольшую студию, которую назвал «Яншива Шела». Это нелепое название по всем правилам конспирации того времени скрывало имя самого звукорежиссера.

Вот что рассказал сам **Алексей Вишня** о той записи в своих воспоминаниях:

«С Рыбой мы перестали общаться. Он часто ездил в Москву и играл с Сергеем Рыженко, а я позвонил Цою. Несколько раз разговаривал с его мамой, но Виктора не было. "Он в больнице", – отвечала мама. "Ой, а что с ним?" – пытался я разузнать хоть что-нибудь. "Диабет", – отвечала мама... Наконец ответил Виктор: "Привет!" – "Витя, привет, это я! Ты что ваще, как ты себя чувствуешь?" – "Нормально..." Я не знал, как продолжать разговор. Чувствовал – что-то изменилось, что-то произошло с Виктором: "Вот, хотел вас в гости пригласить". – "На какой предмет?" Виктор держался подчеркнуто сухо. "Я магнитофон новый купил, давай попробуем сделать запись?" – "Зачем?" – "Как зачем, чтобы записать новый альбом". – "Я не совсем понимаю, зачем это нужно, Леша". – "Как зачем? Да приедь, посмотри, что тут у меня". – "А ты уже пробовал писать кого?" – "Да нет, вот сам пробовал, записал пару болванок..." – "И что?" – "Нравятся! Приезжай, сам послушаешь". – "Ну хорошо. Я позвоню завтра, может, решим, как с Марьяшей". В течение двух дней они приехали. Решили что-нибудь записать. Все было уже настроено и полностью готово к творческой работе, чего не могли не заметить музыканты. Не успев оглянуться, они записали уже первую болванку песни "Троллейбус". Юра играл соло, Витя пел, аккомпанируя на двенадцатиструнке, а я стучал по картонной коробке клизмой, насаженной на отвертку... Когда мы пили чай, любые паузы я старался заполнить новым на тот момент релизом "ДК". Цою очень нравился "Новый поворот", где вокалист безжалостно визжал: "Вооо-оот, новый повороооо-ооот. Что он нам несет – вино или компот. Или наблюдает нам за шивороооо-ооот", – Витя радостно подпевал магнитофонной записи и танцевал руками... В очередной песне я тоже нашел себе дело: Каспарян играл восьмыми нотами, а я вертел ручку панорамы, перебрасывая восьмые поочередно, из одного канала в другой. Мы сами не заметили, как все болванки уже записались. Достаточно было еще одного приезда, и запись будет готова. Так и случилось: в следующий раз Виктор приехал один. Мы где-то что-то подчистили, я склеил номера в нужном порядке и говорю: "А знаешь, как круто было бы альбом назвать? 'Сорок шесть!'" Виктор рассмеялся, выразив тем самым согласие. По крайней мере, мне это так показалось... Он попросил сделать несколько копий и увез их с собой. На следующий день был понедельник, и я отнес новый альбом на работу – дал копию парням. Потом одни друзья приехали послушать – забрали копию. Затем другие... В конечном итоге запись распространилась по всему городу... Конечно, "46" не был полноценным альбомом. Витя решил его записать у меня только для того, чтобы под эти записи могли тренироваться музыканты, но я об этом узнал позже, из интервью Цоя журналу "РИО". Потом "КИНО" переписали все эти песни по-новому: с Курёхиным, Бутманом, Кондрашкиным, Трошенковым, Гребенщиковым. Они, конечно, лучше зазвучали, все эти песни, однако чувствовалось: музыкантам пригодился наш первый совместный опыт. Они очень хвалили обстановку в моей студии – мол, пишешься у тебя как человек. Я старался создавать музыкантам хоть какой-то комфорт. По крайней мере, около моих микрофонов спокойно можно было курить, пить чай в домашних тапочках».

Цой же, по воспоминаниям близких ему людей, никогда не воспринимал «Сорок шесть» как полноценный альбом группы «КИНО», хотя и смирился с тем, что запись «пошла в народ». Но для него она так и осталась демонстрационной лентой, рабочим материалом для Каспаряна.

Марьяна Цой:

«Цой немного позлился да и плюнул, но сам никогда не называл эту работу альбомом группы».

Алексей Вишня:

«Как музыканты они были тогда на нулевом уровне. Ничего не контролировалось на записи, как получалось, так и получалось. Что меня на протяжении всей записи удивляло, так это то, что музыканты мне ни разу не сказали: "Давай, Вишня, отматываем пленку назад, все к чертовой матери сотрем и перепишем все заново!" Хотя это вполне можно было сделать. Цой умел играть на гитаре, но притом что его называли "бряцальщиком", он умел извлекать из гитары звук. Пускай это был и бряцающий звук, но это был хороший бряцающий звук, хороший чес».

Алексей Рыбин:

«Цой первые пять лет своей творческой работы с "КИНО" ходил для завсегдатаев рок-клуба в "пэтэушниках", дворовых гитаристах».

Андрей Тропилло:

«Поддерживали Цоя всего несколько человек, в том числе Боря Гребенщиков. Остальные "КИНО" долго не замечали и игнорировали. Борис везде пропихивал "КИНО", хотя группу не хотели брать на фестивали. Я тоже защищал Цоя на худсоветах, говорил, что его нужно записывать, это городской романс, фольклор, такая форма песенная, которая может быть спета в подворотне под гитару...».

Вадим Демидов, музыкант группы «Хроноп»:

«В 1983-м мы с "хронопами" тусовались в "Ждановце" на Горьковском море, обычно все лето проводили в этом лагере политехников. Правда, "Хронопа" тогда еще не было, и поэтому правильнее сказать – будущие "хронопы": Саня Терешкин, Кира Кобрин, Максютя и я. И кто-то, кажется Саня, притащил кассетник, из которого доносилась очень странная песня с припевом "Я бездельник, у-у, мама-мама...". Мы, помню, сели на крыльце где-то на т. н. "женской аллее" и прослушали по кругу альбом "45" несколько раз. Скажу лишь, что я испытал от этих вещей такой культурный шок, какой не испытал уже никогда (ну, может, лишь с залом Боттичелли в галерее Uffizi я мог бы те ощущения сравнить, там я вообще расплакался).

Первые песни "КИНО" были настолько про меня, про моих друзей – что казалось, с нас прямо и списано. Мы просто не верили, что так можно! Цой нарушал все табу той эпохи, он пел на подростковом языке, вставляя разные классные рок-н-рольные словечки. И музончик был такой трогательный, наивный, лузерский, – кайф! Я растворялся в этих песнях. "Белая гадость лежит под окном / Я ношу шапку и шерстяные носки / Мне везде неуютно, и пиво пить влом..." – что может быть прекраснее?

Тут еще надо сказать, что мы тогда торчали от всего "нового" – музыкального нью-вейва (Police, Talking Heads и т. д.), новой волны драматургии Людмилы Петрушевской, нового французского романа (Натали Саррот и всего такого), и дебютный альбом "КИНО" стал для нас первым альбомом "новой волны" отечественного рока. Чуть позже мы с "хронопами" стали по очереди выбираться в Ленинград и ходить на концерты тамошнего рок-клуба. Сам я тоже стогнал в

83-м в Питер, но информации о выступлениях "КИНО" не смог найти, зато сходил на концерт группы "Союз любителей музыки рок", что по тем временам тоже было недурственно...».

Андрей Машнин, музыкант группы «Машнинбэнд»:

«Я приехал в Ленинград в конце 1983-го и поступил в институт. Поселился в общежитии на Стахановцев, где и услышал уже в 1984-м в первый раз группу "КИНО". Песенки эти – "Восьмиклассница", "Алюминиевые огурцы" и т. д. меня удивили и очень мне понравились. Я тогда из нашего больше всего любил группу "Динамик" (концерт в Кировске), а про Ленинградский рок-клуб даже не знал. В общежитии нас жило 6 человек в комнате, все после армии. Один товарищ, Костя-морпех, играл на гитаре и пел песни "Воскресенья": "О чем поет ночная птица", "Я сам из тех", "Музыкант" и др. И это мне тоже нравилось. Сейчас, наверное, это смешно. Но другой музыки никто не знал, мы все были приезжие, из русского рока знали только "Машину времени". Макаревича мы тоже, кстати, пели с Костей. И вот я услышал Цоя на пленке, в десяти хрипучей перезаписи. Причем владельцы пленки сказали, что это "какие-то школьники". Видимо, решили, что раз про восьмиклассницу, так и поют восьмиклассники.

В декабре Виктора вместе с Майком Науменко приглашают в Свердловск, где они выступают на нескольких полуподпольных концертах. Воспоминания свидетелей тех событий собраны в замечательной книге Елены Пудовой «Осторожно, гололед!». В общем, 1983 год был довольно напряженным, и, как говорила Марьяна, «мы вздохнули с облегчением, когда он кончился».

«Начальник Камчатки»

В январе 1984 года Цой получает приглашение своего московского приятеля Александра Липницкого выступить с концертом в 30-й спецшколе. Это именно та самая школа, в которой Липницкий учился на пару с Мамоновым и из которой их исключили за то, что они «позорили доброе имя советских школьников». Именно этот самый концерт был, по сути, премьерным для «Звуков Му», еще с «Африкой» на басу. Помимо этого выступали Василий Шумов, «Браво» с Жанной Агузаровой, Сергей Рыженко, Василий Тегин и прочие. Цой был заявлен от питерских музыкантов, поскольку «Аквариум» всем составом был в числе зрителей и выступать не намеревался.

24 января 1984 года Цой и Каспарян совместно с Майком Науменко выступают в Ленинграде, в коммуналке на улице Добролюбова. Запись концерта была сохранена и впоследствии вышла как «Сейшен на Петроградской». Существуют также несколько фотографий В. Андреева и И. Петрученко, сумевших запечатлеть это мероприятие. 26 января с не меньшим успехом проходит квартирный концерт в Зоологическом переулке, дом 1.

4 февраля 1984 года Виктор и Марьяна регистрируют брак.

Инна Николаевна Голубева:

«Витя и Марьяна решили пожениться. Свадьба на носу, а денег не было. И тогда моя мама помогла, дала тысячу рублей на свадьбу. Я-то была как церковная крыса, у меня никогда не было денег, естественно. Я сочинила Марьяне туалет, конечно, что-то там юбка, пиджачок... И они с Витей поженились».

Марьяна Цой:

«Мы с Витькой сразу же договорились, что с родителями все будет чинно и благородно. А основное веселье устроим на следующий день, с друзьями. Цою сшили костюм, мне заказали платье у портнихи. В назначенный час пришли родственники в загс. И тут появился Борис

Гребенщиков. В каком-то умопомрачительном виде: на лице концертный грим, на шее романтические тряпочки. Кроме того, он приволок несколько бутылок красного сухого... Словом, "приличной" свадьбы не получилось. А на второй день в нашу маленькую квартиру набилось около сотни гостей. Так мы и поженились. А через год родился Сашка».

Свадьбу, на которую собрались более ста человек, отметили довольно шумно. Достаточно вспомнить многочисленные рассказы свидетелей о том, как Владимир Липницкий (брат Александра Липницкого) размахивал ножом, или о том, как Майк, по словам Александра, одним «видом своего нежного, только начавшего набухать животика» утихомирил буяна.

Александр Титов, музыкант групп «КИНО» и «Аквариум»:

«Это была свадьба в стиле "панк". Все происходило у них на квартире. Туда набилось огромное количество народу, приехали гости из Москвы. Покойный Володя Липницкий, известный своими пьяными выходками на весь мир, бегал по квартире с измазанным в торте ножом, пытался кого-то прирезать, приставал к моей тогдашней жене. Все запомнили эту вакханалию на всю оставшуюся жизнь, потому что это было что-то сверхординарное, удивительное совершенно. У меня нет конкретных примеров, кроме этого ножа, который я вижу сейчас перед своими глазами. Майк, между прочим, произвел тогда интересный жест: когда Володя неся с этим ножом на очередную свою жертву, он встал на дороге, у него на пути в коридоре и сказал: "Вова, ну если тебе нужно кого-то прирезать, давай это буду я". И это его остановило моментально...».

Инна Николаевна Голубева:

«Жили они на съемных квартирах... Оба говорили в один голос, мне рассказывали, что где-то на Блюхера... Это куда ничего не едет, никакого метро нету. И там, значит, был один троллейбус, который там ходил раз, там, в полчаса, и больше ничего. До центра доехать было вообще невозможно. И вот они там снимали "однушку", такую маленькую-премаленькую. Я там была один раз у них...».

Алексей Вишня:

«Я бывал у них на Блюхера в гостях, но, хоть убей, не помню номер дома. Сейчас живу совсем рядом – 10 минут ходьбы. Они жили в точечном доме во дворах. Часто мимо него прохожу по пути в поликлинику...».

После свадьбы молодая семья занялась организацией быта, разменом квартир и переездом в трехкомнатную квартиру, после чего Цой и верный гитарист Юрий Каспарян вплотную подходят к подготовке ко второму фестивалю рок-клуба. Именно тогда, к весне 1984 года, у них возникает желание сделать запись нового альбома, и «стряхнувший» с себя действие медикаментов и наконец пришедший в себя после «психушки» Цой приступает к работе над «Начальником Камчатки», который записывается в студии Андрея Тропилло с помощью «Аквариума» и приглашенных музыкантов. Именно Андрей Тропилло сохранил фонограмму «Начальника Камчатки», примерно сто минут студийной записи.

Марьяна Цой:

«Однако Витя буквально задыхался от обилия незаписанного материала, и это заставило его задать Титу вопрос. Тит отнесся благосклонно. Боб начал переговоры с Тропилло, у которого был записан альбом "45". Тропилло тоже не возражал. Запись заняла, если мне не изменяет память, не больше трех недель...».

Юрий Каспарян:

«Когда Витя лежал в ”дурке“, он обещал, что скоро будут басист и барабанщик, все будет хорошо. Все и вправду получилось неплохо – Саша Титов, его безладовый бас... Он был самым опытным музыкантом из всех нас. Витя прислушивался к его мнению. По возрасту он, конечно, не вписывался, но в остальном все было нормально, играли, ходили, помню, в одинаковых плащах...»

Галина Ординова, участница группы «Колибри»:

«Понятно, что сегодня музыканты группы ”КИНО“ вряд ли расскажут, как они восходили на музыкальный Олимп, о том, как вершилась судьба группы на кухне у Гребенщикова... Ведь был же еще Титов, которого откомандировали в группу поднять ее музыкальный уровень...»

Александр Титов:

«Летом восемьдесят третьего года на Выборгском фестивале мы встретились с Гребенщиковым и он пригласил меня играть в ”Аквариуме“. Я стал часто бывать у него дома, туда же приходил и Витька. Я тогда был новичком в их компании и плохо еще разбирался в том, кто чем занимается. Правда, многих я знал с детства – в свое время мы вместе хипповали, была у нас такая тусовка. А Витька мне был совсем не знаком. Уже позже, где-то поздней осенью, я впервые услышал ”45“. Альбом, конечно, был раньше записан, но, видимо, все время мимо меня ходил. Некоторые вещи из него очень хороши, да и весь альбом совершенно уникален по атмосфере. После этого мы с Витькой стали общаться гораздо больше...»

Но изначально познакомил нас Борис, поскольку Витя приходил к Борьке постоянно в гости и мы постоянно пересекались там. Однако творческое сотрудничество у нас началось только в конце 83-го – начале 84-го года. Он играл один, с Рыбой вдвоем, у них были трудности с коллективом. Первый альбом ”45“ группы ”КИНО“ был записан у Тропилло, практически всеми нами вместе вперемешку.

Однако когда встал вопрос о записи следующего материала, того, что стало потом альбомом ”Начальник Камчатки“, – здесь он решил, что нужен состав. Чуть раньше появился Юрий Каспарян. Тогда же он предложил мне стать членом группы и играть. Барабанщика у нас сначала не было, и на барабанах играл кто угодно. Играл Сева Гаккель – виолончелист. Я играл в песне ”Транквилизатор“. Кто был в студии, кто мог это дело выдержать, – тот и делал. И только уже к концу записи ”Начальника Камчатки“ появился Георгий Гурьянов, Густав, он сыграл, по-моему, на единственной песне в альбоме.

Я сразу почувствовал, что это интересный проект. Во-первых, в плане песен. В песнях было что-то странное. Может быть, ощущение того, что он очень любил Брюса Ли. Он очень любил карате, кунг-фу. Наверное, отчасти по крови, а отчасти, скорее всего, из-за того, что у него менталитет героя был всегда.

Мне понравился привкус чего-то непохожего и очень мощного. И второе, что мне очень показалось привлекательным, – это то, что в этой группе никогда никто мне не говорил, что мне играть, мне была дана полная свобода, полный карт-бланш. Приветствовался любой мой эксперимент, любая странность, которую я мог туда привнести».

Вот что говорил сам **Виктор Цой** о записи нового альбома в интервью журналу «Рокси»:

«Будет больше инструментала. Наверно, и сами песни уже другие. Может быть, не такая конкретность текста... Может быть, я сам стал серьезнее, профессиональнее, трудно сказать».

Несмотря на то что постоянного состава группы по-прежнему не было, альбом был записан довольно быстро, буквально за 2–3 недели.

Это странное место Камчатка,
Это сладкое слово Камчатка.

Но на этой земле я не вижу тебя,
Я не вижу твоих кораблей,
Я не вижу реки, я не вижу моста,
Ну и пусть...

Это странное место Камчатка,
Это сладкое слово Камчатка.

Я нашел здесь руду, я нашел здесь любовь,
Я пытаюсь забыть, забываю и вновь
Вспоминаю собаку, она, как звезда,
Ну и пусть...

Юрий Каспарян:

«Если говорить о "Начальнике Камчатки", то материал был готов процентов... ну, если считать, что песня уже есть и должна быть аранжировка, то песня была готова процентов от 20 до 48, например».

Александр Титов:

«В студии творился полный бардак, и весь альбом записывался спонтанно. Это был интуитивный подход, абсолютно без репетиций. Материал делался так: мы приходили на студию, и там Цой показывал вещи. И мы прямо в студии пробовали все слепить. Я свои партии придумывал на ходу, часто ориентируясь на барабанщика, который с нами сегодня играет. Гурьянов пришел в "КИНО" в 1984-м, когда мы "Начальника Камчатки" записывали. Он там на паре песен играет, на "Транквилизаторе" я играю на шейкерах и барабанах... Даже Севка Гаккель – на одной песне, какой – уже и не вспомню».

На барабанах стучали все, кому не лень, – Гаккель (ударные в композиции «Генерал») и Титов (малый барабан в «Транквилизаторе»), Губерман и некий безымянный ударник, фамилию которого, похоже, сегодня уже не вспомнит никто. В песнях «Троллейбус» и «Каждую ночь» на барабанах играл Петр Трощенко из «Аквариума». Впрочем, драм-машине (которую программировал БГ) также нашли место. К концу записи «нарисовался» будущий штатный барабанщик «КИНО» Георгий Гурьянов, однако ему осталась лишь роль перкуссиониста в финальной песне альбома «Прогулка романтика»...

Всеволод Гаккель:

«На альбоме "Начальник Камчатки" написано, что я играю на барабанах. "Начальник Камчатки" – это было вообще случайное соучастие, обусловленное совместным времяпрепровождением. Не было никакой сверхзадачи. Все было сиюминутным: "Может, сыграешь?" Нужно было просто сесть и тупо бить в бочку и на офф-бит попадать по малому барабану. Что я как-то элементарно и сделал. Так я сыграл на барабанах в "КИНО", чем могу гордиться, потому что группа "КИНО" мною уважаема, любима. Но, конечно, это анекдот. На момент записи песни "Генерал" в студии не оказалось ни одного барабанщика, и меня просто заставили тупо бить в бочку и малый барабан. И я в колоссальном напряжении, боясь слететь даже

с этого прямого ритма, еле его отстучал. Потом этот звук барабанов обработали каким-то ужасным образом. Но для истории получилось так, что я был одним из барабанщиков группы "КИНО" (*смеется*).

Но драм-машина на этом альбоме не доминирует и нет лязгающей гитары. Правда, меня раздражает попискивание игрушечного Casio. И хотя группа еще не обрела тогда своего звука, все-таки общая картина здесь лучше, и альбом вполне приемлемый. Но, пожалуй, полноценно звучит только песня "Троллейбус", где на барабанах играет Петя Трощенко. А больше всего я люблю те записи "КИНО", которые были сделаны у Вишни»...

Алексей Вишня:

«На "Начальнике Камчатки" запись у Тропилло получилась несколько глуховатой: сказывалась изношенность старых магнитофонов "Тембр", принадлежавших Дому юного техника еще с незапамятных времен».

Андрей Тропилло:

«Борис постоянно советовал Вите в студии, что да как делать, музыканты "Аквариума" участвовали в записи альбомов "КИНО". БГ даже выступил саунд-продюссером "Начальника Камчатки". Мы вложили в Витю много сил и энергии, но все равно нашей любви и заботы для счастья Цоя явно не хватало. Он мечтал об огромной аудитории, о стадионах, чтобы его обожали миллионы...».

«Начальник Камчатки» стал первым электрическим альбомом группы «КИНО». Мнения насчет него разделились. Подпольная рок-пресса посчитала его «несколько занудным», но в то же время констатировала наличие в альбоме пяти несомненных хитов.

По мнению самого Цоя, «он (альбом) не получился таким, каким бы мы его хотели видеть по звуку и стилевой направленности, но с точки зрения эксперимента это выглядело интересно».

Юрий Каспарян:

«"Начальник" – эксперимент... Я бы не сказал, что это вне поп-музыки, но ориентировка была на западные вещи. С ориентацией на мировой культурный процесс, скажем так».

По мнению же Вишни:

«Если бы не записали у меня альбом "46", Тропилло бы не услышал убогость материала заранее и не нагнал бы на перепись этих песен (в "Начальник Камчатки") Бутмана, Губермана, Курёхина и еще черта в ступе. Он вообще не стал бы его записывать, ибо не нравился он особо Тропилло. Когда я сказал Андрею, что в восторге от "КИНО", он посмеялся надо мной: "Ну и нормально – ты же любишь АВБА – будешь писать 'КИНО'...».

Алексей Рыбин:

«После наивных "Сорока шести" с нестройными гитарами и отсутствием дублей при записи, вследствие чего слышны к концу альбома усталость в голосе певца и полнейший нестроевич, на "Начальнике" все выверено, даже бэк-вокал Каспаряна звучит правильным аккордом. Сохранилась еще Витькина бесшабашность в совокупности с внутренним ощущением звездности своей и всех окружающих его музыкантов – БГ, Курёхин, Бутман, Гаккель, Трощенко, Тит. Кто же еще, если не они, – тот самый "первый эшелон", попасть в который Витька всегда стремился. И эта бесшабашность и звездность, помноженная на большой уже концертный опыт и личный опыт сотрудничающих с ним музыкантов, дали отличный результат».

Юрий Каспарян:

«В "Начальнике Камчатки" много приглашенных музыкантов было: Трощенко, Гребенщиков и Фанштейн, Бутман, Курёхин, Губерман руку приложил. Это даже не было чистым экспериментом. Просто было студийное время, надо было его как-то использовать, ну и материал был. Тогда еще не было Георгия, Титов с нами сотрудничал...»

Несомненно, записью альбома «Начальник Камчатки» группа «КИНО» сделала очень важный шаг в сторону будущей популярности.

В № 10 самиздатовского рок-журнала «Рокси» за 1985 год **Виктор Цой** скажет:

«Одно время мне "Начальник" очень не нравился. Очень вялый по звучанию альбом. Но любопытно, что сейчас, по прошествии более года, я замечаю, что такой звук – атмосфера занудства – входит в моду».

Почти то же **Цой** повторит в 1989 году в одном из своих интервью:

«"Начальник Камчатки" был электрическим и несколько экспериментальным в области звука и формы. Не могу сказать, что он получился таким, каким мы его хотели видеть по звуку, стиливой направленности, но с точки зрения эксперимента это интересно».

Борис Гребенщиков:

«В таком же смешанном составе, как и на "45", записали "Начальника Камчатки", причем я продюсировал не больше половины альбома, так как меня в это время стало вести в совершенно другую сторону. Я очень хотел его сделать, но закончили альбом без меня. Там и Сережка Курёхин каким-то образом принял участие, и ударники разные были, даже Петька Трощенко приложил руку к барабану. Густав появился в самом конце, как раз на этом самом "Новом романтике". Витькина натура требовала, чтобы дальше все это развивалось в сторону уже большого рок-н-ролла, а мне хотелось это видеть в таком безупречном, точеном, акустическом виде. Но тут уже хотелось не хотелось, а права голоса я, по счастью, не имел. Я сам себе в нем отказал, потому что навязывать людям то, что не в их природе, наверное, не надо. Я, по-моему, старался не навязывать».

Как уже было отмечено выше, в ходе записи альбома «Начальник Камчатки» у группы «КИНО» действительно появился штатный барабанщик – Георгий Гурьянов.

Георгий Гурьянов:

«Я тогда играл в группе "АУ", в которой Витя тоже когда-то играл. Я был одержим идеей создания группы, рок, поп, арт и так далее...

А Цоя я впервые услышал летом 1982 года. Дома, на бобине. Это был только что вышедший альбом "Сорок пять". Меня очень раздражал звук, ПТУ все это... Но вот строчки песен были далеко не однозначны. Тексты захватили меня, и захотелось познакомиться с автором поближе. Заочно мы уже были знакомы, среда-то общая.

Вообще странно, что мы раньше с ним не пересеклись. Ведь мы учились в одном художественном заведении, и я много о нем слышал. Короче, в какой-то момент я для себя решил, что должен непременно познакомиться с этим парнем.

Так и получилось. У меня был друг, Осел, который не то чтобы играл в "АУ", но был просто лучшим другом Свины. Роскошный такой панк... И мы с ним были неразлучниками. И вот однажды в метро, на станции "Василеостровская", уже не помню, что мы там делали, встретили Виктора. Так мы и познакомились. А вот вместе работать, играть мы стали позже,

года примерно через два. До того просто пересекались время от времени в каких-то общих компаниях, присматривались друг к другу. Ездили в Москву не раз вместе... Хотя подружались мы с Цоем не сразу. Сначала он меня абсолютно очаровал песней "Транквилизатор" – впечатлениями от дурдома, где Цой успешно косил от армии. Сама идея молодого человека, который готов пойти в дурдом ради того, чтобы не попасть в армию, уже мне кажется выражением крайнего романтизма...

Я уже рассказывал, наверное, как я перебежал из группы "АУ" в группу "КИНО". Когда мы поехали с группой "АУ" на гастроли к Артемию Троицкому в Москву, все нажрались и начался ужас какой-то... Поэтому когда я встретил Витю на станции метро "Купчино", то набрался смелости, подошел к нему и сделал предложение. Конкретное предложение. Он меня выслушал молча, а потом позвонил через несколько дней. Так мы стали работать вместе. Я познакомился с Каспаряном, которого нашел Цой. Он великолепный музыкант: замечательно играет на гитаре, на пианино может сыграть, компьютер запрограммировать. Все что угодно может. У нас не было только бас-гитариста, и мы пользовались аквариумским. Но когда группа "КИНО" стала конкурировать с "Аквариумом", Гребенщиков забрал своего басиста обратно».

Антон Галин:

«Тогда вся основная возня была возле Свины, был такой персонаж, я с ним больше всего времени проводил. Цой там периодически появлялся, конечно, они там все в Купчине жили, а я приезжал к ним в гости, там тусовался. С Цоем я Гурьянова и познакомил. Он почему-то всегда об этом помнил и говорил всегда, что это именно я. Наверное, я. Честно говоря, не помню момента. Возможно... То ли мы вместе к Цою пришли, то ли я Цоя к нему привел... Совершенно вот не помню...».

Как вспоминала впоследствии Марьяна Цой, Георгий уже тогда был знаком с Цоем, пересекался с ним на тусовках, бывал на концертах (например, на концертах в рок-клубе в 1982–1983 годах, на концерте в 30-й московской спецшколе в 1984 году) и даже ездил вместе с Виктором и Марьяной в Москву, но просто так получалось, что они ни разу не работали вместе. И вот наконец Георгий оказался на пустующем месте барабанщика «КИНО», которое и занимал до 1990 года. Некоторое время Георгий, уже будучи в составе «КИНО», помогал Федору «Бегемоту» Лаврову и группе «Народное ополчение», но долго это не продлилось, Георгий просто не мог позволить себе играть в нескольких коллективах сразу. Он всецело посвятил себя одному проекту – «КИНО», хоть и помогал периодически некоторым коллективам, например «Играм».

Вот что вспоминал **Федор Лавров**, в группе которого Георгий Гурьянов играл после того, как ушел из «АУ»:

«Густав пришел записывать "Новогодие" в 1985-м, в ночь с 1984 на 1985-й мы еще записывались без него, на бариках играла Активная, я, Волосатого (Бучина) не было. Это была первая запись с Мотей. А потом Алекс привел Густава. И мы записали почти весь альбом с ним. Он точно пришел от "АУ". Его оттуда Алекс и узнал. А про "КИНО" не знаю. Он поиграл с нами, ему типа все в кайф было. Но потом он стал решать с Цоем. А Волосатый все просился и обижался, в общем, мы с ним уже дописали альбом и издали только к весне или даже к лету. И тогда же мне Густав сказал, что у него с "КИНО" все серьезно, и он не может играть в множестве проектов. "КИНО", конечно, играли не панк, не рок даже поначалу. Но текст про алюминиевые огурцы был смешной. Мы ржали и перепевали его. Вначале странно выглядел Леша Рыбин, когда он вылезал из холодильника на сцене и кидал в зал красный платок. Когда же Густав пришел в "КИНО", они стали играть эту угрюмую музыку с баритональным голосом

а-ля готик рок. И Кинчев был такой же. В общем, это не та музыка, от которой я когда-либо фанател...».

Из интервью Георгия Гурьянова:

– А почему альбом так странно называется? С «Камчаткой» – ясно. А при чем здесь «начальник»?

– Мы думали, как назвать альбом. Ну «КИНО»... Какое кино? Наш гений метафор Олег Котельников сразу придумал десяток названий, у него как-то сразу все это складывается. Ну вот он и выдал: «Начальник Камчатки». «Начальник Чукотки» – был такой советский фильм про молодого человека, которого послали на Чукотку бороться против капиталистов. Но при чем здесь Чукотка? Песня ведь «Камчатка». Просто возникла ассоциация с этим фильмом. И получилось, по-моему, здорово.

В конце мая 1984 года в Ленинграде был запланирован 2-й фестиваль ленинградского рок-клуба.

И вот – «КИНО» уже в полном составе, который, как вспоминала Марьяна, «два года Вите снился», рванули на предфестивальное прослушивание. Группу вставили в график и, явившись в назначенный день в рок-клуб, они отыграли перед отборочным жюри короткую программу.

Из-за хронической нехватки времени и слабой подготовки группа почти не удостоилась внимания отборочной комиссии, и в выступлении «КИНО» было отказано.

По словам Марьяны Цой, Виктор, и так молчаливый, на два дня вообще потерял дар речи. Удалось поднять все возможные связи, и благодаря усилиям некоторых подвижников, которые, кстати, не входили в отборочное жюри, но оказались дальновиднее, – ценой участия Гребенщикова и звонка Троицкого из Москвы – «КИНО» на фестиваль все-таки прорвалось.

Александр Титов:

«Помню, мы с только что взятым в группу Густавом (Георгием Гурьяновым) репетировали сет для участия в фестивале рок-клуба, который должен был состояться по весне. Было это все, кажется, зимой 84-го. Нам тогда казалось, что звучали мы в целом очень вдохновляюще. Это был тот момент, когда группа в первый раз зазвучала так, как она будет уже звучать до конца... Мы летали от счастья. И вот мы сходили в рок-клуб и подали заявку на участие в фестивале. Нам не поверили, что мы готовы выступить на таком важном мероприятии, и назначили прослушивание. В определенный день худсовет рок-клуба приехал к нам на точку, и мы сыграли им наш сет, после чего они нам формально отказали в участии в фестивале рок-клуба! Мол, недостаточно сильный исполнительский уровень... Спасибо Борьке (Гребенщикову), который вступился за нас, пошел в рок-клуб и устроил там скандал. После долгих переговоров нам все-таки разрешили выступить в виде эксперимента и под личную ответственность Наташи Веселовой...».

Сергей Фирсов:

«Что-то ходили долго, все думали... Я, помню, поймал в рок-клубе БГ, говорю ему – вы что, с ума, мол, сошли "КИНО" не брать... А он: "Да я не знаю... Я – за, а вот остальные что-то не хотят". И так я со многими разговаривал. Потом "КИНО", конечно, взяли на фестиваль».

Но, как оказалось, – пробиться на мероприятие было мало. Фестиваль имел некий патристический девиз, связанный с борьбой за мир, поэтому всем группам было предложено спеть по одной песне, написанной кем-нибудь из советских композиторов и связанной с этим девизом. Цой решительно отказался петь песни «совковых сочинителей» и специально для

выступления написал «Безъядерную зону». Здесь имел место прямой расчет: кто мог сказать, что Виктор Цой – не советский композитор? Выступление группы «КИНО», поразившее жюри, поставили последним на фестивале, и именно этой песней 18 мая 1984 года Цой открыл 2-й фестиваль Ленинградского рок-клуба. Сам фестиваль длился три дня. Разумеется, за три дня зрители устали, и было довольно сложно заставить их встряхнуться. К тому же «КИНО» больше года совершенно не выходили на сцену полным составом. Цой играл акустику несколько раз на квартирах или в малюсеньких залах, сидя на стуле. И все же он заставил себя слушать! Песня «Безъядерная зона» была признана лучшей антивоенной песней фестиваля. Питерская рок-публика была потрясена. С этого фестиваля и начался звездный путь Цоя.

В этом мотиве есть какая-то фальшь,
Но где найти тех, что услышит ее?
Подросший ребенок, воспитанный жизнью за шкафом,
Теперь ты видишь солнце, возьми – это твое!
Я объявляю свой дом
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой двор
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой город
Безъядерной зоной!
Я объявляю свой...

Журнал «Рокси» в то время писал: «Уместно будет к открытиям фестиваля отнести и "КИНО". Их теперешний триумф подготовлен долгой работой, ходящими по рукам студийными записями и фактом существования Цоя, от которого нельзя было рано или поздно не ожидать чего-нибудь в этом роде... Прически коллег Цоя, песня "Прогулка романтика" и многое другое позволяют уловить несомненную близость "КИНО" к новейшим школам».

Александр Титов:

«Мы создавали, что нас может спасти только чудо, которое надо было сотворить. И нам это удалось, потому что концерт был очень мощный, кайфный. Я помню лица людей. Звук был полное г...но, как всегда. Я помню, что я был просто в истерике позитивной, потому что вдруг в какой-то момент почувствовал, насколько это важно и мощно. И необычно. На черно-белых фотографиях с того концерта видно, какие у нас у всех квадратные глаза, как нам это все круто было. Это был фурор. Концерт этот был взрывом! Мы были отмечены как главное открытие 1984 года. И далее понятно...».

Алексей Рыбин:

«"Начальник" – мой любимый альбом "КИНО", единственный, наверно, слушая который я жалею, что не играл тогда уже вместе с Витькой. Это такой чистый, крутой и смелый эксперимент, равного которому в так называемом русском роке тогда не было. Может быть, и сейчас нет. Один из немногих альбомов, в котором можно не делать скидку на русскую нищету: мол, вот если бы здесь другую гитару, да другие обработки, да хорошие барабаны, вот тогда бы... Ничего подобного здесь нет. "Начальник" – отчаянно смелая запись. Тропило здесь, конечно, тоже проявил себя. А один набор музыкантов чего стоит – Бутман, Курёхин, Титов и другие...»

Гроза за окном, гроза с той стороны окна,
Горят фонари и причудливы тени,
Я смотрю в ночь, я вижу, что ночь темна,

Но это не станет помехой прогулке романтика.

Подворотни страшны, я слышу, как хлопают двери.
Черные кошки перебегают дорогу.
Пусть бегут, я в эти сказки не верю.
И это не станет помехой прогулке романтика...

Нина Барановская, администратор рок-клуба:

«Всерьез я к Цою стала относиться только после "Начальника Камчатки". Меня очень удивил этот альбом, особенно то, что его сделал очень молодой человек. Я до сих пор считаю, что это самый петербургский альбом в истории нашей отечественной рок-музыки. И никто, наверное, меня в этом никогда не разубедит».

Всеволод Гаккель:

«Мне очень нравилось, как играл Рыба, но только с приходом Юрия Каспаряна и Густава, когда группа отказалась от помощи старших товарищей, появилась законченность... Вот как, например, звучание группы Pink Floyd, как мы ее знаем после Dark Side of the Moon, окончательно сформировала гитара Дэвида Гилмора. И, только среагировав на это звучание, мы обратили внимание на первые альбомы с Сидом Барреттом».

Павел Кондратенко, музыкант группы «Алиса»:

«Это было до Кости. Был отборочный тур в рок-клубе, потому что команд было много, а места – мало. Три дня всего фестиваль шел и, естественно, брали только лучших. Были монстры: "Аквариум", "Россияне", "Мифы" и так далее, а молодняк каждый год, надо отдать должное, отбирали из команд перспективных. Мы не знали вообще, хоть и жили в одном городе (Славка знал, он везде тусил, а мы не знали), что есть такая группа "КИНО". У нас была точка, мы ее так нормально отделали, и у нас был аппарат более-менее не плохой на тот момент. Мы на нем репетировали. Это 1984 год. На нашей точке решили сделать отборочный тур. Команды, которые должны выйти в финал, заранее уже были известны. Приехал президент рок-клуба Коля Михайлов, говорит: "Попадете вы, и еще одна группа приедет – "КИНО". Что за "КИНО"? Смотрю такой, бежит ошалевший Шатл, кричит: "К нам какие-то люди пришли, модные такие, в длинных пальто. И во главе пришел Кола Бельды". <...> Пальто длинные такие, модные, пошитые в каком-то ателье, как на мафиози, очень похожие. У нас места нет, мы им говорим: «Повесьте пальто на кресла, на подлокотники». Они сыграли "Троллейбус", нам они понравились.

Мы последние должны играть. А мы-то должны удивить, у нас не музыка самое главное, а танец. У нас девиз был: "Главное – не музыка. Главное – танец". И мы думаем, а как? Во-первых, экстравагантная одежда. Лично у меня (я ногу сломал) одна нога была в гипсе, из которого выходили штаны клетчатые. Типа английского флага. Шотландка. Был фрак. А сверху почему-то вместо бейсболки была консервная банка "Кильки балтийские" и проволока. Боря-художник пел, у него такие уши были, колыхались. А у Шатла был такой нос, в противогазе, еще какая-то носопыра приделана из-под противогаза, и у него была то ли бурятская, то ли турецкая мандула: палка, палка, два струна. Он ее полоскал. То на гитаре сыграет, то на этой. В общем, та еще команда по одеянию была. И объявляют: "А сейчас группа 'Алиса' выйдет!" Все сидят, а мы по спинкам кресел сзади подбежали. По ходу попались пальто группы "КИНО", пробежались по пальто. Мы выскакиваем: уши шевелятся, килька бьётся, носы сверкают. Все нормально. Такие пижоны. Встают демонстративно 4 человека и 25 минут чистят пальто. Свои пальто чистят. Это группа "КИНО" чистила пальто на выступлении группы "Алиса". Ну, закончили.

Все нормально. Объявляют: "На фестиваль вышли 'КИНО' и 'Алиса', все остальные – домой". Все проиграли, две команды выиграли. Мы такие: "Ну, чего, надо отметить?" Они: "Мы вообще не пьем, но сегодня можно 100 грамм"... – "Вы извините, что мы вам пальто..." Они: "Не важно. Нормально. Вы же делали шоу. Это наши пальто попались вам во время вашего шоу. Мы неправильно их повесили". Познакомились так».

Дмитрий Левковский:

«Вот как раз тогда Цой поставил простую и ясную цель перед коллективом – стать самой модной группой СССР. Именно модной, эта тема тогда постоянно муссировалась. "КИНО" стало тогда группой модников-авангардистов благодаря Густаву».

Александр Сенин, музыкант группы «Кофе»:

«Я думаю, что Гурьянов был именно тем, кто идеологически сделал группу "КИНО". Ну и заслуги Марьяны Цой здесь бесспорны...».

«НОЧЬ»

26 мая 1984 года состоялся совместный концерт групп «КИНО» и «Аквариум» в ДК профсоюза работников пищевой промышленности (ДК Пищевиков).

Юрий Каспарян:

«Концерт в ДК Пищевиков... Концерты бывали и часто отменялись: там комсомолцы рулили делом. А на территории ДК стоял такой большой памятник Ленину. Такой... несколько шире, чем обычно. И Витя, помню, всегда шутил: «Крепкий такой... пищевичок...»

Помню, как-то, кажется, в 1984 году, на мой день рождения мы выпили и пошли гулять, хотели куда-то на вечеринку попасть. И вот, значит, мы выходим за дом, идем, а там футбольное поле. Георгий, поскольку у него дома всегда были гантели, турники и прочие спортивные снаряды, решает показать нам с Цоем класс. Подходит к стоящим на поле футбольным воротам и, подпрыгнув, повисает на них. С усилиями подтягивается несколько раз, делает подъем-переворот, и тут ворота предательски начинают крениться. Георгий не успевает отпустить руки и со всего маху падает лицом в землю. Он был сильно травмирован, и когда мы с Виктором вели его домой, нас даже забрали в милицию, подумав, что мы его избили...».

Вспоминает **Александр Бойко,** фотограф, художник:

«Однажды, весной 1984 года, Тимур Новиков предложил мне пофоткать музыкантов "КИНО"... Мы встретились в доме народного творчества на Рубинштейна, но там снимать нам не разрешили, и пришлось остановиться у Инженерного замка. Тимур тут же за кадром был. Это была чуть ли не первая фотосессия "КИНО", мы сделали тогда много фотографий. Правда, там нет еще отработанных поз... Давно это было. Они не знали еще, как позировать, я не знал еще, как фотографировать. Первая съемка, знакомство...».

Фото пленки с кадрами фотосессии, о которой вспоминает Александр, впоследствии были утеряны в рок-клубе, куда Александр передал их по просьбе кого-то из руководства. Но недавно выяснилось, что небольшая часть негативов была совершенно случайно найдена Светланой Лосевой и сохранена. Вторая часть фотоархива Александра была незаконно изъята сотрудниками КГБ при обыске в его квартире и после нанесения на фото первичной оперативной информации впоследствии использовалась ими как компромат на музыкантов рок-клуба.

Совсем недавно бывшие сотрудники 5-й Службы УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, на плечах которых некогда лежал тяжкий груз ответственности за «контрразведыва-

тельную работу по борьбе с идеологическими диверсиями», любезно передали журналистам «Фонтанки» свой немаленький служебный рок-н-рольный фотоархив – вторую часть бывшего фотоархива Александра Бойко, действуя по принципу: «Тогда это было нужно кому-то одному – теперь, видимо, нужно всем»...

Александр Бойко:

«Бесценный дар порвавших с прошлым... Хотел бы я посмотреть этим тварям в глаза. Они забрали 99 % моих фоток. Весь мой архив негативов и фотографий гэбэшники прихватили, а меня упекли по 224-й... С тех пор никаких следов, дело подсудное, украли все негативы, менты нагло использовали мои фото, делая на них пометки. А теперь, за ненадобностью, благородно слили».

Пару кадров из тех фотосессий вы, дорогие читатели, можете увидеть на страницах этой книги...

После 2-го фестиваля Ленинградского рок-клуба Цой, ободренный успехом, увольняется с работы и, без сожаления расставшись с детской деревянной скульптурой, отправляется с Марьяной и друзьями на мини-фестиваль к Липницкому в подмосковный поселок Николина Гора.

Это был дачный кооператив, где жили известные ученые, музыканты, артисты, кинорежиссеры. Там же, на Москва-реке, был и небольшой дипломатический пляж, а рядом дача Александра Липницкого, на веранде которой он время от времени, к ужасу и неудовольствию некоторых именитых соседей, устраивал концерты «КИНО», «Аквариума», «Центра» и других ленинградских и московских групп. На втором этаже дачи была расположена домашняя студия, в оборудовании которой Липницкому помогала Стингрей.

Павел Пивоваров, тусовщик:

«Моя лучшая встреча с Цоем была такая... Фестиваль "Молодежи и студентов" в 1985 году был в Москве, значит, это было в 1984. В фестивальное лето нам бы на траве спать не дали, и мы, скорее всего, не пиво бы ночью пили, а джинсы меняли на матрешек. Так что в 1984-м, точно.

В начале 80-х на площади Ногина в Москве тусовались скейтеры, "утюги", хиппи, просто молодежь модная. И тусовались практически круглосуточно: там до 2 ночи работала пельменная для таксистов. Мы с моим приятелем тусовались всю ночь: лето, тепло! И прибились к стайке хиппи. А мы были тогда известные центровые "утюги", мажоры по-питерски. И к нам на огонек пришел Виктор, с гитарой! Он приезжал на квартирник, на улице Чернышевского (Маросейка), квартирник обломался. Билет у него был на утро – и вот мы всю ночь сидели на лавочках, он спел "Восьмиклассницу". Мы так запали на эту песню, что он ее на бис раз пять исполнил! Мы купили пива, у нас Marlboro еще американские были, все угощались. Чудная ночь была. Хотели Витю до вокзала проводить, но сморились и прямо на Ногина, на газоне, спать завалились...

Я знал Айзеншписа неплохо, Наташу Медведовскую, Стаса Шиканова, Олега Соколова. Они все работали потом с "КИНО". Я был на многих Витиных концертах. Премьера "Ассы" в ДК МЭЛЗ, "Крылья Советов", "Лужники". В МЭЛЗе даже подпевал "уууу, транквилизатор" в микрофон...

А потом, в 1991 году, я уже жил в Нью-Йорке. И все как-то не очень складывалось. Друзья московские домой звали. Известный фотограф и художник Игорь "Глюк" Вишняков в гости позвал и поставил "Черный Альбом": "И я вернусь домой... / Со щитом или на щите... / Но как

можно скорей“. Я прям расплакался тогда!!! И недели через две вернулся в Москву. А через пару месяцев Союз развалился...».

По возвращении из Москвы Цой с Марьяной отправились в Крым «зайцами» с помощью знакомого, Сергея Фирсова, работавшего тогда проводником вагона Ленинград – Феодосия.

Сергей Фирсов:

«Я ездил тогда на поезде Ленинград – Адлер, через Крым. Было две прицепки, из которых одна оставалась в Керчи, а вторая в Феодосии. Никто не хотел ездить на прицепках, потому что там денег не было. Ты стоишь и ничего не зарабатываешь... Так ты едешь – чаем поишь и так далее, а я зато сутки просто лежал на пляже во время работы. Пока поезд ехал туда и обратно – я садился на первый попавшийся катер и ехал в Коктебель, все там знал. Поэтому, собственно, и возил туда Цоя и Марьяну...

Гурьянов тоже с ними ездил. Он был классный парень... Сначала он загорел, потом подстригся наголо и стал похож на уголовника – красная морда и абсолютно белая лысина. Он ходил в кепках всевозможных, и его менты винтили на каждом шагу... А мы с Цоем тефтели в столовых крали, да...».

Поскольку денег катастрофически не хватало, поездка в Крым, по словам Марьяны Цой, была по своему безрассудству особенно выдающейся. Приходилось убегать от хозяев, требующих плату за проживание, собирать бутылки на пляже, питаться мидиями, красть тефтели в столовой и многое другое. Обо всех этих приключениях можно узнать из воспоминаний участников той поездки.

Георгий Гурьянов:

«Я прекрасно помню эту поездку. Витя и Марьяна поехали в Коктебель, а я отдыхал в Гурзуфе и потом поехал к ним. Там было ужасно. Ну, Коктебель – вообще чудовищное место, какое-то комариное гнездо. Я уговорил их перебраться в Гурзуф. Марьяна все время бухтела, что тут неудобно, дорого, все не то и все не так. С ними еще был саксофонист, друг Курёхина, Владимир Болучевский, так вот они на Чеховском пляже ныряли и собирали бутылки со дна моря, причем в таких количествах, что можно было покупать вино и развлекаться. А тефтели в столовых крали, да... Конечно, Советский Союз в полной красе... Мне нравилось очень в Гурзуфе. Я там не был очень давно...».

Владимир Болучевский, музыкант, знакомый Виктора Цоя:

«Утром мы с Цоем вставали пораньше, ходили по аллее вдоль набережной и собирали бутылки. На вырученные деньги мы покупали хлеб, молоко, банку консервов и шли кормить наших девчонок. А еще ныряли на Чеховском пляже, наполняли кошелку мидиями, потом жарили их и ели...».

Валерий Алахов сохранил фотографию, которую можно увидеть в этой книге, – веселая компания: Игорь Веричев, Валерий Алахов, Диана Сюч (Фирсова), Виктор и Марьяна Цой, Игорь Бушланов, Ника Богданова и Владимир Арбузов стоят на набережной, а за их спинами отчетливо видны Аю-Даг и Адалары...

Валерий Алахов, музыкант группы «Новые композиторы»:

«Я тогда работал все лето в санатории в Гурзуфе... Летом приезжали друзья отдохнуть, собирались в компании по интересам... И с Виктором и Марьяной мы тоже познакомились в Гурзуфе, с подачи Густава. Но мы не общались толком ни с Цоем, ни с Марьяной: только здо-

ровались и приветствовали друг друга... А фото сделал мой друг Лева (фамилию не помню) – фотограф "Артека". Лео был наш друг, помню, что он тоже переехал тогда жить из Москвы в Крым и работал тогда в Артеке с 70-х... Он был профи. У меня есть его съемки – пленки-слайды 60 × 60 мм с нашими походами по Крыму. К сожалению, не везде Цой в кадре, но другие участники группы "КИНО" и "НК" есть...».

По возвращении из Крыма отдохнувший Цой стал подыскивать новую работу, в идеале мечтая устроиться кочегаром в котельную.

Еще в марте 1984 года в Ленинград приехала американка Джоанна Стингрей – молодая певица, которая впоследствии сыграла огромную роль в деле популяризации русского рока на Западе. Поскольку Джоанну интересовало абсолютно все, что касалось русского рока, она через Бориса Гребенщикова и Сергея Бугаева познакомилась и с группой «КИНО». Джоанна активно помогала многим рок-музыкантам. Благодаря и ее усилиям группа «КИНО» вскоре становится самой модной группой Ленинграда.

Джоанна Стингрей, певица:

«Впервые я приехала в Советский Союз в марте 1984 года, на одну неделю, но встрети-лась с Виктором и "КИНО" только во время второй поездки, тоже в 1984 году. Борис Гребен-щиков пригласил меня на фестиваль в рок-клуб. Он сказал мне не говорить по-английски, и тогда он покажет мне своих друзей. Я помню "КИНО", вышедшее на сцену: четверо высоких, стильных ребят просто приковали мое внимание. Мне нравилось то, как группа выглядела, очень понравилась подача, Виктор двигался во время исполнения песен, и хотя я не понимала многие из слов, я подпевала. Песни и слова были очень запоминающиеся. Виктор был невероят-но динамичный исполнитель. Трудно было не смотреть на него, его движения казались естественными: он был сильный и сексуальный одновременно. После концерта и после того, как я была допрошена в КГБ, в конце концов я пришла на вечеринку, чтобы встретиться с Борисом, и когда я попала на это пати, Борис познакомил меня с другими гостями.

Следующее, что я помню: я была прямо перед Виктором и Юрием. Я сказала им, что мне понравилось то, как они играют, и они сказали "спасибо". Некоторое время мы разговари-вали (Юрий толком не говорил, поскольку не понимал английского языка), поэтому в основ-ном разговор был между Виктором и мной, и Виктор переводил его смысл для Юрия. Мне показалось очень интересным то, что при первом разговоре этот парень, которого я только что видела на сцене, и характер которого казался, может быть, даже агрессивным, был не Виктор. При общении он был милый, забавный и даже немного застенчивый. Я сразу же нашла с ним контакт. Он казался очень реальным, не пытался вести себя так, как rock n' roller, или как-то прохладно. С ним было здорово, и излишне говорить, что с самой первой встречи мы стали очень близкими друзьями».

Дженни Яснец:

«Я ходила на концерты "КИНО" в основном в рок-клуб. Было очень круто, ведь Цой как бы противостоял советской власти, зал просто взрывался от восторга... Когда мы ходили на концерты, мы действительно от маминых туфель отрезали каблуки. Это было. Действительно, 10 часов вечера – это реальная цифра, когда мне нужно было быть дома. И я всегда приезжала позже – к 11, к 12. И у меня всегда были скандалы с родителями по этому поводу... Я просто обожаю его песни. Он приходил ко мне на день рождения вместе со своей женой Марьяной, у него тогда только родился ребенок. Иногда мы собирались у Медведева, приходил Цой и пел. Иногда мы ходили к Сергею Фирсову смотреть видео. И Цой с Марьяной, и я, и Фирсов жили тогда на проспекте Ветеранов. Смотрели концерты любимых музыкантов, например Дэвида Боуи... Цою было очень интересно, как он ведет себя на сцене...».

Георгий Гурьянов:

«У нас была постоянная вечеринка. И все делалось для того, чтобы вечеринка была еще роскошнее. Не верите? Как хотите. Была классная атрибутика, красивые девчонки, элегантные костюмы, модные штучки, хорошие напитки. И это не было каким-либо противопоставлением системе или еще чему-то. Это было просто желание хорошо проводить время, жить так, как хочется... Мы были богами вечеринок. Богами домашних дискотек. Это же был Советский Союз...

Потом еще высокая миссия довлела... Когда я смотрел на себя в зеркало, я видел отражение pop-star... Еще мы хотели быть international... Говорили по-английски, общались с корреспондентами... Я помню интервью Каспаряна: "Ай лав Джоанна вери мач..." И смех такой здоровый... Или вот это: "А вы всегда пишете песни, когда вы пьяный?" – "Да я вообще не пью! Я пью только на вечеринках или когда встречаюсь с тобой..."

И мы все это время находились под влиянием Бориса Гребенщикова, Высоцкого, Окуджавы и прочих... (смех)».

10 июня 1984 года в Петергофе проходит лауреатский концерт по итогам 2-го фестиваля Ленрокклуба. «КИНО» отыгрывает пару концертов (утром и вечером), один из которых был даже запечатлен на видео и фрагменты которого можно сегодня увидеть в Интернете.

Владимир Пыхонин, тусовщик:

«Мой приятель, Юрий Камышников, как-то в 1984 году пригласил меня на концерт в Петергоф. Ремарка: мы тогда слушали Duran Duran, выглядели соответствующим образом.

В Петергофе таких, как мы, оказалось много. Юра сказал, что будет концерт – «КИНО», «Нокаут» и «Странные игры» (не помню точно про «Игры»). Я не знал, кто такие эти группы и тем более кто такой Цой. (Хотя, как потом выяснилось, мы учились с ним в одном училище...).

Было лето. Мы присели на травку возле памятника, который был напротив клуба. Решили закурить, но не было зажигалки (символично). Видим, рядом с нами сидит казах. Мы спросили у него зажигалку и уточнили: "Что за концерт в клубе"? Он так и сказал: "Группа 'КИНО' и т. д.". Первыми играл «Нокаут» (металл-жесткач), мы уже обломались и хотели уйти, но потом смотрим – какие-то цветные парни на сцену выходят и казах, тот самый. Ну а дальше был настоящий шок! Это было "КИНО"! Это было так круто! Это была такая мощная энергетика! "Мама, я узнал свое утро!"... Короче, утром я проснулся новым человеком! Счастливым! "КИНО" – это великая группа!»

12 июня в Ленинграде, в ДК им. Крупской, прошел еще один лауреатский концерт.

Из воспоминаний Владимира Густова, музыканта группы «Теле У»:

«Я лично Цоя не знал... Но один раз мы с Ляпиным играли с "КИНО" концерт. Первое отделение они, второе – мы (группа "Теле У"). Вот и все знакомство. Это было в каком-то ДК на Обуховской Обороне, под эгидой рок-клуба... Все, что я запомнил про тот день, это то, что нас с Ляпиным подвез после концерта консул США и мы с ним всю дорогу стебались, что нас теперь КГБ под колпак возьмет. Где-то 1984 год был... Сам концерт особо не запомнился. "КИНО" тогда играло какой-то мрач, мне даже показалось, что на фашистскую тематику похоже. Они были в длинных плащах и действительно очень походили на офицеров СС...».

Нина Барановская:

«Однажды "КИНО" выступало на фестивале в ДК "Невский", и по социальной значимости, о которой тогда все любили говорить, выступление было отнюдь не слабым. Именно за

это выступление партийные люди и называли Цоя фашистом. Тогда рок-клуб курировала такая девица лет двадцати пяти, но уже с клеймом члена КПСС на лице. Работала она в Куйбышевском райкоме партии. После выступления "КИНО" она пришла и сказала: "Вы видели, как он стоит на сцене? Он же фашист!" Дело было, конечно, не в том, как он стоял, а в том, что он пел...».

Николай Кунцевич:

С Цоем я встречался в Гурзуфе летом 1984 года. Позднее, то ли в 1984-м, то ли в 1985-м, будучи в городе Ленинграде, я увиделся с Борисом Гребенщиковым, и он мне посоветовал прийти на концерт Ленинградского рок-клуба (концерты рок-клуба, который не имел своего помещения, проходили во многих местах, в частности в ДК им. Крупской), где я увижу выступление "КИНО". Честно говоря, это лучшее, что я когда-либо видел в то время. Бешеная энергетика, пластика, песни как на подбор: "Транквилизатор", "Генерал" и т. д. Потом я сдружился с "киношниками"...

Где Вы теперь и с кем,
Кто хочет быть судьей,
Кто помнит все имена?
Нам не хватает тем,
Не нарушай покой,
Эта ночь слишком темна.

Где твой мундир, генерал,
Твои ордена, спина как струна?
Ты уже слышал отбой.
Просто дождь бил по крыше твоей, генерал...

Всеволод Гаккель:

«Никаких особенных подробностей о том времени не припоминается. Тогда среди нас не было героев. Концерты были редки, и каждый концерт в силу этого становился событием и запоминался уже самим фактом происшедшего. И безусловно, мы придавали им гораздо большее значение, нежели сейчас, когда в городе еженедельно проходят десятки концертов и иногда молодым людям надо выбирать, на кого же пойти. И сколько концертов в месяц они могут себе позволить. Конечно же, концерты становились еще более важными, если в них принимали участие две-три самобитные группы».

19 сентября 1984 года Виктор Цой получает на руки военный билет и официально «уходит в запас», а 28 сентября Постановлением Министерства культуры группа «КИНО» внесена в «черный» список групп, запрещенных к выступлению на концертных площадках.

Георгий Гурьянов:

«Нам было совершенно наплевать на систему. Мы ее не замечали. Все эти слежки, стукачи из рок-клуба, агенты КГБ, фотографировавшие из-за угла. Мы хихикали над всем этим, нам не то что не страшно было, наоборот. Мы специально себя вызывающе вели, показывали – вот какие мы, модные, красивые. Снимайте нас, что же вы... Пишите про нас в газетах своих, обсуждайте наши выступления...».

Инна Николаевна Голубева:

«А концерты давались по каким-то складам, каким-то заброшенным заводам. Где они могли выступать? Их никуда не пускали. Из подвала куда-то в дыру очередную они выходили и там играли свою музыку, и пели, и вообще наслаждались друг другом».

Примерно в это же время наконец-то сбывается заветная мечта Цоя – он увольняется из своего парка и устраивается работать кочегаром, которым всегда мечтал быть. Работа сутки через трое позволяла ему не отвлекаться от музыки, ездить на гастроли, давала некий заработок и ограждала от обвинений в тунеядстве. По легенде, сначала он работал в котельной, располагавшейся на правой стороне Невы, в Уткиной заводи – топил вместе с веселой бабушкой, у которой научился играть на балалайке.

Сергей Фирсов:

«Цой имел небольшой опыт кочегарства в маленькой котельной на правом берегу Невы. Отапливал он там склад ящиков и этими же ящиками и топил. Мы даже справляли там какой-то Новый год. Цой, я, Марьяша, Каспарян и Диана. И бабушка, которая там тоже кочегарила. Бабушка, кстати, была замечательная – виртуозно матюгалась и постоянно играла на балалайке очень классно. Цой брал у нее уроки. Я не знаю, сколько Цой там работал, но думаю, что не очень много... Может, сезон. Но не уверен».

По словам Марьяны Цой:

«Котельная, где работал Цой, находилась в жутком месте, которых в Питере пруд пруди. С одной стороны кладбище, с другой – парк, вокруг какие-то руины, где стаями бегали бродячие собаки. Огромный пустырь был завален деревянными ящиками, в центре стоял сарай, половину которого занимал сторож, карауливший ящики, а половину – кочегар, который топил котел, чтобы сторож не замерз. Причем топил он теми самыми ящиками, которые сторожил сторож».

Инна Николаевна Голубева:

«Витя резал скульптуру на Каменном острове, работал кочегаром на тароремонтном заводе, потом сажал азалии в горшки где-то, часто приносил их домой, но они почему-то не приживались».

Марьяна права: место, где работал Виктор, было унылым. Согласно сведениям о местах трудовой деятельности, указанным в заявлении-анкете (о выезде за границу), которое Цой подал в ОВИР ГУВД Ленобласти 17 октября 1989 года, в то время он работал кочегаром Ленинградского тароремонтного завода № 1, располагавшегося на проспекте Александровской фермы.

26 октября 1984 года Цой на пару с Каспаряном отыгрывает концерт в Сосновом Бору, а в ноябре Цой совместно с Майком едет в Новосибирск, где выступает в знаменитом Академгородке. Фотограф Андрей Маракасов запечатлел пару квартирных выступлений Цоя, и его фотоработы сегодня можно найти в глобальной Сети.

Андрей Маракасов, фотограф:

«Мы же просто когда-то жили этим. Года до 1987 я пытался фотографировать происходящее в Новосибирске на свой "Зенит", а когда хватало денег, то и слайды делал. Концерты, квартирники... Про Цоя мне сложно говорить – всего пара вечеров, автографы, несколько вопросов и ответов – вот и все. Про его значение – это уже другой разговор. С Цоем на удивление слайды получились более-менее неплохо, около 20 штук. Лет 5 назад у меня попросили

фотки, я начал оцифровывать архив. Раз 4 выставлялся на выставках, в «Комсомолке» разок напечатали».

Чуть позже проходит выступление Цоя, Майка и БГ в Сосновом Бору под Ленинградом, а в начале января 1985 года Цой с Майком отыгрывают квартирные концерты, потом у Олега Ковриги и Александра Несмелова в Москве.

Олег Коврига, устроитель концертов, музыкальный продюсер:

«Концерт Майка с Цоем был первым концертом в моей жизни, за который я нес основную морально-материальную ответственность. В организации разных концертов я принимал участие и раньше. Но на подхвате. "На побегушках у подпольных менеджеров", как когда-то писали в "Комсомольской правде". А в этот раз Илья Смирнов привел авторов и во все остальное вникать особо не стал... Витя Цой на значительную часть публики произвел более яркое впечатление, чем Майк. Боясь, что народу будет мало и мы не сможем собрать 50 рублей, обещанных ребятам, я звал всех своих приятелей и знакомых приятелей. В результате пришли около семидесяти человек. Причем большая их часть видела и слышала Майка и Витю впервые. Витя, конечно, выглядел более открытым и веселым парнем. Так что на него и реагировали веселее. Не зря он потом действительно стал рок-звездой. А Майк был более смурным и закрытым, что не особо бросалось в глаза на электрических концертах, но в непосредственной близости, чтобы не обращать на это внимания, надо было уже врубаться в его песни.

В ходе концерта наш дружок Шура Несмелов выдвинул предложение повторить концерт завтра у него. Поскольку времени на "рекламу" (то есть поиск по телефону ещё каких-нибудь знакомых) практически не было, Гриня попробовал снизить завтрашнюю "ставку" с пятидесяти рублей до сорока. Витя сказал: "Ну ладно..." Но Майк слегка насупился и достаточно твердо произнес: "Нет. Мы же все-таки артисты". Почему-то этот довод всем нам показался весомым – и мы втроём дружно закивали: "Да-да... Конечно, артисты..."

У Шурки, естественно, народу уже было намного меньше, выпивали тихо, без особого шума – и в этой обстановке Майк с Витей в какой-то степени поменялись ролями. Там уже Майк был первым. По крайней мере, мне так показалось. Хотя почти все зрители "второго дня" прекрасно знали то, что они слушали. И национальным героем для них был именно Майк.

На второй день, когда Шура Несмелов открывал Майку и Цою дверь, Витя ему говорит:

– Здорово, химия! Как дела?

– Да все нормально. Дом стоит, свет горит.

– О! Это прямо как слова из песни.

И через какое-то время появилась песня "Печаль":

Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль.
Так откуда взялась
Печаль?...

Саня был счастлив, когда эту песню услышал».

Понуровский Евгений, деятель ленинградского рок-клуба:

«Был еще концерт в Сосновом Бору – Цой+Каспарян 26 октября 1984 года, даже запись есть. Майка больше не было, а БГ был всего 3 раза, летом 84, в декабре 84 и в 86-м, со всех трех концертов я и выложил фотки, а эта запись нигде и не всплывала, лежит у меня 30 лет. Мне тут обещали из Германии привезти винтажный катушечник, вот я и достану свои записи,

а там и "Мануфактура" с Салтыковым, "Аквариум" – 86, ну и Цой с Каспаряном. Послушаю и решу, что с ними делать...»

В то время, в 1985 и 1986 годах, в Москве проводились акустические концерты с участием тогдашних питерских и московских рок-звезд. В 1985 году в нем приняли участие Майк, Цой и Сергей Рыженко, в 1986-м – Майк, Кинчев, Башлачев, Силя («Выход») и опять же Рыженко. Что же касается концертов у Ковриги и Несмелова, то впоследствии они были изданы на двойном CD отделением «Выход».

Есть о том периоде одно любопытное воспоминание. Евгений Сотсков, или Жэка, рассказывал, что слышал от одного своего приятеля историю о том, как в 1984 году его родители и он сам (будучи шестилетним ребенком) навещали институтских друзей и оказались в обыкновенной студенческой общаге, где вечером стали зрителями небольшого квартирника концерта. Концерт устроили заглянувшие «на огонек» некие Миша с Витей. Музыканты, по очереди приложившись к бутылке с портвейном, пели, а собравшиеся гости весело подпевали и хлопали... Далее рассказчик вспоминал, как сидел у Виктора на коленях и как тот, улыбаясь доброй улыбкой, исполнил песню «...звезды, упав, все останутся здесь, навсегда останутся здесь...».

К весне 1985 года у группы «КИНО» накопился материал для следующего альбома, и в студии Андрея Тропилло, который наконец поддался уговорам, началась работа над пластинкой «Ночь».

Не люблю темные стекла,
Сквозь них темное небо.
Дайте мне войти, откройте двери.
Мне снится Черное море,
Теплое Черное море,
За окнами дождь, но я в него не верю.

И я попал в сеть, и мне из нее не уйти,
Твой взгляд бьет меня, словно ток.
Звезды, упав, все останутся здесь,
Навсегда останутся здесь.

Юрий Каспарян:

«У нас была одна студия доступная, находилась она в Доме пионеров и школьников, учебная студия звукозаписи, которой руководил Тропилло... Там был фейсконтроль, и кого Тропилло хотел, того и писал. Это была единственная студия, похожая на настоящую. То есть там были и магнитофон, и какие-то приборы. Все остальное было в кустарных домашних условиях».

Андрей Тропилло:

«С Витей Цоем работать было трудно: он, как прирожденный лидер, редко следовал фонограмме и пел, как правило, выше, чем нужно. И еще – он постоянно чмокал губами в микрофон. Мне даже приходилось покупать ему жирную гигиеническую помаду, чтобы этих причмокиваний не было слышно. Потом он тогда страшно увлекался Брюсом Ли, был на нем просто помешан. Например, когда записывались другие музыканты, Витя прыгал и отрабаты-

вал какие-то невообразимые удары ногами и руками. Приходилось уводить его оттуда к чертовой матери в коридор».

Георгий Гурьянов:

«Альбом "Ночь" – это крутейшие песни и крутейшая аранжировка. На самом деле, супер. Но это вымученный альбом. Со студией была очень большая беда, потому что у Тропилло очень своенравный характер и вообще... В результате альбом был задвинут на полку и морозился там».

Александр Титов:

«С "Ночью" была просто странная история. Видимо, тропилловская студия заряжена другой энергией, и модная музыка, которую исполнял Витька, – она все-таки была больше чем мода, – там просто не канала. Энергетически что-то не совпадало и выталкивало друг друга. К тому же это происходило параллельно с записью "Дня Серебра", а это совсем другой альбом. Эти два альбома, в которых я участвовал, тогда очень друг другу мешали. И больше был ущерб альбому "Ночь"...».

Уже поздно, все спят, и тебе пора спать,
Завтра в восемь утра начнется игра,
Завтра солнце встанет в восемь утра.
Крепкий утренний чай, крепкий утренний лед.
Два из правил игры, а нарушишь – пропал,
Завтра утром ты будешь жалеть, что не спал.

Но сейчас деревья стучат ветвями в стекла,
Ты можешь лечь и уснуть, и убить эту ночь.
Деревья, как звери, царапают темные стекла,
Пока еще не поздно лечь и уснуть в эту ночь...

Начатая «киношниками» работа растянулась почти на год, а на какой-то стадии и вовсе оборвалась, хотя объективных причин для подобного торможения не было.

Алексей Вишня:

«Тропилло не уделял времени: начальство Дома устроило проблемы с хождением взрослых. Иногда им приходилось скрываться по ночам, когда Дом находился под сигнализацией. Это страшно нервировало Цоя, но сделать было ничего нельзя – никак не ускорить. Пришлось ждать лета, а новые песни рвались наружу».

Мало того что начались постоянные проблемы со студией, так еще и «киношников» совершенно не устраивал звук. Хотелось сделать нечто модное, а в студии Тропилло, как выразился Александр Титов, «модный звук не писался вообще».

В марте 1985 года прошел 3-й фестиваль Ленинградского рок-клуба, на котором Цой впервые вышел на сцену без гитары. Он пластично и легко передвигался во время исполнения песен. По мнению некоторых, на это повлияли концерты западных рок-групп, которые Цой смотрел у Александра Липницкого в Москве.

Многим, само собой, это не понравилось. К примеру, Александр Житинский писал, что «эта манера была совершенно чужда Цою. Вилять бедрами было совершенно не обязательно, да и с гитарой в руках Виктору было гораздо лучше». И Житинский был далеко не одинок в этом мнении.

Из воспоминаний поклонника «КИНО»:

«...Мне довелось быть на концерте Цоя в 1985 году в клубе ЛПИ. Там ему испуганные хозяева клуба не смогли дать исправную аппаратуру. Так Цой стал петь под 12-струнную гитару один. Народу набилось столько, что стоять приходилось на ручках кресел, для того чтобы его увидеть. А он пел часа два... После этого за одно только уважение к своим слушателям, я перед Цоем ку – два раза!»

В общем, как бы там ни было, выступление «КИНО» на фестивале было заслуженно оценено и группа получила лауреатское звание.

«Это не любовь»

Решение создать новый альбом у Вишни (не дожидаясь окончания записи альбома «Ночь») пришло к Цою внезапно. Поскольку со студией Тропилло начались проблемы, группе приходилось готовить материал урывками. И Цой, к тому времени написавший много песен про любовь, решил их записать отдельным альбомом. Тем более что студия Вишни, располагавшаяся в непосредственной близости от студии Тропилло, была очень удобна.

По воспоминаниям Алексея Вишни, «была весна, самое время петь о любви и фиксировать положительные эмоции».

И вот летом 1985 года, окончательно забросив недоделанный альбом «Ночь», группа собралась на студии Вишни для записи следующего студийника – альбома «Это не любовь».

Юрий Каспарян:

«Вите надоела эта рутина с альбомом «Ночь», и он быстро договорился с Вишней, так мы записали "Это не любовь"»...

Ты часто проходишь мимо, не видя меня,
С кем-то другим, я стою не дыша.
Я знаю, что ты живешь в соседнем дворе,
Ты идешь не спеша, не спеша...

О-о-у, но это не любовь...
О-о-у, но это не любовь...

А вечером я стою под твоим окном,
Ты поливаешь цветы, поливаешь цветы.
А я дотемна стою и сгораю огнем,
И виной тому ты, только ты...

О-о-у, но это не любовь...
О-о-у, но это не любовь...

Алексей Рыбин:

«В это время "КИНО" писало в студии у Тропилло альбом "Ночь", причем делали это по утрам. А когда Тропилло, запарившись, выгонял молодую группу, группа шла к Вишне, который, как я уже говорил, жил в двух шагах от студии "Антроп"»...

Алексей Вишня:

«Я уже освоил драм-машину, мы с Юрой быстро запрограммировали ритмы и приступили к записи. Звук очень понравился всем; новая драм-машина была слабой, но вносила модную краску».

Альбом получился относительно легким по настроению – в него были включены песни «Весна», «Уходи», «Ты выглядишь так несовременно» – и стал одним из самых любимых для Цоя.

Уходи, но оставь мне свой номер.
Я, может быть, позвоню.
А вообще я не знаю, зачем
Мне нужны эти цифры.
И я уже даже не помню,
Как там тебя зовут.
И теперь для меня
Номера телефонов как шифры.

Уходи! Оставь телефон и иди...

Алексей Вишня:

«Аппаратура была та же самая, что использовалась Тропилло в работе над альбомами "Электричество" и "Акустика" "Аквариума". Качество выросло заметно, но Виктору больше всего нравилось комфортно записываться в домашних условиях, в тапочках и футболке. Я пытался создавать ребятам максимально хорошее настроение. Все записалось за пару недель, приглашенный в группу басист Саша Титов за один день сыграл бас-гитару на все песни, и альбом был практически готов. Удалось привлечь в песне "Саша" Севу Гаккеля, случайно задержавшегося после записи "Акустической комиссии". "Это не любовь" вышел раньше, чем уже записанный, но еще не сведенный альбом "Ночь", и Цой пребывал в наипрекраснейшем расположении духа, ибо вышел здоровский альбом нормального качества и вот-вот, со дня на день, сведется "Ночь". Этот период жизни и творчества Виктора я хотел бы оставить в памяти навсегда, потому что именно таким я любил Цоя – бесшабашного и милого, готового в любой момент схватить гитару и запеть».

Из интервью Виктора Цоя:

«Условия студии были таковы, что выбора не было, три гитары и ритм-компьютер, никаких накладок. Вначале меня это угнетало, но в процессе работы даже стало нравиться, и под конец записи мы даже стремились к такому звуку».

Константин Рылеев:

«Впервые я услышал цоевские песни – "Когда-то ты был битником" и "Мои друзья" – в 1985 году. На чужой кассете, после песен "Аквариума". Запись была плохая. Мы думали, что это тоже "Аквариум", но ранний. Тексты были более простые, а мелодии намного интереснее, чем музыка Гребенщикова... Позднее же стала известна легендарная история, что Борис Борисович услышал Цоя в электричке. БГ был уже БГ. Слова Гребеня: "Первую вещь я не запомнил, а вторая была уже "Мои друзья идут по жизни маршем и остановки только у пивных ларьков..." У меня появилось ощущение, что я достал со дна моря запечатанную амфору и раскрыл ее».

Определенная похожесть стилей "Аквариума" и "Кино" заметна в первом "киношном" альбоме – "45". Это понятно – музыканты "Аквариума" помогали Цою в записывании...

Где-то году в 1986-м мой приятель притащил чистейшую запись альбома "Это не любовь" – "КИНО". Был у него там какой-то знакомый в Питере. С одной стороны, темы переплетались с темами обычной поп-музыки: "пришла – пошла", "любовь – нелюбовь..." Но сама интонация была очень интересной, альбом можно было слушать без перерыва. Что мы и делали. Что-то там было упорное, искреннее, легкомысленное и даже наглое: "Уходи, но оставь мне свой номер, я, может быть, позвоню, но вообще я не знаю, зачем мне нужны эти цифры... Уходи, оставь телефон и иди!" Лиризм автора смешивался с незлым цинизмом. Но и в том и в другом случае герой песен был органичный и вызвал симпатию...».

«Это не любовь» стал последним «романтическим» альбомом «КИНО» – все последующие альбомы группы были сплошь «героическими» и очень серьезными. А по поводу исполнения лиричных песен, которых у Цоя было достаточно много, музыканты всерьез обсуждали план создания некоего бойз-бенда, который мог бы петь эти песни.

Юрий Каспарян:

«У Виктора было очень много ироничных песен про любовь в так называемой "киношной" стилистике. "Ты выглядишь так несовременно рядом со мной", "Уходи – я тебя не люблю", "Братская любовь", "Ты обвела меня вокруг пальца" – замечательные песни, которые не очень соотносились с пафосным героическим амплуа, в котором выступала группа, и потому не входили в альбомы. По жизни Цой не был пафосным, он был веселым и писал вот такую лирику. Но исполнять эти песни мы не могли. Никак. Конечно, под них можно было создать отдельный бойз-бэнд, пошли такие мысли... Мы даже всерьез это обсуждали. Но все так и осталось на уровне разговоров. Поговорили, похихикали...».

Георгий Гурьянов:

«Да, идея такая была, потому что мы решили не исполнять лирические песни, поскольку они не соответствовали образу "КИНО". Тогда и пришла в голову мысль... Тогда это было в порядке вещей – фантомы продюсерские, проекты... Вот мы и придумали бойз-бэнд, который исполнял бы эти песни. Мы даже серьезно подыскивали музыкантов, артистов... Естественно, все закончилось не начавшись».

В окончательный вариант альбома не вошло пять песен, записанных в то же время, – «Братская любовь», «Разреши мне», «Ты мог бы», «Любовь – это не шутка», «Ты обвела меня вокруг пальца», – после смерти Виктора изданных на диске «Неизвестные песни».

Виктор Цой:

«На "Это не любовь" мы не возлагали вообще никаких особых надежд. Там собраны некоторые старые вещи: "Весна", например, и песни, предназначенные, так сказать, для внутригруппового использования. Когда я пишу песни типа тех, что вошли в "Это не любовь", мне очень смешно. По идее, мы предназначали этот альбом молодым ребятам, лет под 20, а оказалось, что эту иронию улавливают более взрослые люди. Видимо, для молодежи требуется повышенный драматизм ситуации».

Юрий Каспарян:

«Записывались эти песни дома у Леши Вишни перед "Группой крови". Та сессия как-то заглохла, но песни остались – "Ты обвела меня вокруг пальца", "Братская любовь" и прочее».

Я встретил ее, я встретил ее,
Она шла в кино.
И я пошел следом,
Я рядом купил билет.
И я подумал о том,
Что она может быть для меня сестрой,
И как раз в это время в зале
Погас весь свет.

Ах, эта братская, братская, братская, братская любовь.
Живет во мне, горит во мне.
Ах, эта братская, братская, братская, братская любовь.
Живет во мне, сожжет меня дотла.

Мнения по поводу выхода альбома «Это не любовь» разделились.

Артем Липатов:

«Это мой любимый период. 1985-й, ”Это не любовь“. Переход от голенастой акустики к герою, тоже с цыплячьей шеей – но уже с выросшим мясом. Неуклюжее, но решительное было время. На этом альбоме есть моя любимая песня:

Мастер слова и клинка,
Он глядит в свою ладонь.
Он пришел издалека
И прошел через огонь...».

Андрей Тропилло:

«Альбом явно на потребу дня, достаточно коммерчески удачный и задающий уровень, который народ готов потреблять сегодня. А это очень важно для успеха. По этому пути они и пошли, по пути коммерциализации. И получился мужественный попс».

Георгий Гурьянов:

«Это модный альбом. Очень. Я согласен. ”Это не любовь“, ”Ты выглядишь так несовершенно рядом со мной“... Шедевральные совершенно вещи, за один день записанные... ”Это не любовь“ вышел гораздо раньше, чем ”Ночь“. И он был гораздо моднее».

Юрий Каспарян:

«Только когда мы записали альбом ”Это не любовь“, я понял, что могу кому-то дать послушать несколько треков и похвастаться. Предыдущим материалом я не мог хвастаться. ”Это не любовь“ – первый альбом, который я мог без зазрения совести показывать, давать послушать, потому что предыдущие очень уж экспериментальные были. Вместо ударных там даже не драм-машина, а такое некое самопальное чудовище, недавно я узнал, что это было устройство группы ”Кофе“. У него не было тарелки совсем, и хай-хет звучал как ножницы. Но поскольку ребята слушали новую современную музыку, они определили саунд этой машинки очень модным. Отсюда, наверное, и пошло, что это модный альбом. Я им очень доволен».

Георгий Гурьянов:

«А я был счастлив и хвастался без зазрения совести, хотя там нет живых барабанов, на этом альбоме. Жалко, конечно, но не было возможности их записать. У нас не было возможности записывать музыку нормально. Была точка Тропилло, но там нельзя было барабаны записывать, только драм-машину, в квартирке у Вишни тоже невозможно было поставить барабаны, писали еще в каком-то театре, там, где Цой с Рыбой записывались. Ничего хорошего, в общем».

С мая по октябрь 1985 года концертов у «КИНО» почти не было. В конце июня Цой с Майком отправились на гастроли в Киев, но концерт сорвался, музыкантов арестовали и, по словам Марьяны Цой, «петь им пришлось не на квартире, а в районном управлении внутренних дел».

Александр Евтушенко, музыкальный менеджер:

«Перед тем как пригласить к нам Цоя и Науменко, я ездил в Ленинград. Побывал на концертах рок-клуба и отметил несколько команд, которые мне показались особенно интересными. Тогда же познакомился с Борисом Гребенщиковым. Меня поразила простота, с какой он общался со зрителями. Никакой звездной болезни! Он был будто бы одним из нас. Позже я посетил "квартирник" с его участием. Это был для меня очень хороший опыт. Гребенщиков тогда опекал Цоя, и именно он предложил пригласить его в Киев. Сначала мы планировали провести два "квартирника" в Киеве: один с участием знаменитого в то время лидера группы "Зоопарк" Майка Науменко, а другой с начинающим музыкантом – Виктором Цоем. Но незадолго до начала выступления музыканты сами решили выступать вместе. Именно в квартире на Предславинской они пели и впервые играли вместе...

Приехали они в Киев с двумя акустическими гитарами и толстыми общими тетрадями, с текстами своих песен. Перед концертом все долго курили на балконе и попивали популярный в то время среди питерских рок-музыкантов портвейн. Собралось около двух десятков зрителей. Вход на "квартирник" был недешев – 20 рублей, а в то время на официальные концерты в залах можно было попасть всего за 5 рублей. На собранные деньги музыкантам выплатили гонорар и купили несколько ящиков вина, которые стояли прямо посреди зала.

Цой был очень концептуален: одет в черное, пил портвейн и курил папиросы "Беломор" ленинградского производства. А Майк был чем-то похож на ковбоя: в джинсах и клетчатой рубашке. Перед началом выступления Науменко сказал, что в Киев приезжает в третий раз, но бывал здесь как турист.

Мы рассчитывали, что концерт будет длиться два часа, но в самом разгаре в дверь настойчиво позвонили. По звонку мы сразу поняли, что это кто-то чужой, но ничего не оставалось, как открыть дверь. На пороге стоял участковый с двумя понятыми. Он назвал фамилии Цоя и Науменко (фраза "Всем оставаться на своих местах..." записалась на пленку), и мы поняли, что на нас "настучали". Мы до сих пор не знаем, кто это сделал, но в милиции были хорошо осведомлены, что в одной из киевских квартир выступят гости из ленинградского рок-клуба...».

И музыкантов, и зрителей доставили в московский райотдел милиции. Деньги, собранные за концерт, конфисковали. Зрителей, прочитав лекцию о том, что «они слушают не ту музыку», отпустили по домам, не забыв при этом сообщить в институты о «недостойном поведении студентов, которое способствует антисоветской агитации». К музыкантам милиционеры отнеслись уважительно, предоставили им отдельную камеру, однако продержали всю ночь. А наутро купили им билеты на самолет из их же собственных гонораров и отправили домой.

Немногим позже в ленинградский рок-клуб пришло письмо из киевской милиции, в котором действия музыкантов квалифицировались как незаконная трудовая деятельность. В рок-клубе на подобный сигнал не могли не отреагировать и на некоторое время отстранили группы «Зоопарк» и «КИНО» от выступлений.

Ольга Слободская, секретарь Ленинградского рок-клуба с 1985 года:

«Первый раз я увидела папку с этим делом в 1985 году, когда стала секретарем рок-клуба и разбирала всякие бумажки, сваленные в шкафу без всякого порядка. На папке синим фло-мастером, почерком Николая Михайлова написано: “Архив. Дело Майка с Киеве”. Я заныкала ее куда-то подальше. На всякий случай.

Примерно в 1988 ЛМДСТ выделил нам наконец отдельную большую комнату и мы со всем нашим бараклом переехали в нее. Но поскольку рок-клуб был организацией, мягко говоря, неформальной, в комнате был, можно сказать, проходной двор. В один прекрасный момент Михайлов попросил меня забрать домой большие неформатные фотографии наших фотографов, которые те делали для архива. Они просто не влезали в обычный советский деревянный шкаф и были в не очень хорошем состоянии. Я ему сказала, что заберу заодно и эту папку, чтобы ее не утащил кто-нибудь. Забрала и благополучно забыла. Вспомнила я о ней в прошлом году, когда собирала материалы для празднования 35-летия рок-клуба. Но поскольку я примерно представляла, какое издание, кто будет делать, я поняла, что эти документы никуда не вписываются. И не стала их никому показывать... И вот время пришло...

Все музыканты Ленинградского рок-клуба до 1988 года были, как тогда говорили, самодеятельностью – то есть считались непрофессиональными. Перед каждым выступлением группа или лидер группы, если он хотел выступить один, должны были прийти в рок-клуб и принести список песен – чтобы утвердить программу. Все песни при этом должны были быть залитованы, то есть разрешены к исполнению. Это первое.

Второе: поскольку музыканты были непрофессиональными, они не могли официально получать за это деньги. То есть каждый квартирник – это риск и для организатора, и для музыканта. Риск быть обвиненным по статье 153 УК РСФСР – частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество. Вторая часть этой статьи гласила: «Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения, наказывается лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до трех лет с конфискацией имущества».

Вид промысла в данном случае – понятное дело, организация зрелищных мероприятий. Таким образом, налицо организованная группа – организатор и музыкант. А это еще и отягчающее обстоятельство. Так что можно было серьезно загреметь, если не начать давать грамотные показания.

Не знаю, почему в данном случае ОБХСС не стало докручивать это дело. Может, их обаяли Майк и Витя, может, им неохота было заниматься иногородними, может, были другие причины. Я даже не понимаю, как и почему эти бумаги оказались в рок-клубе. По идее, нам должны были прислать только письмо Леноблсовпрофа с требованием разобраться – но, видимо, произошел просто какой-то украинско-российский бардак.

В рок-клубе наказывали одним способом, но очень неприятным для музыкантов, – на какой-то период их лишали права выступать. К середине 1985 года мы, уже тертые калачи, понимали, как обмануть систему. И, конечно, никто всерьез никого и не хотел наказывать.

Тут важно понимать, что тогда клубов в сегодняшнем понимании этого слова не было. И август, когда мы узнали об этой истории, был мертвым месяцем, ничего не происходило, да и в сентябре по большому счету – тоже. Поэтому, по воспоминаниям куратора от ЛМДСТ Наташи Веселовой, мы лишили права выступления “КИНО” и “Зоопарк”, кажется, на месяц, зная, что никто из них в ближайшее время и не собирался играть. В ноябре “КИНО” прекрасно отыграло концерт в рок-клубе вместе с “Джунглями” и “Аквариумом”, а “Зоопарк” – там же в декабре вместе с группой “Кофе”. Об этом есть соответствующая запись в журнале выступлений групп Ленинградского рок-клуба...».

Ждушей ребенка Марьяне, когда она узнала об аресте Цоя, пришлось приложить немало сил, чтобы не родить до положенного срока. К счастью, все обошлось – Майка и Цоя просто выдворили из Киева. Марьяна же, долгое время сидевшая дома без работы, через знакомых устроилась на пивоваренный завод «Вена», откуда и ушла в декрет...

Инна Николаевна Голубева:

«Она как-то долгое время не работала. И только пошла на работу. Ее одна приятельница, биолог, работала на пивном заводе и устроила ее туда. Марианна была уже на седьмом месяце беременности Сашкой и говорила: "Я обманула советскую власть, мама. Они мне декретные здесь выплатили". У нее так было все аккуратно, что никто не обратил никакого внимания».

Леонид Ладыженский, музыкант, устроитель концертов:

«В "КИНО" я не играл, играл в других группах: "Фионит" – это при 362-й школе, в которой, по легенде, учился Цой, потом "Облако", немножко с "Пеплом", с Книзелем, потом "продюсировал" "Битте-Дритте", "2 Самолета"... А с Цоем в основном пересекались на "Поп-Механика", и ляпинской, и курехинской, пару раз в Крупе и ЛДМ на каких-то солянках. Один раз на Треугольнике ночь провели... Помню, как-то с Танюхой Егоровой подарили Цоюшке на ДР картину, где он на алюминиевом огурчике восседает... Танюха, на сегодня классный иконописец, а тогда просто хорошая девчонка, нарисовала на листе ватмана всех «киношников», забавно присевших на огромный огурец, потом поехали поздравлять, потом напились... Деталей не помню, тогда все сайгоновские пьянки были похожи как две капли марцифали и не воспринимались как материал для мемуаров. Помню, что была его днюха, отмечали вроде у Марьяны. Гребень уже тогда был для нас гуру, а остальные...».

26 июля 1985 года у Виктора и Марьяны родился сын – Саша.

Марьяна Цой:

«Очень хорошо помню, как Витя забирал нас из роддома. Шел какой-то отвратительный дождик, было жутко холодно, дул ледяной ветер. А Цой стоял совершенно мокрый, с огромным букетом красных роз. Я таких красивых цветов больше никогда в жизни не видела. Всю дорогу домой он держал сына на руках. Как хрустальную вазу, которую страшно уронить. И вдруг спросил: «Можно я посмотрю?» Откинул покрывало и увидел Сашку – лицо персикового цвета, тонкие волосики и глазки-щелочки. Витька посмотрел на него и гордо заявил: "Да, никто не скажет, что это не мой ребенок!"»

К сожалению, сегодня некоторые злые языки, типа Алексея Вишни или Андрея Тропилло, позволяют себе усомниться в данном факте, однако подобные голословные утверждения остаются только на совести тех, кто смеет их озвучивать.

Сергей Фирсов:

«Многие утверждают, что на некоторых фото Саша немного похож на Рикошета. Но! В 1984 году, когда зачинали Сашу, группа "Объект Насмешек", как мне кажется, еще даже не вступила в рок-клуб и никто не знал, кто такой Александр Аксенов. Впрочем, это можно уточнить у Михайлова. Но дело даже не в этом. С 1984 по 1988-й я входил в ближний круг семьи Цой. Я жил с девушкой по имени Марина Константинова, которая была одной из ближайших подруг Марьяны и была свидетельницей у них с Цоем на свадьбе. Поэтому я, хочешь не хочешь, очень многое знал о их семейных делах. Никаким Рикошетом тогда и не пахло, его просто никто не знал. "Объект Насмешек" проходил прослушивание весной 1986 года, и, повторяю, – до этого никто не подозревал о существовании товарища Рикошета. Рикошет

появился только после того, как Цой расстался с Марьяной. В то время я часто бывал у Цоев в гостях, еще чаще они у меня. Мы много слушали всякой музыки, справляли совместно дни рождения, всякие праздники, просто влегкую выпивали, ездили за город, загорали, далеко не всегда с музыкантами "КИНО". Поверьте, "Рики" тогда не было в принципе. Он был из другой, панковской тусовки. Тогда они практически не пересекались. Позже – да. Все перемешалось, но не в 1984 году. У Вишни, как и у Тропилло, да и у Бурлаки, не все стыкуется, а порой просто зашкаливает!»

Цой, на плечах которого лежала ответственность за жену и сына Александра, постоянно выступал на квартирных концертах, поскольку семья очень нуждалась в деньгах. Уволившись из кочегарки, он некоторое время сидел без работы, но, поскольку неработающий советский гражданин считался неполноценным, – приходилось как-то выкручиваться и, чтобы избежать принудительного трудоустройства на какую-нибудь фабрику или завод, Цой в компании Сергея Бугаева устраивается матросом-спасателем на лодочную станцию в парке Победы (Московский райсовет, Московский проспект, 129). Спасать людей Виктору, конечно же, не доводилось, поскольку, если верить воспоминаниям Бугаева, ни он, ни Цой на работе так и не появились, предпочтя заниматься своими делами, а полагавшуюся им зарплату отдать работавшему за них некому человеку, который действительно работал и спасал подвыпивших тонущих людей.

Немногим позже Виктор перешел на одну из самых тяжелых своих работ – ночным уборщиком бани № 19, располагавшейся на проспекте Ветеранов, 89/2. Виктору, которого уже тогда многие считали рок-звездой, приходилось ежедневно убираться в банном отделении.

Из воспоминаний **Сергея Фирсова**:

«Цой тогда работал в бане на проспекте Ветеранов, и работал час в день, но с 10 до 11 вечера. Это его ужасно ломало: когда все тусовки начинались, ему надо было срываться, ехать в баню и брандспойтом обдавать помещения».

Марьяна Цой:

«Я несколько раз ходила ему помогать и могу заверить, что занятие это тошнотворное. К тому же от каждодневных уборок в парилке у Вити стало побаливать сердце».

Инна Николаевна Голубева:

«Вот тоже был случай, когда Витя работал в тресте. Он подходит ко мне, я собираюсь на работу, а он уже раньше должен выскочить. Говорит: "Инна Николаевна, дайте мне, пожалуйста, 5 копеек на метро". Я говорю: "Витя, а на 'Беломор' надо?" Молчит...

Было очень трудно. Работала я одна, старалась за всех, мама ведь. А он так периодически работал... То он выходил, какой-то сторожил склад ящиков, потом топил печку этими же самыми ящиками, которые сторожил. В общем, абсурд. Когда родился Саша, была баня. Мужское отделение. А уже был маленький Сашка, и Марьяна, покормив Сашку, уложив, бежала ему туда помогать, в эту дурацкую баню. Вообще времена были крутые. А все держалось на мне: я работала одна и всех тянула на себе. Про их заработок не было речи. Хотелось только, чтобы хотя бы кто-то где-то когда-то их услышал. Поэтому, когда появилась Джоанна, это перевернуло всех. Они готовы были отдать все, что у них есть. Это потом стали отслюнивать разрешения и прочее, авторские права... Тогда ничего не было, лишь бы где-нибудь издалось – в Америке, в Гваделупе или еще где-нибудь, неважно. Чтобы где-то прозвучало, хоть что-то услышано было, не только на этих самых катушках, которые они друг другу дарили».

23 июля (по другой версии, 16–17 сентября) 1985 года Таллинн посетили ленинградские рокеры: Виктор Цой, Константин Кинчев и прочие. Чуть позже к ним присоединился

Юрий Наумов, совершенно случайно оказавшийся на тот момент в Таллинне. Отдельно стоит упомянуть Людмилу «Терри» Колот (Bret Diamond) – будущую родоначальницу русского «панк-симфонизма», джазовую, блюзовую вокалистку, гитаристку, сотрудничавшую с Андреем Пановым, Алексеем Вишней, Святославом Задерием, Сергеем Жариковым и записавшую первую в истории панк-симфонию. Выступления прошли в здании Таллинского ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината) имени В. Кингисеппа, в клубе Tselluloos.

Из воспоминаний очевидца:

«Было это, вроде бы, летом 85 года. Концерт проходил в клубе ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината). Сейчас там гоп-тусовки проходят, типа драм-н-басс и т. п.

На этом же концерте в тот же день выступал Цой. Вроде бы еще были "АУ" со Свином. С аппаратом возникли какие-то проблемы, поэтому планировавшаяся электрическая программа не состоялась ни у кого. Выиграл, по словам очевидцев, только Цой».

Юрий Наумов, музыкант:

«Вообще, совместно я с Цоем не играл, только с Майком и Кинчевым. Но вот в Таллинне в 1985 году вместе выступали. Он выступал, его вполне тепло принимали. Насколько я помню, он спел "Это не любовь". Во время исполнения чувствовалась ирония в подаче...».

Марк Шлямович, устроитель концертов, продюсер:

«Я там был. Во-первых, Наумова тогда не было в природе. Юра приехал в Таллинн случайно с подругой и каким-то, похожим на волчонка, маленьким адъютантом. И поселился на несколько недель у меня в общежитии. Днем спал, ночью пел песни для меня и соседей. В Tselluloos была еще Терри – такая панкушка... Интересная. Полный андерграунд. Тогда входила в тусовку Кинчева. Они там все были обаятельны. Помню – и Витя, и Костя по очереди вышли со своими двенадцатиструнными гитарами, красивая акустика была, но все вокруг...

Не стоит внимания это событие, поверьте. Все было организовано так, что именно тогда я решил, что сам все организую, чтобы все увидели, что это замечательное искусство. И выполнил это».

Андрей Кузнецов, журналист:

«Это был один из первых такого типа прорывов на таллиннский берег. Выступали, кроме Цоя, – Кинчев (по-моему, в одиночку), "Терри" (такая полубрутальная питерская дама под настоящим именем Людмила Колот, она такого имени очень не любила) и еще какие-то люди. Был 1985 год. Расположение – бывшая Целлюлозная фабрика, то есть место темное, неухоженное, недавно покинутое работниками.

Что помню? Кинчев пинал мониторную колонку (зачем?), ваш покорный слуга записывал действо на магнитофон "ВЕСНА" через микрофон (что круто), Цой пел "Транквилизатор", "Восьмиклассницу" и так далее по репертуару того времени, опять же, один, просто под гитару. В отличие от других музыкальных своих компаньонов, звук у него по тем временам был нормальный – слова определялись. Харизма уже катила. Без электричества зал был на ушах. К слову, пьяных не было. По крайней мере, я был трезв. Короче, никакого шаша не присутствовало, хотя и назвать сие обычным концертом язык не поворачивается. Все-таки о ту пору на моей памяти были спокойные выступления "Аквариума" (в Таллиннском политехническом институте), "Машины Времени" и т. д. (1976–1985). Кто организовывал сам концерт, я не помню, возможно, Петр Целуйко или Марк Шлямович...

"Алиса" просила за действо 600 рублей, а, к примеру, Цой – 200. Но поскольку денег не было, а было это связано с тем, что приглашали одного Юрия Наумова, то выходила коллизия. Цой постоянно каждые 15 минут бегал и спрашивал у организатора 15 рублей...».

Чуть позже Виктор Цой с Юрием Каспаряном выступают на закрытии выставки художников-митьков в Усть-Ижоре (пос. Металлострой). Сохранившаяся фотосессия Виктора Немтинова воссоздает атмосферу того безудержного митьковского праздника и веселья...

Виктор Цой:

«Тельняшку не ношу. Хотя с митьками нахожусь в хороших отношениях...».

Виктор Немтинов, фотограф:

Я хорошо помню Цоя. У меня с памятью благополучно. Правда, с Виктором я встречался только во время съемок некоторых концертов и фильма «Рок» и не был с ним знаком достаточно близко. С ним очень Виктор Тихомиров дружил. Он замечательный литератор, и, собственно, много фотографий было сделано мной в мастерской этого прекрасного художника...

Наталья Тихомирова-Савельева:

«Пришел однажды вот этот мой юный папа с такой же юной мамой в гости. Пришел в новом свитере, который очень ему был мил. Глядь – а в кухне сидит еще один гость. Парень в точно таком же свитере. ”Виктор!“ – протягивает папа руку парню. ”Виктор!“ – тот ему в ответ. Так эти Вити стали когда-то друзьями».

Виктор Тихомиров, художник:

«Наша тесная митьковская мастерская считалась шикарным местом. Виктор Цой часто заходил к нам. Сидел часами, подбирал на гитаре мелодии, набрасывал на обрывках слова... Они, конечно, не сохранились. Мы не понимали тогда, кто такой Цой, какая его ждет слава. Он был просто хороший парень, добрый знакомый. У нас он встречался с друзьями, было дело, даже отмечал свой день рождения. Однажды так сидел-сидел, и я подумал: ”Что зря время терять?“ Взял да и написал два портрета Виктора с натуры. А он в ответ набросал карандашом мой портрет...».

Дмитрий Шагин, художник:

«Витя – часть митьковской легенды, для меня это очевидно. Мы дружили, он пел на наших выставках и квартирниках, выставлял вместе с нами свои картины. Помню их прекрасно: такие забавные человеко-роботы квадратненькие. А еще он – один из героев митьковского эпоса. Есть знаменитая история о том, как Дмитрий Шагин сдавал бутылки Виктора Цоя и Бориса Гребенщикова... Много раз Цоя рисовал Витя Тихомиров, есть прекрасные рисунки Саши Флоренского, где Цой поет, а митьки ему подпевают, перекрикивая. И у меня есть полотно ”Цой в Сайгоне“. ”Сайгон“ – кафе, где мы кофе пили.

Мой сменщик по котельной, его кличка Родион, до котельной работал в сторожах с Майком Науменко и Гребенщиковым. В 1981-м я услышал магнитофонные записи Бориса, попросил Родиона, он меня с ним познакомил, и мы пришли к Борису на улицу Софьи Перовской. А Гребенщиков дружил с Цоем, очень его продвигал и всем про него рассказывал.

Первой цоевской песней, которую я услышал, была ”Мои друзья идут по жизни маршем, и остановки только у пивных ларьков“. Мне это легло на душу, я тоже любил пивные ларьки. Вообще, все это одна компания: ”Аквариум“, митьки, художники, музыканты. И Цой в ней не очень выделялся на самом деле. Он был тогда совсем не героический. Очень молчаливый, застенчивый. Это потом он стал таким крутым мэном, с ног до головы в черном. А тогда носил длинные волосы и цветастые наряды, хипповые.

В сентябре 1985-го митьки впервые заявили о себе, состоялась наша первая официальная выставка. Это было у черта на куличках, Усть-Ижора, Дом ученых "Металлострой". Дальние выселки, неподалеку тюрьма какая-то. Закрывалось все это мероприятие акустическим концертом Цоя и его гитариста Каспаряна. А тогда уже был горбачевский сухой закон, указ вышел в марте, за полгода до этого. Нельзя было открыто выпивать и трудно было уже купить. Мы с Цоем пошли в сортир, заперлись вдвоем в кабинке, стали выпивать портвейн и разговаривать по душам. Ничего картинка, да? Цой и Шагин стоят в сортире! И Витя говорит: "Митя, как бы мне устроиться в котельную?" А к тому времени у меня был стаж работы в котельных лет десять. То есть уже ветеран. Спрашиваю: "Кем ты сейчас работаешь?" – "В бане уборщиком, из шланга полить, прибрать, все такое". Странная работа. Я говорю: "Вообще-то надо учиться, потому что котельная на газу, она более привилегированная, но туда просто так не возьмут, надо курсы заканчивать кочегарские. Попробуй найти угольную котельную, там можно устроиться и без корочек". Спустя какое-то время Цой действительно нашел котельную "Камчатка" и стал работать...».

12 октября 1985 года, на открытие нового сезона, Ленинградский рок-клуб посетила примадонна – Алла Пугачева.

Вот что писал по этому поводу журнал «Рокси» № 10 1985 года:

«12 октября, рок-клуб, открытие сезона. В зале – Михаил Боярский, Алла Пугачева – почти инкогнито, очевидно ищущая молодые таланты. На сцене и вокруг нее – ленинградское телевидение и кинохроника, привлеченная, наверное, выдающимися успехами рок-клубовских ансамблей, а вовсе не присутствием известной певицы. Все горды, сплошные шушукания, разговоры – «Наконец-то заметили! Теперь что-то будет!». Сразу скажем о результатах: примерно три минуты концерта показали в программе ленинградских новостей в этот же вечер, в начале первого ночи (не правда ли, самое удобное время?), а Ляпина, по слухам, пригласили в "Реци-тал"...».

Сохранился небольшой отрывок видеозаписи, позднее вошедший в фильм про Пугачеву – «Жди и помни меня»: взъерошенная АБ целенаправленно что-то «наваливает» сидящим вокруг музыкантам (она возбуждена, ведь у нее период увлечения рок-музыкой). А сидящий с краю Цой демонстративно и раздраженно отворачивается, всем своим видом как бы показывая свое отношение ко всему происходящему: «...достала»...

Николай Михайлов:

«Примерно в тот же период произошла одна забавная история. Алла Пугачева начала творчески заигрывать с рок-музыкантами. Ей очень нравился рок-клуб, она приглашала нас на свой концерт, вела себя неформально, долго о чем-то разговаривала с Курёхиным. В итоге она выдала мне все свои секретные телефоны. Я даже и не думал по ним звонить, но тут у нас почти провалился очередной фестиваль. Наш аппаратчик куда-то сгинул со всей нашей техникой. А во Дворец молодежи как раз поступил отличный немецкий аппарат. Я попытался выпросить его у директора дворца, но он мне отказал. Тогда я Пугачевой и позвонил. Через 20 минут меня вызывает директор и говорит: "Николай Дмитриевич, ну нельзя же так все-таки. Аппарат возьмите, но так нельзя". Что она ему сказала, я не знаю. Алла Борисовна же в таких случаях в выражениях не стеснялась. Но аппарат она нам выбила...».

В ноябре произошли изменения в составе группы. 22 ноября 1985 года «КИНО» дало концерт в зале рок-клуба, и это был первый концерт с новым бас-гитаристом. Из группы ушел Александр Титов.

Причина была проста: почти распавшийся к тому времени «Аквариум» усилиями Гребенщикова вновь собрался старым составом и на студии Тропилло начал работу над альбомом «Дети декабря». После выступления 26 сентября во Дворце молодежи «Аквариум» обрел былую славу и, как следствие, – плотный гастрольный график. Александр просто не смог больше разрываться между двумя группами и уведомил об этом Цоя.

Александр Титов:

«Как сейчас помню: позвонила Марьяша, и я сказал ей, что честнее всего для меня сейчас признаться в своей невозможности играть в ”КИНО“. Поставленный перед жестким выбором, я выбрал ”Аквариум“. ”КИНО“ – это все же другое поколение, а те проблемы, которые я для себя ставил, у них немного по-другому решались. Хотя бы на уровне текста... Если поставить рядом две эти группы, то они одинаковы для меня по ценности, но имеет значение смысл текстов. Для меня ближе был текст Гребенщикова».

Джоанна Стингрей:

«Я познакомилась с Титовым через Бориса. Поэтому я всегда идентифицировала его как члена ”Аквариума“, а не ”КИНО“...».

Поскольку Александр не мог подвести группу перед фестивалем рок-клуба, он подыскал себе замену, предложив Цою в качестве бас-гитариста Игоря Тихомирова из «Джунглей». Его кандидатура устроила всех.

Юрий Каспарян:

«Я затрудняюсь назвать точную дату прихода Игоря. Помню, это было связано с фестивалем ЛРК. Перед ним он уже всю программу знал. Он появился тогда, когда мы записывали ”Неизвестные песни“...».

Георгий Гурьянов:

Подходит Титов и говорит: ”Витя, ты знаешь, я буду играть в ”Аквариуме“, а в ”КИНО“ не буду играть». Витя покраснел и говорит: ”Хорошо“, – повернулся так на 45 градусов, подошел к Игорю Тихомирову: ”Игорь, поиграешь у нас в группе?“ Игорь: ”Да, поиграю“».

Юрий Каспарян:

«У нас был одолженный у ”Аквариума“ бас-гитарист. И в какой-то момент возник конфликт интересов».

Георгий Гурьянов:

«Короче говоря, перед Александром встал выбор: или ”КИНО“, или ”Аквариум“. Да он никогда нашим не был. Он вернулся в группу ”Аквариум“. И все. Его Гребенщиков дал, а потом забрал в тот момент, когда почувствовал, что пахнет паленым, что группа ”КИНО“ его обошла, стала круче. Титов совершенно не вписывался в ”КИНО“, и это видно даже по фотографиям. У меня часто спрашивают – а это кто такой? Он же совершенно из другой компании. Конечно, он не вписывался. Он старше, хотя мы общались и в гости приходили друг к другу, но... Пока мы работали вместе, Виктор его уважал и прислушивался к нему. А потом перестал уважать...».

Юрий Каспарян:

«В альбоме ”Это не любовь“ мне нравится, как звучит бас-гитара. Очень хорошо звучит. Мы писали две недели или три этот альбом, а потом приходит Саша Титов после вечеринки, после гастролей ”Аквариума“, и за один день прописывает бас на всей пластинке. Это без

вопросов, я поэтому и говорю, что Сашка просто супер... Просто он был не из нашей компании».

Джоанна Стингрей:

«И Юрий, и Густав – потрясающие бас-гитаристы: оба великолепно чувствуют музыкальный ритм и размер. Также игру обоих отличает зажигаемость («groove»). Я думаю, «КИНО» было и будет наиболее известно благодаря трем музыкантам из его первоначального состава: Виктору, Юрию и Густаву».

Александр Титов:

«У меня был период, когда после гибели Витьки я стал думать, что вот тогда, в 1986 году, когда я ушел из группы, у меня был выбор. Я мог бы уйти из «Аквариума» и играть в «КИНО». Выбрал «Аквариум». «Аквариум» был моего поколения, а Витька был на 5 лет младше, и музыканты «КИНО» немножко младше меня. И, в общем-то, «Аквариум» был больше моей тусовкой, хотя я все равно ассоциировал себя с группой «КИНО». И когда Витька погиб, я очень много думал: что бы было, если бы я тогда не ушел.

Какие-то вещи могли бы сложиться по-другому. Мы ведь были не просто друзьями, а мы были близкими друзьями. Марьяна, покойная жена Витьки, – вообще моя подруга детства. Мы с 6 лет вместе с ней на даче жили. И когда я стал играть с Витькой, это было не просто то, что он пригласил какого-то басиста. Мы одна семья, понимаете? Поэтому для меня этот выбор был ужасно болезненным, я знаю, он тоже болезненно это воспринял, когда понял, что я вынужден уйти. И не было ни одного из музыкантов этой группы, кто бы равнодушно к этому отнесся.

И мне жить с этими демонами, с энергиями этого разрыва всю жизнь предстоит. Так вот, я думаю: что если бы я не ушел тогда? Я не пытаюсь придать себе большей значимости, но я думаю, что каждый человек, близкий, в определенном жизненном пространстве создает достаточное количество энергии, чтобы изменить ход событий, понимаете? Поэтому все могло бы быть иначе. Эффект бабочки».

В декабре 1985 года группа «КИНО» при помощи Джоанны Стингрей снимает два клипа – «Видели ночь» и «Фильмы».

Джоанна Стингрей:

«Мы здорово повеселились на съемках клипов «Ночь» и других... Юрий был на работе, так что не снимался, но Виктор, Густав и другие зажигали... Они никогда не делали видео раньше, и это было новое и интересное для них дело. Я им объяснила, что я снимала много разного и что нужно отпустить все и будет весело. Я думаю, что они иногда сомневались в том, что они делали, многое было слишком тупо, но в конце концов им понравилось. В качестве примера: когда Виктор играл на гитаре на дереве, он думал, что это будет выглядеть слишком глупо, а может, и не очень, но в конце концов эта сцена стала одной из лучших частей видео. Я не помню, как холодно было на улице съемок, но я всегда снимала с помощью естественного света, если это было возможно. Делать съемки в студии Тимура было странно, зная, что рядом КГБ, «Белый дом» – здание было прямо за окном»...

8 декабря «КИНО» на пару с группой «Присутствие» отыгрывает концерт в ДК им. Володарского, а 20-го, в рамках предновогодней программы рок-клуба, совместно с группой «Кофе», которую активно продвигает Алексей Вишня, группа выступает в ДК «Невский».

Вот тут следует особо отметить один факт. Именно на этом концерте в составе «КИНО» появляется второй гитарист – Юрий Лебедев.

По словам Андрея Бурлаки, тогдашнего редактора журнала «РИО», Цой, активно на тот момент стремившийся добиться как можно большей свободы собственного передвижения по сцене, хотел получить более плотное гитарное звучание. Однако несмотря на то, что звучание группы стало плотнее, Юрий Лебедев не задержался в составе «КИНО» надолго...

В свободное время музыканты «КИНО» наслаждались вечеринками в галерее «АССА». Галерея Тимура Новикова располагалась в расселенной квартире на Шпалерной улице. На тот момент «АССА» была самым модным местом в городе. В галерее тусовались художники-музыканты Ленинграда: Гребенщиков, Цой, Бугаев, Гурьянов, Курёхин и прочие, которые увлекались не только музыкой, но и живописью. В галерее, помимо выставок картин, часто проходили вечеринки и концерты.

Владимир Рекшан:

«Иногда я встречал Цоя на Невском. Точнее сказать – Цоя и его жену Марьяну. Виктор шел расслабленный, а Марьяна каждый раз ему что-то говорила с заговорщицким видом... Возле "Сайгона" помню Каспаряна, Гурьянова, художника Тимура Новикова, неизвестных мне девушек. Подходил Цой, весь в черном, компания смеялась и удалялась...».

Алексей Вишня:

«Власти в середине восьмидесятых уже не шибко свирепствовали. Музыканты свободно курсировали по Невскому проспекту, встречались во дворе рок-клуба на улице Рубинштейна, тусовались, разливая под столом, на легендарной точке "ЧК" (название происходило от вывески "Чай – Кофе"). Главным отправным местом наших приключений было кафе "Сайгон" на углу Литейного и Невского. Кофе там стоил всего двадцать две копейки. Внутри толклись все-все-все: от продавцов западного винила до музыкантов и "сочувствующей" публики. Хорошая пластинка могла стоить до шестидесяти рублей – при средней зарплате инженера в сто двадцать.

В "Сайгоне" собирались взрослые бородатые мужики, совсем юные туда не совались. Тайком подливали в кофе коньяк, спорили об искусстве, курили травку, употребляли кое-что покрепче. Гребенщиков ежедневно приходил в "Сайгон" завтракать, и "Аквариум" там встречался, перед тем как двинуть на очередной концерт...».

Джоанна Стингрей:

«Однажды мы не могли найти такси, стояли на улице, и я уже чуть не плакала от холода. И Виктор был таким милым, он сказал: "Давай разговаривать и представлять, что мы на пляже, сидим в теплой воде". И мы начали играть в игру и рассказывать друг другу о том, в каком теплом месте мы бы сейчас хотели быть. В этот момент мы как раз закончили с Виктором песню Yemem – мы были на улице, ждали такси, обнимали друг друга из-за этого холода, но это был хороший момент, ведь мы написали песню Yemem. Yemem – это моя единственная песня в стиле регги, ведь она звучит, будто ты где-то на Ямайке, где тепло, время течёт медленно и всё наполнено счастьем, и я не думаю, что эта песня появилась бы, если бы мы не застряли на улице в этом холоде...».

Мучительно рождавшийся альбом «Ночь» появится на свет лишь в январе 1986 года. И впоследствии этой студийной работе суждено будет стать яблоком раздора между группой «КИНО» и фирмой грамзаписи «Мелодия».

Из интервью Виктора Цоя:

– А каковы твои личные отношения с «Мелодией»?

– Еще хуже, чем с телевидением, потому что они – пираты. Выпускают пластинки группы «КИНО» без всякого согласования с нами, то есть в связи с выпуском пластинки («Ночь») никаких дел с нами не имели вообще. Я в одной газете прочитал, что выходит наш альбом. Я не знаю, почему в нашей стране государственная фирма может выпускать пластинки без разрешения и без всякого ведома автора, оформлять, как они хотят, писать что угодно. Я совершенно не понимаю, как все это возможно.

Вот как объяснил свои действия **Андрей Тропилло**:

«Действительно, пластинка получилась не очень красивая. Те, кто работал у меня в студии, знают, что одно из условий у меня такое: группа делает с записанным материалом то, что она хочет, а я – то, что считаю нужным. И альбом "Ночь" не был исключением. Я начал выпускать пластинки, на которых было написано, что записаны они в студии Ленинградского рок-клуба, которой, кстати говоря, никогда не существовало... Из тех альбомов "КИНО", которые существовали, по качеству на тот момент проходила только "Ночь". Это был восемьдесят седьмой, и "КИНО" уже к тому моменту пошло по пути попсация, но все-таки от прежнего имиджа ушло недалеко. Цой мне тогда ответил, что в принципе пластинку можно выпустить, а может, новый альбом записать? Договорились, что надо будет сделать оформление. Прождали, наверно, полгода, оформления, конечно, так и не появилось – и я стал снова к Цою обращаться. Потому что все остальные пластинки были уже сданы в производство, а "КИНО" все никак. Я подключил своего художника Колю Третьякова. Цой сказал: "Разбирайтесь с Марьяной. Марьяна за все будет отвечать". Мой художник встречался с Марьяной три раза, причем с очень большими трудностями, и они договорились о том, что все нормально и оформление ее устраивает. Расписок, конечно, никто никаких не брал. Я запустил все в производство с тем оформлением, которое одобрила Марьяна. Причем я даже допускаю, что группа в то время уже настолько витала в облаках, занималась съемками фильмов и тому подобным, что могла даже не слышать об этом. А потом, когда вышла пластинка, Цой мне заявляет: мы вообще про эту пластинку ничего не знали, мы не хотели, чтобы она выходила, и что это вообще за оформление? Мне Густав Гурьянов сказал: "Да у нас одиннадцать штатных художников!" А ты, мол, такое говно нарисовал, типа того. А дело все в том, что тянуть уже никак нельзя было. Нужно было или выпустить, или вообще никогда не выпускать».

Из интервью **Георгия Гурьянова**:

«У альбома "Ночь" ужасная обложка. Я не мог потом видеть Тропилло, я хотел его просто убить за эту обложку, потому что у группы "КИНО" было в распоряжении три великих художника, все наши друзья – Евгений Козлов, Тимур Новиков и Олег Котельников. Ну и мы с Витей. И тут вдруг такая обложка...».

Андрей Тропилло:

«Группа "КИНО" при всяком удобном случае кричала, что Тропилло, сволочь, не посоветовавшись с нами, напечатал пластинку, которую мы вообще знать не знаем. Но я думаю, что именно пластинка "Ночь" и песня "Анархия" сделали группе "КИНО" то самое паблисити, благодаря которому о них узнали широкие народные массы».

Солдат шел по улице домой
И увидел этих ребят.
«Кто ваша мама, ребята?» —
Спросил у ребят солдат.

Мама – анархия, папа – стакан портвейна.

Мама – анархия, папа – стакан портвейна.

Все они в кожаных куртках,
Все небольшого роста,
Хотел солдат пройти мимо,
Но это было непросто.

Мама – анархия, папа – стакан портвейна.
Мама – анархия, папа – стакан портвейна...

Как бы там ни было, история с пластинкой «Ночь» испортила отношения группы «КИНО» с Андреем Тропилло (соответственно, и с фирмой «Мелодия») навсегда. Как говорил потом сам Тропилло, группа «КИНО» для него как бы умерла в 1987 году.

Андрей Тропилло:

«Цой уехал в Москву, к гражданской жене Наташе Разлоговой, и мы практически потеряли связь. А с появлением в жизни Вити Юрия Айзеншписа ситуация пришла к своему логическому завершению: рокер стал поп-исполнителем. Тогда он для меня и "умер"...».

Как вспоминали свидетели тех событий, реакция Цоя на действия Тропилло и «Мелодии» было довольно простой. Он просто презрительно скривил губы и, выпустив с пренебрежением воздух – пффффф... – сказал: – «Гнилая контора, претензий нет».

«КИНО» в кино

Начало 1986 года связано у группы «КИНО» с выступлением 4 января в питерском ДК им. Шелгунова. На сей раз группе в качестве второго гитариста помогал Дмитрий Анашкин из «Электростандарта». Анашкин, равно как и Лебедев, долго не задержался в «КИНО», поскольку совершенно не устраивал «киношников» своей манерой игры и чуждым им стилем. Именно тогда возникла идея привлечь в группу в качестве перкуссиониста Сергея Бугаева, тем более что Африка был всеобщим знакомым и входил в тусовку «Новых художников».

Цой стал давать все больше акустических концертов, много ездил по стране, и популярность «КИНО», по словам Марьяны Цой, «нарастала как снежный ком».

Из Америки пришла долгожданная посылка от Энди Уорхола. В ней оказалось несколько подписанных им портретов Мэрилин Монро, несколько банок супа «Кэмпбелл» с автографами Уорхола на этикетках и два экземпляра первого издания книги «Философия Энди Уорхола (от А до В)», также с автографами.

Именные подарки от Энди Уорхола тогда получили Сергей Курёхин, Тимур Новиков, Виктор Цой, Сергей Бугаев «Африка», Георгий Гурьянов, Андрей Крисанов, Олег Котельников и Борис Гребенщиков. Все они в то время входили в состав организованной ими Новой Академии Всяческих Искусств, на собрании которой они приняли решение о присуждении Энди Уорхолу звания академика. Тогда же (в январе 1986 года) была произведена в галерее «АССА» первая квартирная выставка Энди Уорхола в СССР.

Существуют разноречивые сведения о дальнейшей судьбе уорхоловского дара. Известно, что суп, принадлежащий Георгию Гурьянову, через некоторое время начал вытекать как желе; суп Бугаева, простояв лет семь-восемь в его коллекции, взорвался, и в дальнейшем, опять же по слухам, Бугаев выменял или получил в подарок суп Гребенщикова.

Что же касается Цоя, то, как вспоминал Рашид Нугманов, у Виктора банка супа, подписанная Уорхолом, красовалась на проспекте Ветеранов и впоследствии переехала в дом к

Наташе Разлоговой, где и хранится по сей день. По воспоминаниям Нугманова, Виктор рассказывал ему, что Олег Котельников, получивший точно такую же банку, оказался единственным из всех, кто вскрыл ее и съел суп. Поступок, достойный настоящего художника...

Вообще 1986 год стал для «КИНО» годом открытий, что видно по воспоминаниям соратников по музыкальному цеху о том периоде жизни Цоя.

7 марта группа вместе с «Зоопарком» и «Аквариумом» выступает на концерте, посвященном 5-й годовщине рок-клуба.

12 апреля Цой вместе с Николаем Михайловым выступает в Куйбышеве, где местные комсомолцы пристают к Виктору с провокационными вопросами, на которые Цой находит блестящие, остроумные ответы...

Николай Михайлов:

«Однажды мы с Виктором приехали в город Куйбышев. Это было в апреле 1986 года, за две недели до Чернобыльской катастрофы. Пригласил нас Саша Астров. Мы приехали с очень такой любопытной миссией: я рассказывал о деятельности рок-клуба, а Виктор, не будучи очень разговорчивым человеком, пел в каком-то музыкальном кафе... Жили мы во Дворце молодежи. А началась эта поездка с того, что в местном Доме самодеятельности Виктору прямо по приезду заплатили 80 рублей... Он сказал: "Да-а, это, конечно, не деньги, но впервые мне платят, когда я даже еще не раскрыл гитару".

А завершилось все это в каком-то кафе, где был вечер какой-то комсомольской организации. Они очень нападали на Виктора за то, что он поет такие безыдейные песни. И мы как могли с Сашей Астровым защищали его. Виктор совершенно разозлился и на нас, и на них и спел песню "Я объявляю свой дом безъядерной зоной". На что те самые комсомолцы начали говорить: "Вот может же человек, ведь понимает, что в этой жизни нужно, у него есть идейная позиция". Но тут уже разозлились мы с Сашей. И начали говорить: "Неужели не понимаете, что безъядерная зона – не только зона, свободная от ядерного оружия, но и свободная от электростанций атомных...". "Которые имеют обыкновение время от времени взрываться", – сказал Виктор... И две недели спустя случилась Чернобыльская катастрофа. Не знаю, как себя чувствовали комсомолцы, а я себя чувствовал не очень-то уютно после этой поездки».

Александр Астров, устроитель концертов:

«Одним из моих первых земляков, кто услышал ленинградский "Зоопарк" в Куйбышеве, был Кук. У него был одноклассник, сейчас покойный, к сожалению, который учился в Москве, и он, приехав на каникулы из Москвы, рассказал, что... творятся безобразия. А все слушали Pink Floyd и King Crimson, но Discipline – это был уже авангард крутой. Какой-нибудь Television или Sex Pistols никто не слышал вообще!

Очень много тогда было непонятного и случайного... Я знал, что я хотел, но у меня не было жестких предпочтений, да и не могло быть. Расчет был на то, что вдруг получится. Я довольно долго разговаривал с Гребенщиковым, и что-то там не складывалось. А потом Цой, когда мы уже договорились и ехали с ним в Самару, сказал, что Гребенщиков пожалел: "Эх, а я не знал, если бы знал – с тобой бы поехал...". О коммерции никакой тогда никто не думал. Потому что, если бы я, например, думал о коммерции, то я не стал бы привозить "Ночной проспект" или "Центр".

...Цой должен был выступить в "стекляшке" райкомовской. Было два основных концерта. Сразу из аэропорта – в ДК 9 ГПЗ, там был концерт в таком полупустом зале. Но концерт нигде больше быть не мог. Потом мы у Рахилькина, который тогда работал сторожем в школе рядом с ДК, пили какую-то гадость. Потом он пошел в "стекляшку" Промышленного райкома. Там был не концерт, а больше такой "трепологии", за которую меня, кстати, уволили потом с работы. И

это все было в пятницу. На следующий день был концерт в "Согласии", а в понедельник они уехали.

Цой никогда не пел про себя, даже если песня от первого лица. Всегда подразумевались еще какие-то люди, которые делают то же самое и живут точно так же. Всегда подразумевалась какая-то тусовка, которая не обязательно должна быть антисоветской, достаточно было того, что она была несоветской, показывала: в этой структуре, несмотря на всю ее жесткость, в принципе, возможна другая жизнь. И не просто жизнь каких-то отдельных отмороzków, а такая жизнь, когда люди живут *вместе*, что-то вместе делают. Даже Кинчев это уловил и начал орать, что "Мы – вместе!". Да, это был до какой-то степени перевод тех же Who, но он был востребован...».

Алексей Баранов, музыкант:

«В 1986 году "Седьмая ступень" записала свой первый "профессиональный" магнитоальбом. Появились контакты с питерским рок-клубом – запись там очень хорошо приняли. Весной в Самару приехали Цой и Коля Михайлов, один из руководителей рок-клуба. Они привезли очень качественно записанные магнитоальбомы, которые потом быстро разошлись по Самаре. Цой отыграл на паре площадок в городе, а ночью они прибыли в закрытое на ремонт университетское кафе "Гаудеамус", где и состоялось выступление "Седьмой ступени" в узком кругу. Отыграли очень сильно. Все были просто в восторге. Потом Цой пел свои песни под гитару почти до утра. Никогда не забуду эту ночь... Цой пел за столом, но с полной отдачей, как на концерте. Было человек 30. Много общались. Питерцы рассказывали, как им удалось создать рок-клуб. Все это напоминало встречу подпольщиков. Рок-революция не за горами... Разошлись под утро. Жаль, фотографий нет...».

Покинувший группу Александр Титов не ошибся с выбором замены себе. Бас-гитарист Игорь Тихомиров оказался для группы поистине находкой, а его высокий профессиональный уровень позволил «КИНО» 31 мая 1986 года хоть и не совсем успешно, но все же выступить на 4-м фестивальном концерте рок-клуба. Нужно отметить, что «КИНО» играло расширенным составом. Помимо Африки был приглашен клавишник Дмитрий Павлов, игравший в ресторане «Океан».

Александр Титов, незадолго до этого покинувший «КИНО»:

«Это был явно неудачный концерт. Цой запел совершенно другим голосом, в котором себя еще не почувствовал. Новый репертуар выглядел мутным и неразборчивым. Особенно меня поразила адская монотонность в аранжировках, которые казались тогда откровенно дубовыми. Возможно, во мне говорила ревность... И только значительно позднее я понял, что в этом повороте Цой был прав, точно рассчитав все надолго вперед. Это был самый первый концерт, который вдруг изменил их стиль, – именно концерт 1986 года, рок-клубовский фестиваль в ДК "Невский". На этом концерте Витька весь свой репертуар запел низким голосом. До этого он пел более-менее нормальным голосом – здесь он сознательно стал петь низким. Ему сначала даже, я чувствовал, было не совсем удобно, он не мог выпеть, не очень хорошо себя слышал. Но ясно было, что это его решение, что он осознанно это сделал. Многие тогда на концерте говорили, что искусственно звучит и непривычно. Что это вдруг, как это? Но постепенно, видите, он добился своего».

Георгий Гурьянов:

«Вообще там было все не то и все не так. Для этого концерта мы взяли клавишника, басиста. Все было нормально отрепетировано, договорено, и в момент концерта все вдруг стали совершенно другие партии играть, от балды. Витя не был готов к такому повороту. Публика

еще немножко отмороженная была. В общем, не пошло. Там был еще такой забой – ”Любовь – это не шутка“, в стиле Sex Pistols. Такое мощное рубилово, которое тоже никак не пошло. Все было не так. Сохранилась запись даже, свистящая такая... У нас у всех там были косяки – Каспарян, Тихомиров не то что-то играют... Крыша поехала. А я на общем фоне загнал все страшно быстро. Хай-энерджи получилось такое. В общем, это было неудачное выступление».

Действительно, многие называют то выступление «КИНО» неудачным. Возможно, потому, что шквальный успех «Аквариума» на фестивале затмил все. Гребенщикову кричали «бис» и «браво», как на академическом концерте, он тонул в охапках сирени и розовых букетах, ошалевший народ раскачивал Дом культуры: «Рок-н-ролл мертв!»

Как писала Марина Тимашева, «на самом деле почти мертв от сознания провала был Виктор Цой». Виноватыми Цой считал слушателей: «Они ничего не поняли. Хотелось спуститься со сцены и набить морду первым четырем рядам». Утешителям Цой заявил: «Должно быть так, как у Гребенщикова. Он поступил нечестно – просто спел старые вещи. Я тоже мог так поступить, но вышел с новой программой...»

Андрей Тропилло:

«Мы вложили в Витю много сил и энергии, но все равно нашей любви и заботы для счастья Цоя явно не хватало. Он мечтал об огромной аудитории, о стадионах, чтобы его обожали миллионы.

– Знаешь, – как-то объявил Цой, – я бы хотел, чтоб меня любили не за песни, а за то, что я просто есть.

Я улыбнулся. Это же я годом ранее привел Вите цитату из Ницше о том, что из всех героев в истории есть всего 12 человек, которые важны не тем, в чем они участвовали, а сами по себе. И вот он тоже захотел стать героем, важным сам по себе, и стал для этого готов на все!

От этого Витино желания песни ”КИНО“ постепенно посповели. Году в 1985-м Цой вдруг сильно изменился, даже смеяться по-другому стал. Он вел себя так, будто его непрерывно снимают на пленку. “Мы ждем перемен“ он сотворил на потребу публике, после провала с лирической программой на фестивале рок-клуба. Из Цоя вдруг полез ”несокрушимый“ брюсличный героизм, и, наверное, с точки зрения стратегии это было правильно...».

Как бы там ни было, но с приходом Игоря Тихомирова состав группы полностью стабилизировался. «КИНО» неотвратимо вступало в свой последний, «звездный», «героический» период.

Шефство Гребенщикова и «Аквариума» осталось в прошлом – Цой и его соратники больше не нуждались в помощи и советах, группа не только «вписалась» в рок-тусовку, но и стала одним из лидеров движения. Отрешенно-молчаливые, затянутые в черное, «киношники» начинают разительно выделяться на фоне остальных персонажей питерской и московской рок-сцены.

Егор Белкин:

«Я познакомился с Цоем на ленинградских фестивалях 86–87. Мне не все нравилось из того, что звучало на тех фестивалях, и я достаточно много времени проводил в буфетах. Стою один в буфете, и ко мне вдруг подходит человек восточной наружности и говорит:

– Слушай, у меня бабок нет, а у тебя есть? – Я говорю: – Да, есть. – Можешь угостить? – Угощу, – ответил я и взял ему то, что он хотел.

Так получилось, что мое знакомство с Цоем началось с того, что я угостил его выпивкой...

Я купил квартиру в центре, на Воронежской улице, в которой Цой часто оставался ночевать. Там жил художник один, и Цой часто у него зависал. Тот художник рассказывал мне, что Виктор спал в наушниках, чтобы ему в уши не заползли тараканы...».

Даниэль Орлов:

«У 32-го троллейбуса кольцо было на проспекте Маршала Суслова, соответственно, от Ветеранов он пустой шел. И я часто, когда из центра возвращался, оказывался в этом пустом "тридцать втором" вместе с Цоем. В троллейбусе и начали общаться. Цой спросил, что я читаю. А я читал Чейза. У моего отца было томов тридцать самиздатовского, по два романа в томе.

Они с отцом начали обмениваться книгами, говорили о литературе, кино и музыке. В музыке он хорошо разбирался, а в книжках – нет. Парень был очень обаятельный. Мне казалось, что он всегда готов расхохотаться. Он и смеялся часто. Мы были молоды, мир вокруг менялся очень быстро, быстрее, нежели мы выросли. Тогда мы были романтиками. Все надеялись и верили, что вот-вот наступит что-то очень хорошее».

Зимой 1986 года группу «КИНО» приглашают принять участие в съемках кинофильма. Цой соглашается – ему интересно попробовать себя в новом амплуа.

Предложение поступило от студента режиссерского факультета ВГИКа Рашида Нугманова. Предыстория фильма такова. Осенью 1985 года студент операторского факультета Алексей Михайлов обратился к своему знакомому по ВГИКу, второкурснику Рашиду Нугманову, с предложением снять документальный этюд о рок-музыке. Алексею полагалась пятиминутная учебная работа, на которую было выделено две коробки черно-белой 35-мм пленки, и он задумал снять сюжет о западном роке, используя архивные материалы с рок-фестиваля «Вудсток». Но Нугманов сразу же предложил Михайлову пойти иным путем и снять фильм исключительно о русском роке, благо Михайлов был знаком с Константином Кинчевым. При этом снять не пятиминутную зарисовку в Москве, а максимально большую, насколько это возможно, картину в Питере. Рашид предложил сокурснику Алексея, Тельману Мамедову, присоединиться к производству фильма со своими положенными ему пятью минутами учебной работы, а остальное – покупку пленки, поездки в Ленинград, организацию производства – решил финансировать сам.

Архимед Искаков, учитель, персонаж фильма «Игла»:

«Начало 80-х годов – это был самый застой, настолько, что было ощущение, что дышать нечем. Тогда считалось, что мы самая читающая страна. Мы прочли все, что можно было: даже толстые сборники детективов на украинском языке, потому что на русском было невозможно что-то найти. У нас сложилась замечательная компания, где был я и мои друзья. Собирались мы все время у Рашида Нугманова, у будущего режиссера фильма "Игла". Мы начали сами читать на английском языке детективы, боевики, которые покупали в Москве, в Академкниге или букинистах. Отдавали от 5 до 10 рублей тайком за каждую книгу. Читали зверски, никаких курсов тогда особо не было. Мы читали так: вот книга, вот словарь. Двадцать раз в словарь посмотришь и запомнишь значение слова "again". Нас было около 10 ребят в возрасте от 20 до 30 лет. Все с высшим образованием, почти все холостые. Все центровые. Мы почти каждый день собирались у Рашида, пили вино "Прибрежное" за 2 рубля и 5 копеек. Разговаривали за жизнь, обсуждали музыку и литературу. Тогда у нас появилось желание, инициатором был Рашид, издавать самиздатовский журнал. Главное правило – никакой политики, так писали все, что угодно. Журнал называли "Ззга". В 80-е годы до Горбачева вообще ничего не разрешалось, вякнуть нельзя было. Мы выпустили 2 номера "Ззги", я туда свои очень неудачные стихи написал. Один номер был посвящен памяти Джона Леннона, а второй Джиму Моррисону, вокалисту группы The Doors. Печатали на ротапринте, другой техники почти и не было.

100 экземпляров мы раздали друзьям. Нас сразу же замели в КГБ, полгода таскали. Мы все имели очень серьезные проблемы. Нас не били и не пытали, но биографию сломали. Дальше учителя мне нельзя было пройти. Мы продолжали встречаться у Рашика, читали, слушали "битлов", Высоцкого. Понимали, что мы молодые и крепкие, но еще никак не реализованные. Нам оставалось только пить вино и довольствоваться тем, что есть. Но потом наступил апрель 1985 года – перестройка. Горбачев пришел к власти, и сразу повеяло воздухом свободы, весной, талым снегом. И мы опять на кухне начали заводить разговоры о том, что нужно что-то менять. В один прекрасный вечер вдруг пришел взбудораженный Рашид Нугманов и говорит: "К нам из Москвы приехал Сергей Соловьев, знаменитый режиссер, который позже поставил 'Ассу'. Он набирает здесь казахстанскую группу, завтра надо сдавать экзамены". Мы не сомневались, что сдадим все. По пьяной лавочке договорились в 7 утра встретиться, наутро с бодуна пошли сдавать всего три человека: Рашид, его брат и Борька, наш художник. Они прошли и уехали...».

Вместе с известным московским тусовщиком Валерием Песковым, успевшим сыграть в студенческой постановке Нугманова «Маленькие голландцы», Рашид стал регулярно ездить в Ленинград. Там он познакомился с ленинградской тусовкой, которую почти в полном составе вскоре сам снял уже в своей картине.

Наталья Стрельцына, фотомодель:

«Дипломной работой Рашида Нугманова был фильм "Йа-хха!". В тот день почему-то все были заняты и водить по Питеру Рашида доверили мне... Он сразу сказал, что мы сначала идем к Майку Науменко, а потом к Цою знакомиться... Я не очень помню, почему я сразу не лишилась чувств, ведь мне было 16 лет и оба были моими кумирами... Дверь жуткой коммуналки нам открыла, по всей вероятности, "сладкая Н" в жутком же халате в цветок и сказала, что Майка нет дома... Тогда мы пошли к Цою... Так я впервые попала в мастерскую Андрюши Медведева на Загородном... На кухне были только Гриша Сологуб (которого я тоже видела впервые) и Цой... Цой гостеприимно спросил: "Будешь вино, девочка?"... Я что-то простонала в ответ, и он налил мне красное вино в фарфоровую чашку (не забуду эту чашку!)... Я думала только об одном: как я могла надеть этот ужасный свитер именно сегодня!!!! Следующая история с Цоем была намного веселее!»

Съемки фильма начались в мае 1986 года, о чем свидетельствуют воспоминания самого Рашида Нугманова и его записная книжка, сохранившая записи о «стрелках» с Цоем в «Камчатке» и адрес дискотеки «Невские звезды», где будут сняты кадры с «Алисой» и «Зоопарком».

Константин Кинчев, лидер группы «Алиса»:

«Цою очень важно было знать, что модно в данный момент. Он заявлял, что они, мол, самая модная группа. Не хочу сказать плохое, но конъюнктуру Цой очень чувствовал. Все, что модно, он отслушивал, отслеживал и анализировал».

Из воспоминаний Максима Пашкова:

«Когда я в 1986 году вернулся из армии, Цой сказал мне: "Видишь, какой я знаменитый? Очень просто все просчитать и понять конъюнктуру в данный момент. Во всей культуре существуют определенные дыры, которые надо затыкать, на них работать и делать звезду. Нужно только почувствовать, найти это место, и все"».

В 1986 году Цой действительно из робкого юноши превратился во взрослого человека с собственными принципами, от которого исходила, по словам окружающих, особая, неведомая энергия. Вместе с ним «КИНО» набирало обороты на пути к славе.

Практически сразу после фестивального концерта «КИНО» в полном составе отправилось в Киев на съемки в фильме «Конец каникул» (режиссер – выпускник Киевского института театрального искусства Сергей Лысенко).

Александр Евтушенко:

«От своих друзей я узнал о том, что в Доме ученых можно вклинить в план проведения мероприятий (такие планы были обязательны) со своей программой.

О группе «КИНО» администрация Дома ничего не знала, и мне не составило большого труда убедить директора пригласить перспективную молодежную группу.

Зал на сто мест был забит до отказа. Концерт был полной импровизацией. Послушать Цоя пришли молодые ученые в строгих костюмах и галстуках. Правда, уже после первой песни они галстуки снимали и принялись размахивать пиджаками над головой в такт музыке. Это уже были совершенно другие люди...

Во время концерта в зал ворвалась директор Дома ученых и, вытащив меня за руку, потребовала немедленно прекратить «это сборище». Она кричала: «Кого вы сюда привезли? Они же фашисты!» На мой вопрос: «Почему вы думаете, что группа «КИНО» – это фашисты?» директор сказала: «Они же все в черном!»» К тому же ей очень не понравилась песня «Мы ждем перемен», всего через несколько месяцев ставшая настоящим гимном перестройки. Именно ее она назвала идеологической диверсией.

Я понимал, что нужно что-то делать, и начал тянуть время. Говорил, что на концерт пришла не какая-нибудь шпана, а молодые ученые, что ведут они себя так, потому что это рок-музыка. Одним словом, я убеждал директора до тех пор, пока концерт не закончился. Жалко, что самому мне не удалось его послушать полностью – он не записывался ни на видео, ни на магнитофон. Интересно, кстати: первое выступление Цоя в Киеве проходило рядом со столичной прокуратурой, а второе – возле здания КГБ.

Возможно, именно с концерта в Доме ученых и началось всеобщее признание группы «КИНО». Сразу же после выступления Виктору предложили сняться в фильме Сергея Лысенко «Конец каникул». Это была первая роль Цоя в кино. Именно на съемки этого фильма он приехал в Киев во второй раз...».

С Виктором Цоем украинского режиссера и тележурналиста Сергея Лысенко судьба свела в 1985 году.

Сергей Лысенко, кинорежиссер:

«Как для нынешнего поколения знаковым устройством является компьютер, для моего таким предметом был магнитофон. Мы все воспитывались на магнитофонной культуре. Сперва это были западные коллективы, потом, в середине 80-х, пришел черед подпольных групп советского рока. Как-то в гостях у своего приятеля я услышал самый первый альбом Цоя – «45». И, как говорится, зацепило. Тогда я, студент пятого курса факультета кино Киевского театрального института, готовился к съемкам своей дипломной работы. Решил, что это будет музыкальный фильм, в котором непременно должна принять участие группа «КИНО». Окончательное решение по поводу съемок «КИНО» в кино я принял осенью 85-го. Кстати, помогло мне в этом появление в журнале «Аврора» заметок писателя Александра Житинского о ленинградском рок-клубе. С одной стороны, эта статья меня немного успокоила в плане легальности происходящего. Своим институтским преподавателям я мог теперь с легким сердцем сказать, что собираюсь снимать не каких-то там подпольщиков, а талантливых молодых музыкантов, о

которых пишут в прессе. С другой стороны – раззадорила, потому что я понял, что раз о парнях стали писать, скоро их начнут снимать. Мне же хотелось быть первым... Короче, я позвонил своему другу Роме Альтеру и сказал, что нам пора ехать в Питер знакомиться с "КИНО".

Вместе с ним и его женой Ирой мы погрузились в поезд и через сутки оказались в Ленинграде. Из контактов у нас был только телефон некой Яны, приятельницы нашего общего друга (Толика Векслярского). Он уверял, что Яна знает в Питере абсолютно всех и, безусловно, выведет нас на группу "КИНО".

Друг был прав – Яна оказалась приятной общительной девушкой, которая без промедления снабдила нас номером Николая Михайлова, президента Ленинградского рок-клуба. Работал он тогда во Дворце молодежи. Мы поехали к нему и прямо в комнате, где сидел Коля, столкнулись со Славой Задерием. К этому времени я кое-что уже слышал об этом музыканте и решил дать почитать ему сценарий – просто так, на пробу. Пробежав глазами три напечатанные на машинке странички, Задерий без всяких предисловий заявил, что сценарий совершенно не рок-н-рольный и соваться с ним к серьезным музыкантам не стоит. "Пригласите бит-группу 'Секрет', – сказал он, – они вам больше подойдут". После этой устной рецензии я изрядно пригорюнился. Если Задерию не понравился сценарий, то что скажет Цой? Но отступать уже было поздно.

Что до Коли Михайлова, то он оказался куда более доброжелательным. Выслушав нас, он посоветовал ехать непосредственно в рок-клуб, на Рубинштейна, 13.

Вот там я наконец-то впервые увидел Виктора Цоя – правда, лишь на фотографии. Наталья Веселова, руководившая рок-клубом, вывалила перед нами целый ворох снимков. Кого там только не было! "Аквариум", "КИНО", "Зоопарк", "Россияне", "Странные игры", Александр Башлачев и прочая, и прочая, и прочая... Помню, мы разглядывали эти фото как замороженные – это была словно дверца в другой мир... Веселова дала мне номер Цоя, и я в тот же вечер позвонил ему и сказал: "Виктор, я хотел бы снять вас и вашу группу в своем фильме". Договорились о встрече на следующий день.

Увиделись мы в кафе "Сайгон" – известном на весь бывший Союз тусовочном месте. Не знаю, во что он трансформировался позднее, но тогда это была классическая советская забегаловка с высокими столиками, за которыми можно было только стоять, и мрачноватым интерьером. Но тогда там можно было увидеть весь божественный Питер.

Цоя, я, конечно же, узнал сразу. Но даже если бы я не видел накануне его фотки, думаю, все равно бы не ошибся. Что-то такое было в этом человеке, что сразу обращало на себя внимание... До сих пор помню, как он возник в дверном проеме кафе (встретились мы днем, и народу в "Сайгоне" было немного), в черном плаще со значком "КИНО" на отвороте. (Конечно, это не был фирменный значок группы, просто на нем было написано "КИНО" латинскими буквами.) Мы пожали друг другу руки, и я в двух словах рассказал о цели нашего визита в Ленинград. После чего сунул ему в руки сценарий и стал с замиранием сердца ждать реакции. В ушах у меня все еще звучали слова Задерия... Но – о чудо! – Цой, перелистнув последнюю страницу, сказал, что прочитанное ему, в принципе, понравилось. И даже добавил нечто о "панк-романтике", которую он узрел в моем опусе. У меня отлегло от сердца, и я окончательно понял, что это тот парень, который мне нужен.

Самыми первыми моими впечатлениями от Цоя были исходящие от него спокойствие и уверенность в правильности того, что он делает. Я знал, что встречаюсь с одним из самых ярких питерских рок-музыкантов, и ожидал чего угодно. Но передо мной был совершенно нормальный, абсолютно адекватный, разумный человек. И еще помню, что при общении с ним у меня постоянно возникало ощущение некой недосказанности – как будто он знает больше, чем говорит.

Итак, сценарий ему понравился. Витя с удовольствием согласился сниматься. Тогда "КИНО" еще не была всенародно популярной группой, но Цой уже знал себе цену. Он прекрасно разбирался в музыке, у него был безупречный вкус.

Пока мы пили кофе в "Сайгоне", к нам ненадолго присоединился Сергей Курёхин – невысокий, улыбчивый парень, который, узнав, кто мы такие, тут же скаламбурил что-то насчет "'КИНО' снимается в кино", но подробностей, к сожалению, не помню. Конечно, кое-что я о нем к тому моменту слышал, но подлинного масштаба его личности оценить тогда еще не мог...

Потом мы немного прогулялись по Невскому, и Цой неожиданно предложил зайти к своему другу, художнику Тимуру Новикову, который жил неподалеку... Деталей этого визита, увы, моя память не сохранила. Помню только самого Новикова – очень внутренне собранного и в то же время веселого, помню его приятеля, художника по имени Кирилл, который, по его словам, занимался панк-живописью в городских туалетах (я был настолько поражен, что не стал узнавать подробности). Помню, что из магнитофона доносился голос Джоанны Стингрэй, исполнявшей песню "Аквариума" "Мне снится пепел" на английском языке. В общем, все это было сплошным культурным шоком. За какую-то пару часов я познакомился с тремя столпами питерского андеграунда. К сожалению, никого из них уже нет в живых...

Любопытно, что с остальными участниками "КИНО" в первый свой приезд я так и не познакомился – уж не помню почему. Но покидал я Ленинград успокоенным – главным было то, что я встретился с Цоем, ему понравился сценарий и он дал принципиальное согласие на участие в съемках.

В следующий раз я приехал в Питер уже зимой – то ли в конце 85-го, то ли в начале 86-го года. На этот раз я взял с собой оператора Олега Смирнова – мне хотелось, чтобы он слегка окунулся в ленинградскую жизнь наших героев. Вот тогда-то Цой и познакомил нас с Георгием Гурьяновым и Юрием Каспаряном. (С Тихомировым я встретился уже в Киеве, когда группа прилетела на съемки.) Главным впечатлением было, что это – коллектив, спаянный и сплоченный. И очень гармоничный – все как бы дополняли друг друга, как ни банально это звучит. Позитивный, слегка брутальный Юра Каспарян, чувствительный, немного капризный Густав, мудрый Цой, сдержанный Игорь Тихомиров. Это был свой круг, своя тусовка, куда посторонним путь был заказан. Мой друг Сергей "Першинг" Першко, работавший со мной на съемках в качестве администратора (и очень много сделавший для фильма – так же, как и Рома Альтер), признавался, что воспринимает "КИНО" как монолит, в котором нет ни малейшей трещинки. Конечно же, лидером был Цой, но остальные отнюдь не были фоном для главного героя. Виктор, скорее, выступал как "первый среди равных". Мне он, кстати, говорил, что очень хочет, чтобы ребята тоже сочиняли песни. Но, насколько мне известно, Цой так и остался единственным автором всего репертуара "КИНО".

Фильм "Конец каникул" небольшой, из трех частей. Снимали недели две. "Киношники" прилетели в Киев в начале лета, это был 1986 год. У нас тогда еще был глухой "совок" – Советский Союз. Поздним вечером, часов в 11–12, я поехал встречать ребят в "Борисполе". Когда они спустились по трапу все в черном, в темных очках, у меня было ощущение (до сих пор его помню), что я выпустил джинна из бутылки... Витя был довольно замкнутым. Под конец, когда мы больше узнали друг друга, общаться стало легче. Несколько вечеров провели, просто разговаривая. Цой производил впечатление очень разумного человека. Как раз на время съемок пришелся Витин день рождения – 21 июня. Я подарил ему пластинку группы Duran Duran – он их тогда очень любил. Поскольку это было "чернобыльское" лето, парни немного боялись ехать в Киев, туда, где поблизости взорвалась атомная электростанция. Но все же приехали. Как известно, лучшее средство для выведения радионуклидов из организма – красное вино. Во время застолий именно его и пили. Цой достаточно спокойно относился к выпивке, как и к любого рода стимуляторам, несмотря на распространенное мнение, что рок-музыканты – это наркотики, сплошные дебоши, разбитая мебель в гостиницах. Жили ребята в гостинице "Сла-

вудич“, что на левом берегу Днепра. Эксцессов не было. Правда, один раз, помню, Цой пришел на съемки с разбитой губой. Сказал, что поскользнулся и упал, мы дружно не поверили, но расспрашивать не стали...

Где-то неделю мы снимали Цоя вместе с группой, потом ребята уехали, и еще неделю мы снимали Виктора одного. Кстати, ”КИНО“ было очень монолитной группой. Несмотря на то что могло сложиться впечатление, что все вертится вокруг Виктора, на самом деле, когда ты видел их вместе, то понимал, что все они абсолютно равнозначны. И вот, когда мы снимали их вместе – по двенадцать часов в день, – музыкантов вполне удовлетворяла компания друг друга. Ну а потом, когда Цой остался в Киеве один, мы как-то старались скрашивать его одиночество – сидели ”на хатах“, как тогда говорили.

Виктор уже в то время, в 1986 году, понимал, что он ”выстрелит“ – станет звездой. А что касается работы, то у меня к нему не было никаких претензий. Цой в то время уже был очень заинтересован таким явлением, как видеоклипы, и было видно, что вот этот киевский эксперимент был для него очень важен. Капризничал только барабанщик Густав Гурьянов – по поводу одежды, в которой он снимался. Я его просил что-то переодеть, а он долго со мной спорил. Ну а Цой к тому времени уже очень хорошо разбирался в клипах – видео Duran Duran на песню Wild Boys было для него эталоном. Он мне много и очень эмоционально рассказывал об этом навороченном клипе, но я только вздыхал в ответ, потому что понимал, что с нашей техникой снять такое невозможно.

Кстати, в описании концерта в Доме ученых, которое привел Евтушенко, много неточностей. Я присутствовал на концерте и могу с уверенностью сказать, что никаких молодых ученых, размахивающих пиджаками, там и близко не было. И вообще сам концерт проходил не в зале Дома ученых, а в фойе...».

Раньше в твоих глазах отражались костры,
Теперь лишь настольная лампа – рассеянный свет.
Что-то проходит мимо – тебе становится не по себе.
Это был новый день – в нем тебя нет.

Раньше в твоих глазах отражалась ночь.
Теперь, когда за окнами ночь, – твои глаза спят.
И вот на рассвете ты не заметил, как начался новый день.
Ты до сих пор в старом – там нет никаких преград.

Людмила Нагорная, знакомая Виктора Цоя:

Виктор приехал в Киев по приглашению режиссера Сергея Лысенко. Он хотел снять группу ”КИНО“ в своей дипломной работе ”Конец каникул“. Так получилось, что съемка совпала с днем рождения Цоя, но он не подвел съемочную группу и прибыл к нам. Это был не первый его приезд сюда. Ранее он давал квартирник вместе с Майком Науменко. К сожалению, его выступление прервала милиция, Витя и Майк оказались в участке. После этого инцидента он рассказывал, что Киев – полицейский город. Так вот, в перерывах между съемками для киевской тусовки был организован концерт группы ”КИНО“. Место концерта оказалось странным – Дом ученых, рядом с которым тогда находился КГБ. Все выступление мы сидели и ждали прихода кагэбэшников. Но никто тогда не пришел, и концерт прошел ошеломляюще. Нас было человек шестьдесят, и организаторы выступления Роман Альтер и Александр Евтушенко с посетителями собрали чисто символическую плату. Ночью мы с компанией решили погулять по городу, и Витя упал в яму, немного разбив лицо. Потом переживал, что из-за этого будут проблемы со съемками фильма.

После часового концерта компания в пятнадцать человек с Витей и участниками группы "КИНО" отправилась на Михайловскую улицу – у кого-то там пустовала квартира, и все решили, что стоит устроить имениннику настоящий праздник. Мы подарили Вите букет роз и несколько ящиков вина. Он восхищался нашим городом. Когда мы рассказывали о своих планах на лето, о поездке в Крым, то Витя удивился: "У вас же не город, а курорт! Зачем ехать еще куда-то?" И киевлянки ему очень понравились. После ночи гуляний в одной из центральных кофеен он подарил розу официантке.

В Киеве на ребят из группы «КИНО» постоянно все засматривались. Они были похожими на инопланетян: одеты во все черное, а на голове – вечная взъерошенность. Странно, что сейчас бытует мнение, будто Цой был интровертом – закрытым и неразговорчивым. На самом деле он один из самых добродушных людей, которых я знала. Мир потерял потрясающего человека».

По воспоминаниям Алексея Ковжуна, музыканта, снимавшегося в «Конце каникул» вместе с Цоем, когда группа уже уехала, Цой остался – нужно было еще кое-что доснять для фильма. Тусовка после съемки продолжала выпивать, закусывать в одной из квартир. Около двух часов ночи у компании закончились сигареты и все пошли на улицу стрелять их. А поскольку людей было много, все разделились на группы и устроили соревнование: кто больше добудет. Выиграл Цой – настрелявший больше всех сигарет с фильтром. Сам же Цой этим достижением страшно гордился и счастливо улыбался.

Юрий Каспарян:

«Я недавно первый раз посмотрел фильм, в котором мы снимались в Киеве, – "Конец каникул". Очень все понравилось. Тогда все его ругали, и мы в первую очередь, а сейчас я понял, что это замечательный исторический документ. Это первый фильм с группой "КИНО", и нас там достаточно много, что редкость. У нас ведь нет практически никаких съемок, кроме нескольких концертов и Джоаннинных клипов. А тут целый фильм – четыре песни. Хороший фильм. Мы снимались в нем в июне 1986-го. Жили в Киеве, в гостинице "Славутич". Я недавно в ней снова останавливался – она совсем не изменилась... Веселое время было. Все молодые, солнышко светит, вино надо пить, чтобы радиацию выводить. Мы старались делать это как можно чаще. Может быть, поэтому сам процесс съемок совсем не запомнился».

Георгий Гурьянов, которому в 1986 году совершенно не понравился этот фильм, пересмотрев его вновь в 2012 году, сказал:

«Как раз нужно было ехать сниматься – и грохнул Чернобыль. Не знаю, видел ли фильм Цой, но я его посмотрел гораздо позже, в конце 90-х годов. Конечно, наша поездка в Киев на съемки фильма... это было довольно драматично, и надо было найти какой-то консенсус. В результате мы поехали вчетвером и славно провели там время. Фильм получился очень актуальным, коротким, ясным и крутым. Хотя он очень наивный и у него ноль бюджета, но тем не менее это один из лучших фильмов с участием группы "КИНО"... Сюжет мне очень нравится, с этим хирургическим вмешательством и высвобождением главного героя из оков обывательской реальности... Это чистейшая, яркая мысль, и мне очень нравится».

Как явствует из рассказа Георгия Гурьянова, фильм отражал именно то, к чему все тогда стремились. А хотели все тогда известно чего – свободы.

Конечно, фильм «Конец каникул» не имел значительного резонанса. Вообще это был даже не фильм, а четыре смонтированных клипа. Говорят, что под конец Виктор поссорился с режиссером и заявил, что «сделает все, чтобы фильм не увидели».

Снятый же Рашидом Нугмановым фильм «Йя-Хха!» немедленно стал хитом в кругу поклонников рока: в те времена нечасто можно было увидеть на экране сразу столько героев рок-н-ролла, включая Кинчева, Гребенщикова и Цоя.

Самому Цою свои первые работы в кино не особо понравились, позднее он говорил, что «...заниматься этим профессионально, изображать кого-то, перевоплощаться в других людей мне как-то не в кайф... Я бы с удовольствием снимался в кино, если бы мне предоставили право там вообще не актерствовать, а выражать себя».

Артем Троицкий, музыкальный критик:

«Цой не актер – с даром перевоплощения дела у него обстоят неважно. В компании Лебедева, Смоктуновского и Калягина ему делать нечего. Он "зацепил" публику чем-то другим. Может, именно тем, что в нем нет ни капли суеты или наигрыша, а есть надежность, спокойствие и честность. Неудивительно, что в наши склонные к истерике времена многие видят в нем если не спасителя, то во всяком случае настоящего героя».

Рашид Нугманов:

«Если говорить о Викторе, то я вполне понял, почему он был недоволен "Концом каникул" и не хотел, чтобы картина увидела свет. Это то самое, о чем не раз говорилось, – его опасение лицедейства. К сожалению, в "Конце каникул" оно самое и есть: в постановочных сценах Виктор натушно играет кого-то, но не себя. Двое актеров-мажоров только усугубляют ситуацию. Материал ценен клипами "КИНО". Едко в адрес фильма высказывалась Марианна, Виктор же всегда уклонялся от обсуждения, а я никогда не настаивал на этом, не посмотрев его. Он ведь и сам этого фильма не видел в окончательном виде. Судя по его скупым фразам, он не придавал ему большого значения, относился больше как к кинопробам. Он вообще осторожно относился к миру кино – с большим интересом, но и с не меньшей опаской. Больше всего его напрягали необходимость лицедейства для посторонних людей перед камерой и истекающая отсюда угроза манипуляции его имиджем. Он ведь крайне требовательно, избирательно относился ко всему, что его окружало, и "посторонние элементы" отбрасывались без сожаления».

Немного отступив от повествования, можно сказать о том, что летом 2014 года режиссер Сергей Лысенко задумал написать книгу о съемках «Конца каникул», которую назвал «Атомное лето».

Сергей Лысенко:

«Я сейчас тоже пишу книгу. Ни на что глобальное я не заховаюсь, просто пишу о том, что видел своими глазами и в чем принимал активное участие. В центре моей документальной повести – съемки фильма "Конец каникул" летом 1986 года в Киеве. Но, кроме этого, в ней я пытаюсь рассказать о такой интересной эпохе, как восьмидесятые, – конечно, в своем субъективном восприятии. А самым ярким воплощением этого времени был Цой. Есть своя печальная символика в том, что он погуб в 90-м году, как бы завершив десятилетие...».

8 июня 1986 года в ДК МИИТ состоялся Фестиваль московской рок-лаборатории «Движение в сторону Весны». Группа «КИНО» играла вместе с группами «Аквариум», «Алиса», «Звуки Му», «Николай Коперник».

Нина Барановская:

«Помню, когда московская рок-лаборатория впервые устроила нечто вроде фестиваля, в качестве гостей пригласили и питерские команды, в том числе "КИНО" и "Алису". После мрачных изысков москвичей выступление "КИНО" было как порыв свежего ветра. В антракте

я подошла к Цою и сказала ему об этом. И он, несомненно радуясь отличному своему выступлению, с азартом произнес:

– Э, подождите, вот сейчас еще Костя выступит! Он им покажет!.. Куда Москве до нас!...».

Юрий Гаранин:

«Вообще, я никогда не был поклонником группы "КИНО". И если бы не прямая связь творчества Цоя и БГ – вряд ли он бы попал в поле моего внимания. Но тем не менее много раз с Михаилом Науменко мы порывались ехать к Цою в котельную "Камчатка". Но в самый последний момент падали без сил. Я, конечно, был с ним знаком. Но не накоротке. Короче, не выпивал. Однако горжусь своим фото, сделанным на фестивале "Движение в сторону весны" в 1986 году в ДК МИИТ».

27 июня 1986 года в Америке благодаря стараниям Джоанны Стингрей на американской фирме «Биг Таймз Рекордз» тиражом в 10 000 экземпляров был выпущен двойной альбом Red Wave («Красная волна»), где целая сторона одного из дисков была отдана песням «КИНО» (так же, по стороне, было предоставлено «Аквариуму», «Алисе» и «Станным играм»).

Два года подряд Джоанна частями вывозила в Штаты образцы музыки советского рока. Вывозила с риском, ибо недремлющая служба государственной советской безопасности всячески препятствовала распространению вредной крамолы.

Джоанна Стингрей:

«Мы взяли двухдорожечные ленты записанной музыки к Red Wave. Некоторые из них мы попытались спрятать в чемоданы или в карманы, а какие-то были спрятаны с задней стороны куртки и в других тайных местах. Это было страшно – идти через таможню с лентами и другими вещами, но мы (я и моя сестра) были увлечены тем, что делали».

Наталья Веселова, куратор ленинградского рок-клуба:

«Внезапно мы узнали, что Джоанна вывезла записи нелегально и выпустила альбом, двойной, за рубежом. Совет рок-клуба был уже в курсе, и музыканты всех поставили в известность. Мы стали думать, что делать, чтобы как-то смягчить этот удар. Ждали самого плохого – мы боялись, что могут закрыть рок-клуб. И вот, несколько раз обсуждая все это на каких-то своих встречах, мы решили, что музыканты должны сделать вид, будто они были не в курсе того, что Джоанна вывезла с такими целями вот эти вот записи. Наша позиция была ясна, а линия защиты выстроена...

Нас собрали в кабинете у Анны Александровны Ивановой, то есть нашей непосредственной начальницы, пришли кураторы из КГБ, и нужно было им отвечать. Они задавали вопросы – как, почему, как так получилось... Все музыканты придерживались оговоренной точки зрения. И когда им начали задавать вопросы – мол, вы действительно ничего не знали? – все как бы так пожали плечами, типа, мы не знали. А Цой сказал: я знал. И что? И почему я не должен был этого делать? Это был, конечно, шок, потому что, в принципе, мы договорились... Но Цой выпятил подбородок и сказал, что он знал. И, собственно говоря, ничего с ним сделать было нельзя...

Досталось больше всего директору Дома самодеятельности, Анне Александровне Ивановой. Нас с ней прогнали по всем инстанциям. Мы были в обкоме профсоюзов, в главном управлении культуры, нас ругали. Начальник отдела просто кричала на нас, показывая руками на титульную сторону вышедшего альбома, что дали бы ей автомат – она бы всех их расстреляла. Я была в шоке, честно говоря, так как впервые столкнулась с такой реакцией. В тот момент я была сильно обижена на нарушение Цоем договорённостей, но теперь, по прошествии времени, все стало на свои места. Цой поступил так, как считал нужным, и, в общем-то, он был прав...».

У Джоанны была и вторая цель – собрать картины «новых художников» для выставки «Красная волна (Red Wave)» в Лос-Анджелесе. Необходимо отметить, что в выставочном комитете «Красной волны» были музыкант и актер Дэвид Боуи и художник Кит Харинг, ставшие к тому времени в СССР культурными героями.

Вернувшись в Америку, Стингрей показала картины «новых художников» Энди Уорхолу, с которым она познакомилась на съемках клипа «Отрожье Беверли Хиллз» (Beverly Hills Brat), вручив ему коллаж Олега Котельникова «Е-Е» и коллаж Тимура Новикова «Город». Благодарный Уорхол обещал Джоанне отблагодарить советских художников и музыкантов по-своему. Джоанна сообщила об этом в Ленинград, и сообщество «новых художников» стало с интересом ждать посылки из Америки...

Что же касается вышедшего диска, то в его подзаголовке было указано: «Четыре подпольные группы из СССР». По одному экземпляру альбома Стингрей отправила руководителям стран: президенту США Рональду Рейгану и генсеку КПСС Михаилу Горбачеву, сопроводив это заявлением: «Что не могут достичь политики на дипломатическом уровне, с успехом получается у рок-музыкантов обеих стран». В результате такого «американского привета» случилось небывалое: Горбачев спросил у своих советников: «Какой такой "Аквариум"? Почему у них нет пластинки?» И Министерство культуры дало директиву фирме «Мелодия» в срочном порядке выпустить пластинки групп, указанных в альбоме, дабы создать иллюзию того, что пластинки этих групп давно выпущены и продаются.

Подсуетившаяся под это дело «Мелодия», как фирма-монополист, к концу 80-х соображившая, что на записях звезд андеграунда можно хорошо заработать, в 1988 году выпустила грампластинку с альбомом «Ночь», даже не удосужившись согласовать издание с автором песен (и не заплатив ему ни копейки). Как я уже упоминал выше – Цоя обидело даже не это, а то, что «Мелодия» проигнорировала его оформление конверта: обычно все обложки Цой оформлял сам.

3 августа 1986 года Цой выступает в Москве, в районе Ленино-Дачное (ныне Царицыно), в квартире Вадима Суровцева-Бутова, известного московского устроителя квартирных концертов. Именно там, в квартире Суровцева, а также у метро «Кантемировская», прошла последующая знаменитая фотосъемка Цоя работы Игоря Мухина.

Вадим Суровцев-Бутов, устроитель квартирных концертов:

«В 1986 году у меня дома в Москве, в районе станции метро "Кантемировская", проходили квартирные концерты Майка, БГ, Кинчева, Градского, Башлачева, Мамонова, Цоя, других исполнителей. Почти все писалось на двухкассетник Sharp с бытового микрофона. Концерт Виктора Цоя состоялся у меня 3 августа 1986 года. Что касается Мухина, то я высоко ценю его творчество фотографа-документалиста еще со времен публикации о квартирниках в "Студенческом Меридиане". Недавно друзья прислали мне ряд интересных ссылок на его работы. Особенно тронула меня серия фотографий в автобусе. Мы там едем с Цоем. Я как бы окунулся волшебным образом в беззаботную атмосферу Москвы середины 80-х годов! К тому же в автобусе этого маршрута (217) я езжу почти 40 лет! А с девушкой спереди от Цоя я в те времена очень крепко дружил...».

В сентябре – октябре «КИНО» дает концерты в Риге и Таллине. 6 сентября 1986 года, согласно отчету Рижского рок-клуба, в Риге, в зале Латгипрогорстроя, состоялся концерт группы «КИНО».

Андрей Яхимович:

«В то время мы вытаскивали из Питера в Ригу всех, кого могли... И вот решили вытащить Цоя. По-моему, у него тогда как раз вышел новый альбом. У нас же все только "Начальника Камчатки" слушали.

Честно говоря, в Риге они не произвели впечатления, потому что их все больше знали по акустике, еще когда Цой играл с "Рыбой"... И так немножко странно восприняли то, что ребята были одеты как *Dereche Mode*, а пели про какие-то там перемены.

В зале кто-то сказал даже – а что это за Мао Цзэдун приехал? Реакция была именно такая... Но они нормально выступили, такие все в черном... Там с ними уже тогда играл Тихомиров из группы "Джунгли", которую мы все как-то больше любили, потому что там профессиональнее все было. Кстати, это все как-то через Тихомирова все прошло, то есть через "Джунгли"... К сожалению, материалов с концерта и не сохранилось у меня, разве что несколько фотографий с концерта. Цой там такой накрашенный, цветная картинка...

Зал Латгипрогорстроя, где выступали "КИНО", был такой приличный, мест на 400–500, что называется, институтский конференц-зал. Такие площадки были при всевозможных ДК, только без аппаратуры. Мы выставляли аппаратуру свою, а площадки были очень хорошо оборудованы под акустику и, в принципе, носили характер клуба. Это мероприятие не было, в общем-то, подпольным, наоборот, все было довольно серьезно, да и заведение было весьма серьезное – это был научно-исследовательский институт, практически в центре города.

Конечно, каких-то особенно ярких воспоминаний о том концерте у меня нет. Просто позвонили, договорились о приезде. Тогда же все было так – по телефонным звонкам... Договорились, мол, давайте вы приедете в Ригу. Перед этим "Джунгли" приезжали – видимо, сказали там, в Питере, что все нормально, и ребята приехали...

До выхода "Ассы" в Риге не было такой дикой популярности "КИНО" и Цоя. В Риге вообще тогда было сложно всем выступать, потому что мы всегда были как-то так оторваны от России в целом...

Жили "киношники" в тот приезд по домам у местных в Болдерае, и я помню, что жаловались потом, естественно, на барабанщика "КИНО". Что-то он там тогда вытворил, как всегда... (*смеется*). Он же все время что-то вытворял – например мог опоздать на самолет или выкинуть какую-нибудь штуку интересную... Его тогда "Густав" все звали, прозвище такое было...

Наши ребята с ними сдружились там потом, попили с ними там... Я как-то меньше, потому что, честно говоря, я немножко не понимал этого всего, да и постарше был как-то... Поэтому рок такой я не воспринимал как-то так всерьез. Да и играли они плохо тогда. Хотя тогда все играли плохо, по большому счету. А многие совсем плохо...

Хотя я вот помню, "Звуки Му" приехали, они очень так... рассмешили... И "Аквариум" очень хорошо прошел. Там челюсть отвисла. Потому что у нас тут немножко другие традиции были, у нас тут как-то больше такое рок-н-рольное, припанкованное, с ориентиром не на тексты, а на музыку больше... И поэтому Цой был так немножко... Как раньше говорили: "Хэви давай...". А здесь что? Вышел такой парень в черном, в браслетах, и вдруг как запел какими-то лозунгами... Перемен!!! И вот эта фраза всем очень запомнилась. А что это Цой стал как Мао Цзэдун? Но, а вообще все нормально было... Вход на концерт тогда стоил два рубля. Но билеты нам было запрещено продавать – эти концерты считались творческим обменом молодежи. Поэтому мы собирали деньги в форме членского взноса Рижского рок-клуба. Комсомольских деятелей на концерте было много. Они внешне мало отличались от простых членов рок-клуба, но я их сразу вычислял по качественной финской обуви или кроссовкам, которые были доступны не всем. Ввели себя прилично. Через год Цой снялся в "АССЕ" и сразу стал героем всего советского пространства, нетитулованным народным артистом, чьи песни, нравятся ли они кому-то или нет, стали народными. Конечно, по линии Рижского рок-клуба его уже было не достать».

Из воспоминаний **Николая Краснопевцева**, в прошлом поклонника «КИНО»:

Мне было 17 лет, ездил я в Таллинн, на концерт "КИНО", «писчал» и «вересчал» на этом концерте, фотоаппаратом "Зенит" размахивал, за кулисы ходил и т. д. Я сейчас совсем не фанат "КИНО", но вспомнить-то об этом мне очень приятно... Но, надо сказать, что лично с Виктором я знаком не был, мелкий тогда еще был, только фотографировал немного, на концертах был на нескольких... А потом в Риге, на концерте "Поп-Механики", где "КИНО" в полном составе аккомпанировали Курёхину, пробирався в закулисы, чтобы автограф взять. Я вот сканером нормальным для негативов обзаведусь – столько всякого смогу выложить про историю рок-клуба в Риге. Главное, чтобы только на ностальгию не пробило.

Георгий Гурьянов:

Я не помню само выступление, сам концерт, но помню, как мы проводили там время, гуляли по Таллину. Я помню все, кроме момента выступления... Мне везде нравилось с ребятами. Даже в Киеве после Чернобыля. Как бы я там ни противился, но я получил большое удовольствие.

28–29 сентября 1986 года в Ленинграде Виктор Цой с Юрием Каспаряном сыграли небольшой квартирный концерт для немецких студентов, на улице Подводника Кузьмина. Сохранилось несколько не очень отчетливых фотографий, сделанных Виктором Морозовым, и небольшое воспоминание очевидца.

Николай Алексеев, устроитель квартирных концертов:

«Концерт проходил у меня на квартире в Ленинграде, на улице Подводника Кузьмина, дом ½, осенью 1986 года, за день или за два до концерта в "Красном Октябре". Играли Цой и Юра Каспарян, еще была Марина Смирнова, которая потом снималась в "Игле", были какие-то немцы. Играли полтора часа, потом пили. Вход был 1 рубль и бутылка – кто что принесет. Фотограф на квартирнике был Виктор Морозов (он умер). После концерта, когда расходились, Цой продал несколько контрамарок на концерт по 50 копеек, у Юры было две, и он так отдал...».

19 октября 1986 года прошел концерт во Дворце молодежи, когда впервые на сцене с группой «КИНО» появилась Джоанна Стингрей. Цой пел с ней песню «Двигайся, двигайся, танцуй со мной».

Марьяна Цой:

«Я совершенно от него этого не ожидала, стояла за кулисами (я обычно стою за кулисами, очень редко смотрю из зала, потому что у меня всегда ощущение, что что-то случится, а в зале столько народу, мне будет не выбраться. И с "Объектом" всегда за кулисами торчу – это не так бесполезно, как кажется). Джоанна попросила ее как-то представить. Цой взял микрофон – ну, думаю, сейчас скажет: "А вот Джоанна Стингрей". А он вдруг взял и выдал, что, несмотря на недостижение соглашения между нашими странами в Рейкьявике (не знаю, как он это выговорил), мы хотим доказать, что мы хотим мира. Это была целая фраза, и это было невероятно! Все просто замерли...».

Джоанна Стингрей:

«Я была очень взволнована тем, что буду играть с "КИНО". Первоначально я должна была присоединиться к Борису и "Аквариуму" на сцене рок-клуба, на концерте, но прямо перед концертом Коля Михайлов (директор рок-клуба) сказал Борису: "КГБ узнало, что Джоанна

собирается петь, и лучше не делать этого”. Я не выходила на сцену, но подошел Цой и сказал: ”Эй, Джо, мы даем концерт во Дворце молодежи, и я хочу, чтобы ты вышла и спела вместе с нами. Что они могут нам сделать? Мы покажем, как русские и американцы ладят, так что давайте просто сделаем это“.

Когда он вывел меня на сцену, я была так удивлена толпе зрителей, которые буквально сходили с ума... Это был один из самых захватывающих периодов в моей жизни».

Необходимо отметить, что на концерте 19 октября в ЛДМ в составе «КИНО» появился второй бас-гитарист, Андрей Крисанов, талантливый художник, сотрудничавший помимо «КИНО» с Сергеем Курёхиным. Крисанов проиграл с «киношниками» почти год и стал автором обложки альбома «Группа крови».

Чуть позже, 25 октября, «КИНО» выступило в Кирове, в рамках открытия местного рок-клуба и первого рок-фестиваля. Организатором этого концерта стал Сергей «Джеки» Перминов из группы «ЧП». Первый вятский рок-фестиваль состоялся в ДК Металлургов, где на тот момент работал Перминов, иногда замещая директора Людмилу Пикову. Изначально планировалось, что фестиваль посетит группа «Странные игры», но те приехать не смогли, и Виктор Сологуб предложил группу «КИНО», и даже поехал вместе с ними. Вятские любители рок-н-ролла, ждавшие «Странные игры», большой компанией приехали в аэропорт встречать ленинградских рокеров, и когда показались «киношники», многие из встречающих откровенно «скисли». «А-а-а-а... ”КИНО“... здрасьте...».

Валерий Девяткин:

«Я знать не знал, что устраивается какой-то фестиваль, не видел никаких афиш, и уж тем более не имел представления ни о каком Цое и «КИНО»... И когда я зашел в зальчик, где все это должно было происходить, – там уже выступало несколько команд. Играл ”Шанс“ из ДК Шинников, ”Аттракцион“ из ДК Строителей... Потом на сцену вышли ”ЧП“ – Перминов, Федяков, Пух, Быков и Кремлёв. Это было потрясно – их музыка отличалась от официального рока тем, что имела большую энергию протеста, пусть даже не совсем оформленного и не совсем осознанного. Вся молодежь ринулась к сцене, все засвистели, замахали руками...»

Тем временем ”ЧП“ отыграли, и ведущий объявил, что вместо группы ”Странные игры“ выступит Виктор Цой и ”КИНО“ – встречайте!

А я еще в антракте бродил по коридорам ДК, заглядывал во все щели. Открываю одну из дверей и вижу: сидят незнакомые тогда музыканты ”ЧП“ и ”КИНО“. <...> Потом в дверях гримерной я не раз сталкивался с Цоем, но внимания на это практически не обращал: Цой был простым парнем, но чувствовалось, что он знает себе цену. Время это подтвердило.

Когда ”КИНО“ заиграло – я поначалу подумал, что ”ЧП“ получше будет, но смотрю – публика кричит, машет руками пуще прежнего... Все ”киношники“ были в черных робах, и на спинах у них было написано ”КИНО“. Музыканты совершенно не двигались по сцене, только Цой тихонько пританцовывал. Исполняли, помнится, ”Тем, кто ложится спать, спокойного сна“...

На следующий день все было то же самое. Вот только в ”КИНО“ я воткнулся гораздо серьезнее. И тексты и музыка у Цоя были гораздо круче, чем у ”ЧП“...».

Сохранилось несколько ужасного качества фотографий – группа «КИНО» в окружении Сергея Перминова, Виктора Сологуба и вятских любителей рока.

Виктор Сологуб, музыкант группы «Странные игры»:

«Ничего толком не помню... Только завтрак в гостинице и обратную дорогу, когда пьяный Витя с верхней полки упал. Потом мы с Гурьяновым в Москве разругались зачем-то...

Молодые были, глупые! Потом помирились. Последние пару лет перед его смертью встречались и даже пару раз джемовали у него дома с винилом и моими машинками... Игнали, импровизировали.

А в Кирове концерт вроде как Сергей Перминов устраивал. «Джеки». Я просто за компанию поехал...».

Михаил Коковихин:

«Это был знаменитый сейшн! Помню, кагэбэшники (типа Юрия Исупова) в черной "Волге" отслеживали наплыв "диссидюг" вроде Леша Безденежных. Виктор Цой – тоже в черном – забываемо пел: "Перемен! Мы ждем перемен!"»

Владимир Головёнкин, один из организаторов кировского рок-движения:

«Организатора и идейного вдохновителя первого рок-феста в Вятке Сергея "Джеки" Перминова уже нет в живых. Он много лет жил в Петербурге и был знаком с питерской андеграундной творческой жизнью изнутри, а в Вятке в середине 1980-х годов практически не было рок-концертов. Джеки приглашал на открытие вятского рок-клуба группу "Странные игры" и ждал именно их, но прилетел в Вятку только Виктор Сологуб и привез вместе с собой музыкантов группы "КИНО", что было неожиданно для всех. Насколько мне помнится, концерт "КИНО" в Кирове широко не афишировался, ажиотажа не было. Афиш я не помню, ну, может быть, только на ДК Металлургов была афиша Рок-фестиваля, но если и была, то уж точно без "КИНО"».

Первый рок-фест стал событием исключительным. Участвовало 4 группы: "Шанс", "Аттракцион", "ЧП" и "КИНО". Фестиваль шел два дня в спортивном зале ДК Металлургов 25–26 октября 1986 года, если не ошибаюсь в датах. Пришли на фестиваль по большей части друзья музыкантов и друзья друзей. Ждали первый рок-фест, группу "Странные игры" из СПб, а появление "КИНО" в Кирове было незапланированным событием. В местной рок-тусовке их знали, конечно, по магнитоальбомам, но в начале 1980-х годов "КИНО", "Алиса", "Аквариум", "Странные игры" были известны в СССР, скажем так, узкому кругу людей, причастных к культуре катушечных магнитоальбомов, эти группы не звучали по радио и на ТВ.

Меня на фестиваль пригласили друзья, устроители мероприятия. Впервые случайно встретил Цоя и музыкантов "КИНО" за кулисами в курилке тубзика ДК Металлургов 25 октября 1986 года. Они были одеты во все черное с надписями "СПАСЕМ МИР!" на футболках. Это запомнилось и неестественно впечатлило как провокация, ведь коммунистическая идеология к этому не призывала.

Народу на "КИНО" собралось где-то половина спортивного зала, человек 200–300. Было устроено несколько рядов сидений, большинство сидели на полу. Под баскетбольным кольцом напротив была устроена сцена. После концертного рок-феста был устроен типа "Музринг" с музыкантами всех 4 групп, публика могла задавать вопросы. Что говорил Цой, дословно не запомнилось, что-то о том, что в Питере так же когда-то всё начиналось по атмосфере, никого не хвалил, политику также не обсуждали.

Думаю, никто не расстроился, что приехало "КИНО", а не "Странные игры". Ну разве что Джеки. Думаю, он создал в Вятке свою версию "Странных игр" – группу "ЧП" – и ему было интересно всем и самому себе показать, что местный продукт не менее интересен, чем питерский. Меня сегодня более всего занимает в этой истории вопрос – почему именно Цой? Он в начале 80-х был простым панк-басистом. Думаю, именно первые пластинки The Cure круто развернули его мировоззрение, плюс The Systems of Mercy и The Smith, ну и врожденные таланты копировать и пафосно смешивать краски... В Вятке, закрытой для иностранцев, в начале 1980-х годов никто не слышал эти группы, поэтому Цой и "КИНО" впечатляли, и думаю, не только меня...

Пообщаться немного с Цоем мне выпало в Питере, по пути из аэрофлотовских касс на Невском до транспортной остановки у Гостиного двора, году в 1989-м... Рядом оказались в очереди за билетами на самолет... Меня интересовали его мысли о поездке в Вятку в 1986 и нет ли у него нового желания приехать в Вятку с концертом? Цой был глубоко замкнут и, мне показалось, сосредоточен внутренне на каких-то своих мыслях о главном, ответил, что мало что помнит о той поездке... В очередь он встал позднее меня человека за два, а я уже почти у кассы стоял... Предложил ему взять билеты, вдруг спешит куда... Цой промолчал, но паспорта протянул... Вышли из касс вместе, вот и пообщались. Беседы не получилось... Потом автобус мой быстро подошел...

Часто ли я вспоминаю тот концерт? Нет... Цой для меня далеко не главный музыкант в жизни».

Алексей Федяков, музыкант группы «ЧП»:

«Мы с Джеки ездили в Питер, договорились со "Странными играми", с Сологубами. А приехала почему-то неожиданно-негаданно группа "КИНО" с Витей Сологубом в качестве "ради-ста". Ну и хорошо, для провинциальных музыкантов от "КИНО" больше было пользы.

О Цое тогда в Вятке мало кто знал. Разве что на уровне песни "Алюминиевые огурцы". На концерте сразу стало понятно, что заехал супергерой. Люди в основном сидели, слушали. Тогда всем казалось, что танцы – это танцы. А русский рок – это святое, его надо внимательно слушать. Публика собралась разношерстная: от комсомольцев до нигилистов. Первый рок-фестиваль, все-таки. Казалось, будто теперь всё можно. А песни... Цой пел свой стандартный набор из мегахитов. Лучше всех обобщила впечатления от концерта мама Кости Кремлёва: "Монголец-то больно уж высоко прыгал". А так, глупые были все, молодые...

Каким запомнился тогда Цой? Лично с парнями из "КИНО" пообщаться не удалось, они сторонились всех чужих. И правильно. Этим не нужно было. Они в супергероев играли тогда, в героические позы вставали, как еще...

Цой умер уже более четверти века назад. Я до сих пор его поклонник».

Константин Кремлёв, музыкант группы «ЧП»:

«Группа "КИНО" за концерт получила 50 рублей и 2 бутылки разбавленного спирта из лаборантской школы № 51, где работал наш друг Сева... Можно еще вспомнить об Андрее Пушкареве и Игоре Шубине, которые без страховки ползали под потолком, закрепляя софиты. И про ГТРК, которые врубили свой яркий белый свет, сведя практически на ноль усилия Андрея и Игоря. Кстати, запись концерта потом таинственным образом исчезла. И про КГБ, которые пытались вербовать некоторых товарищей, чтобы они внедрились в нашу компашку, – правда. И про уважаемую Людмилу Петровну Пикову, директора ДК, которой угрожали лишить партбилета за наши перфомансы...».

Татьяна Жукова, куратор ДК Металлургов:

«Зрительный зал в качестве возможной площадки мы не рассматривали. И вообще, группа "КИНО" приехала в Киров случайно. Сергей уезжал в Питер за другой командой, с которой не срослось, и только благодаря обаянию Перминова мы услышали "КИНО". О приезде Цоя организаторы узнали, когда автобус с группой подъехал к ДК...».

Игорь «Рррь» Быков, музыкант группы «ЧП»:

«Мы были знакомы: Кремлёв, Пух (Иванищев) и я. До службы в армии вместе играли на танцах в нововятском ДК "Маяк" и рядом в парке на летней эстраде в 1982 году. В нашей тогдашней группе играл еще гитарист Дракон из города Орлова (в те времена Халтурин), и пел вокалист Саша.

В 1979 вместе с Пухом мы поступили в местное училище искусств, которое я окончил в 1983, а Пуха выгнали оттуда в 1982 за пьянку, и он ушел в "кулёк" (культпросветучилище), где его отец преподавал игру на гитаре. По распределению я попал в кировскую филармонию и с осени 1983 до весны 1984 играл там в команде "Вятч". 7 мая я ушел в армию, ушел в армию и Пух.

Весной 1986, отслужив, мы вернулись в Киров, и Кремлёв, который в армии после удара лопатой по голове закосил под дурака и досрочно дембельнулся, познакомил нас с Джеки (Перминовым), Федяковым и Ждановым. На первом этаже ДК Металлургов у нас была своя репетиционная точка, где все лето почти каждый день мы встречались и играли кавера из Гребня ("Время Луны" и др.) и свое – на тексты Джеки и Длинного ("Куд-куд-куд-куда...", "Фьорд" и др.). Но концертов у нас не было. Только в июне на Дне города отыграли один длинный концерт. Погода была чудесная, пригнали две тракторные тележки, прямо перед входом в ДК сдвинули их, получилась импровизированная сцена. Народу была тьма-тьмушая.

Мы все тогда где-то работали. Я после армии был сторожем на строительстве ГТС, месяца полтора – хударком в ДК Металлургов, а потом – старшим методистом в ОНМЦ. Пух был директором ДК в Костино, типично кондового, деревенского, деревянного и одноэтажного ДК. Федяков рисовал афиши для ДК Металлургов как художник-оформитель, и у него была своя комната-мастерская. Джеки вместе с Вадиком Макиным (на его стихи мы записали позднее "Следы на песке") возглавляли в ДК Молодежный музыкальный клуб, который время от времени устраивал в ДК большие творческие молодежные тусовки "Эксперимент" с концертами музыкантов и выставками художников, а в конце октября 1986 ММК при поддержке директора ДК Металлургов Людмилы Пиковой и ее подруги Татьяны Жуковой открыли в Кирове рок-клуб.

Открытие первого городского рок-клуба состоялось 25–26 октября (в субботу и воскресенье) 1986 года в спортзале ДК Металлургов в виде двух сборных концертов, которые в среде музыкантов позднее принято было называть солянками, с участием трех местных групп: "Шанс", "Аттракцион" и "ЧП". Предполагалось, что гостями рок-фестиваля будут питерские музыканты группы "Странные игры".

Предварительно Джеки съездил в Питер, где сговорился со своими друзьями-музыкантами о приезде на первый рок-фестиваль в Киров. А днем 25 октября поехал встречать "Странные игры" в аэропорт Победилово, возможно, вместе с ним ездили еще и Длинный с Кремлёвым. Предполагалось, что все вернутся из Победилово на двух тачках и сразу в ДК Металлургов. Неожиданно для всех с Джеки приехала совсем другая питерская группа.

Помню, что устройство фестивальных концертов двигалось тогда с трудом. На директора ДК Пикову сверху сильно давили, чего-то все боялись. Нам в те времена, например, по звонку сверху не дали сыграть концерт, организованный в Кирово-Чепецке, хотя уже висели афиши в городе и были проданы все билеты.

Прически концертные нам накрутили не в парикмахерской, а прямо в нашей комнате две сестры. А химия была тогда только у Пуха, у Кремлёва были свои природные кудри.

Аппарат на сцене был наш, чепешный, добавленный личным аппаратом "Эстрада" (был в те времена такой) парнем, проводившим в ДК Металлургов занятия по аэробике. Кто сидел за пультом, не помню... Из нашей репетиционной комнаты, довольно большой по размерам (метров 35 квадратных) все музыкальное оборудование ушло на сцену, и освободившееся пространство кроме нас заселили музыканты еще двух кировских групп. Гостей предполагалось разместить отдельно.

На сцену выкатили мою личную ударную установку "Амати" оранжевого цвета, на которой я репетировал в ДК, плюс я приволок из ОНМЦ, где я тогда работал, и где были точно такие же "Амати", второй большой барабан оранжевого цвета, получился комплект с двумя большими барабанами, что по тем временам было крутой редкостью. Потом оказалось, что

барабанщик гостей Георгий Гурьянов играет стоя, он убрал в перерыве все лишние барабаны, сдвинул их рядом с собой на сцене, оставил для себя только необходимое.

Народу в зале собралось много, человек 200. Когда перед концертом я вышел на улицу покурить, было уже темно, и оказалось, что очень много людей не могут попасть в ДК, так как билеты в кассе закончились. Молодой парень, он был с девушкой, подошел ко мне и спросил, нет ли у меня свободного билета. Я отдал ему две свои бесплатные проходки с "Колобком" – эмблемой рок-клуба. Каждому из музыкантов давали тогда по два пригласительных билета, а мне пригласить из друзей никого не удалось. "Ты кто?" – спросил удивленный и неожиданно обрадовавшийся парень. "Колобаха", – подмигнул я в ответ...

Мне было тогда 23 года, я был молодой пацан, и для меня Ленинград был все равно что Нью-Йорк. После выступления "КИНО" мы оказались с ними в одной комнате, но ни с кем мне так и не удалось пообщаться. Мне запомнилось только, что все "киношники" были в черном и все в длинных черных пальто из 1960-х, такие тогда в магазинах было не купить.

Когда после концерта все музыканты собрались вместе на сцене, был устроен "Музыкальный ринг" по типу телевизионного. Мне запомнился только один вопрос – барабанщику "КИНО". То ли коммунист, то ли комсомолец, то ли "засланный казачок" спросил Густава, который с начала выступления был в футболке: "Молодой человек, почему вы себе позволяете раздеваться на сцене по пояс? Вы же играете музыку для приличных людей?"

"Мне просто жарко", – ответил Георгий.

Я вступился за него, взял микрофон: "Вот вы же сидите в пиджачке и в галстучке, вы же не на работе сейчас. Вы сидите и отдыхаете, а человек работает, выкладывается, и для вас в том числе. Вы попробуйте выйти на сцену, когда вокруг светят и жарят софиты. Люди за концерт "скидывают" на сцене по несколько килограмм... Он же не догола разделся...".

Марина Селезнева, художник-керамист:

«Мы дружили в те времена с Джеки и его женой Татьяной, именно они и пригласили меня на рок-концерт в ДК Metallургов октябрьской осенью в 1986 году, встретили и провели в зал. Выступления кировских групп я не помню, скорее всего, я оказалась в ДК перед концертом "КИНО". Зал был полон, и мы сели прямо на пол и оказались почти рядом с импровизированной сценой.

Запомнились удивительная пластика Цоя и его свободные перемещения на условной сцене, в пространстве ринга из натянутых канатов. Это было пластическое звуковое высказывание. Энергетика поющего, танцующего Цоя свободно уходила к слушателям-зрителям. Выступление было длинным, и после него от вербального общения со зрителями Цой отказался. Он давал понять, что устал, что общался песнями.

Снега в тот день не было, но когда мы возвращались с концерта, было холодно и очень темно. Еще запомнилось, что рядом со мной на остановке оказался Малков с детьми, который разрешил детям влезть на дерево, чтобы согреться...».

Директор ДК Metallургов Людмила Пикова сильно рисковала, приютив у себя в учреждении рокеров. Впрочем, спортивный зал ДК едва ли мог считаться идеальной концертной площадкой, но выбирать в тех условиях особо не приходилось. Концерт "КИНО" сопровождали сложности – в частности, с ними столкнулись ставившие свет перед выступлением Виктора Цоя специалисты "Светового салона" (коллектив электроцеха Кировского ТЮЗа). Размещать световые приборы в спортзале ДК Metallургов было технически трудно, и в результате огромное пространство зала "съело" все световое оформление.

15 ноября 1986 года Цой с Каспаряном выступают в Ленинграде, в зале ЛГИ имени Плеханова, для студентов Горного института.

Алексей Генник:

«Могу рассказать о концерте в ЛГИ: там были только Цой и Каспарян, а во втором отделении были "Телевизор" с Борзыкиным – с которого все ушли (не от неуважения, просто после Цоя хотелось полноты бытия...). Цой же был прекрасен. Это примерно конец ноября 1986-го... К тому времени у меня уже был опыт вписок на "Аквариум" или "Звуки Му" – как грузчика аппаратуры или помощника звукооператора, но здесь концерт проходил официально, для студентов Горного. Из "КИНО" приехали только Цой и Каспарян. И дали жару – конференц-зал на ушах стоял, все требовали "Восьмиклассницу". Они так и не спели ее, зато были "Алюминиевые огурцы", "Троллейбус", "Генерал", "Я иду по городу в зеленом пиджаке" – короче, было очень круто. Цой был в кожаном плаще, Каспарян в короткой косухе, без баса и ударных они дали концерт на полтора часа».

Чуть позже Цой по приглашению едет в Долгопрудный, где дает пару акустических концертов в студенческом клубе «Кофейня» (по другой версии, «Коллеги») Московского физико-технического института. У устроителя этих концертов сохранилось несколько довольно неплохих фотографий. Автор некоторых из них – Георгий Степанов – поделился своими воспоминаниями.

Георгий Степанов:

«Давно дело было, осенью 1986 года, скорее всего – в ноябре. Кто еще снимал Виктора, я не знаю. Могли многие, но я никого не знал. Был тогда глуп и мал, и снимал его мало. Конечно, у меня есть пленки-исходники, так что могу выслать эти кадры в чуть большем разрешении... Все мои снимки сделаны в клубе "Коллеги" на физтехе, где он и выступал – это 1-й этаж 7-го корпуса общежития МФТИ, там тогда наш факультет жил. Мы тогда уже были немножко знакомы с его песнями, и несколько хорошо знакомых и любимых он спел, но мне запомнилась только та, что я до того не слышал – "Электричка везет меня туда, куда я не хочу"...».

Из воспоминаний:

«Я видел Цоя один раз, примерно в 1986 году. Обещано было выступление "Звуков МУ", "Бригады С" и тогда очень уже знаменитого "КИНО". Однако концерт откладывался из-за того, что один из московских музворотил выразил досаду, что ведущие всего этого дела в восторженности как-то его оттерли на второй план, не выставив на сцену какую-то существеннейшую часть аппарата. Пока это тактичное напоминание о себе доходило до сознания ведущих, шло время. Атмосфера из-за страшной накуренности и всеобщей истерики делалась почти невыносимой. Поэтому я слонялся по залу без дела и случайно увидел Цоя. Он и другие музыканты "КИНО" сидели за столиком, не ввязываясь ни в какие разговоры. Цой, казалось, был очень раздражен происходящим. Он сидел абсолютно неподвижно, курил и пил воду. Смуглое лицо его было мрачно. На запястье блестел массивный желтый браслет. Он напоминал какого-то якутского идола. Конечно же, именно он, неподвижно сидящий в центре этой неопишуемой московской суеты, был достоин поклонения, как никто другой».

Заканчивается год декабрьскими концертами в Москве (в кафе «Метелица») и Ленинграде (концерт в ДК Связи и в ЛРК, на дне рождения К. Кинчева).

Открытое столкновение произошло 6 декабря 1986 года в кафе «Метелица». Комсомол решил провести день творческой молодежи и выделил каждому жанру одно из центральных кафе на Калининке. Рокерам выставили неплохой аппарат от Намина, и хотя пропуск распределялись строго бюрократически, вся подпольная мафия пришла поглазеть на новый облик быв-

шего притона фарцов и наркоманов. Но до того, как Гарик Сукачев, Цой и другие возьмутся за гитары, предполагалась открытая дискуссия.

Однако пробравшийся вопреки воле организаторов концерта на сцену Святослав Задерий (представлявший уже тогда группу «Нате!») тоже исполнил две песни – «Шпиономания» и «Антиромантика», после чего устроители концерта, запуганные дежурившими в зале сотрудниками КГБ, вырубili электричество выступавшей вслед за «Нате!» группе «КИНО». В результате толпа зрителей распевала цоевскую «Электричку» под дробь ударных, не забыв при этом слегка «настучать» по голове электромонтеру-любителю, разбиравшемуся с проводами у пульта... По счастливой случайности Сергей Борисов, заплативший червонец швейцару, смог пронести в зал видеокамеру и сделать запись, которая дошла до поклонников, правда в несколько урезанном виде...

Илья Смирнов:

В кафе «Метелица» на официальном комсомольском мероприятии Слава Задерий спел явную антисоветчину, власти спохватились и выключили электричество Цою...

Сергей Борисов, фотограф:

«Я посещал много разных мест и выставок, таская с собой как фото-, так и видеокамеру. Я даже не в состоянии вспомнить сразу, где я тогда успел побывать. Но некоторые события помню отчетливо: например выступление в "Валдае", где была и выставка, и уже звучало слово "АССА" – как заклинание или боевой клич. Тенденция многих модных центровых мест требовала впихнуть все самое новое и малоизвестное.

В "Метелице" было запрещено снимать, и я был вынужден сдать сумку с камерой в гардероб. Там тоже был винегрет из Криса Кельми и Макаревича – это было уже не их время, но они об этом еще не знали – и были заявлены действительные герои этого времени: "Черный обелиск" и "КИНО". Поэтому я, пользуясь советским организационным дебилизмом, вернулся в гардероб, взял сумку, вынул камеру в туалете и пошел снимать. Запрещали и обыскивали только на входе. Во время выступления "КИНО" администрация (с красными книжечками в кармане) после первой же песни попросила их покинуть сцену. Но Цой, не обращая на это внимания, запел "Электричку". Менты отключили электричество, но они явно не понимали, с кем имеют дело: концерт продолжился в акустике. Зал стал скандировать вместе с Цоем: "Электричка везет меня туда, куда я не хочу". Это произвело очень сильное впечатление. Менты вылезли на сцену и объявили, что концерт окончен по техническим причинам. Я не знаю точно, что подразумевалось под словом "АССА", возможно, остальные тоже, но это "что-то" понеслось и стало сильно напрягать администрацию культурных мест».

Георгий Гурьянов:

Я помню прекрасно. Очень хорошо помню этот концерт. Но поиграть там так и не удалось. Две-три песни, и все...

Юрий Каспарян:

«Этот концерт можно увидеть на YouTube. Мы смеялись, потому что это было уже то время, когда все стало можно, ну реально все это уже не преследовалось. Это как Ахматова говорила про Бродского: "Вон как нашего рыжего прижали, карьеру ему делают". Вот примерно так и у нас получилось. Такой героический угар. Я все понимаю, но просто реально уже все было можно, а тут какие-то запреты. В общем, у людей какие-то рефлексy сработали последние. Причем нам это и не нужно было в принципе. Обычный концерт был бы веселей. А тут получилось такое нечто с диссидентским налетом. А мы никогда не были диссидентами».

Всеволод Грач, директор группы «Зоопарк»:

«Никаким особым бунтарем Цой не был. Это вот Миша Борзыкин, или Кинчев ранний, или на худой конец Рикошет... Песня "Перемен", как сам Витя говорил, совсем не о том, просто так фишка легла, что она стала бунтарским молодежным гимном. Такое бывает. Точно так же Джаггер поражался лет за 20 до того, что "Стрит Файтинг Мэн" стала гимном молодежной революции 68-го, хотя он вовсе это не подразумевал, когда ваял текст.

Ну, а уж в период начала 80-х – какой там бунт? Некое, может, стремление к анархии, свойственное молодежи в принципе, не более того. Впрочем, и это Цой через пару-тройку лет обстебал в ряде песен, и достаточно жестко. Можно вспомнить (помимо "Мамы-анархии") уморительную строчку из "Бошетунмая": "Все говорят, что 'Мы вместе!'", но никто не знает в каком"! Я в первый раз услышал у Сашки Старцева – просто со смеху poleg».

Что же касается выступления «КИНО» в рок-клубе на дне рождения Кинчева, то, как вспоминали очевидцы, сам юбиляр во время исполнения цоевского «Транквилизатора» танцевал в одном из проходов, чем жутко забавлял публику, не замедлившую к нему присоединиться...

Инна Волкова, участница группы «Колибри»:

Я помню, сидим мы в рок-клубе, в какой-то гримерке под столом, прячемся, билетов не было, мы в окно залезли. Тут входит Цой в плаще, смотрит на пол, а там мы сидим под столом и смотрим на него. Он помялся и говорит: «Ребята, закурить не найдется?» У меня, конечно, было, но я потеряла дар речи от возможного контакта с Цоем. А смелая Ира красивым длинным жестом от пола ему: «Держи!»

В декабре 1986 года Цой знакомится с французом Жоэлем Бастенером, которому в будущем предстояло сыграть определенную роль в истории группы «КИНО».

Жоэль Бастенер, музыкальный продюсер:

«Не помню, честно, познакомились то ли у художника Андрея Медведева, то ли у Сергея Фирсова. Во всяком случае, нас могли бы познакомить разные люди: от Курёхина до Африки, так как мы бывали в гостях у тех или других. Где меня тогда только не было... Меня видели почти везде, кроме квартир тогдашних "понтов", которые уже тогда давали понять, что они не "с улицы" и имеют дело с элитой: у Боба я не бывал, и у Титова тоже нет, несмотря на то что в Москве я встречался с людьми гораздо другого размера. А Питер – там параметры были иного плана. Ориентира не хватало, по-моему, жили как в облаках. Это все было в декабре 1986 года.

У меня в то время были друзья типа членов семьи Натальи Минц, деятели театра и кино другого поколения. И заодно я имел отношение к подпольной литературе тех времен, будучи поклонником Юрия Мамлеева, который жил во Франции. Меня интересовали битники, диссиденты, только не те, кто бросался к ногам американского образа жизни, а те немногие, которые мечтали о новой форме, новом подходе к процессам освобождения... Это трудно себе представить, но таких было немало, в Париже, в Западном Берлине, в разных городах Италии...

Группу "КИНО" я слышал у многих: у художников в основном. Мы часто общались с Виктором до начала мая. Потом я уехал и целый год не приезжал в Россию. На момент знакомства с музыкантами "КИНО" я совершенно не воспринимал их музыку. Я увлекался более сложными формами, слушал, к примеру, freejazz, ведь я учился музыке по классу фортепиано и чувствителен к классическому или необычному звучанию, люблю арабскую музыку, индийскую, иранскую... Из рок-музыки я на тот момент воспринимал лишь экстремальное и надрывное (Ian Curtis, Jim Morrison) или, напротив, юмористическое, в стиле Френка Заппы. Что касается "КИНО", то я не разделял и их пристрастия к красивой одежде, стилизации, которая

делала «киношников» похожими на мальчиковую группу. Сам я любил качественные вещи, предпочитал винтаж, носил чуть затертые знаменитые бренды 50-х. И поначалу они не понимали природы моего снобизма, но через несколько месяцев общения поняли. Трое из них были как я, и многие пристрастия Цоя тоже имели чисто эстетическую природу...

Мое субъективное восприятие положения не было понятным для большинства собеседников. Однако мы с художником Олегом Котельниковым прекрасно общались, что вызвало уважение со стороны Гурьянова и самого Цоя. С остальными художниками я тогда особо не общался – они ничего не понимали в музыке и не уважали Натали Минц. Зато я с удовольствием говорил о музыке с Цоем, который оказался гораздо более подкованным в этой сфере, чем можно было предположить. Цой все выбирал осознанно, многое перепробовал, и у него было потрясающее чутье на мелодии. Курёхин, кстати, тоже очень высоко ценил Виктора. Он любил и меня за близость наших музыкальных культур и мои нестандартные политические воззрения. С Сергеем мы много смеялись... А вот художники полюбили меня только тогда, когда увидели, что я могу им помочь в реализации их проектов, то есть после фестиваля в Бурже. В 90-е я часто останавливался у них, и на Мойке, и в других местах.

Я не скажу, что Цой меня как-то особенно любил, и я точно его частенько раздражал. Несомненно одно: я его завораживал, как и он меня. Мое увлечение им было парадоксальным, ничто не могло объяснить нашего взаимного интереса. То же самое происходило между ним и Сашей Липницким. Они тоже полные противоположности. Но разница наших позиций была к моменту знакомства поистине огромной: я путешествовал по жизни «туристом», избегал работы, поскольку по отцу происхожу из старинной семьи художников, ювелиров, иллюстраторов, художников по фарфору. В XVIII моим предкам был пожалован дворянский титул. То есть, по классификации Бальзака, они были "подлинными аристократами". То есть вы представляете себе разницу между мной и юным пролетарием, которого псевдоинтеллектуалы презрительно величали пэтэушником? Ведь пролетарий, порождающий искусство, – невероятная редкость.

К моменту приезда в СССР я закончил факультет германистики, увлекался философией и начал изучать Восток. И в России у меня практически не было адекватных собеседников – меня окружали разномастные трепачи и патологические лгуны. Слушая их, я постоянно вспоминал слова Витгенштейна: "Не стоит говорить о том, чего нельзя высказать". И был ровно один русский музыкант, который умел промолчать, когда чувствовал, что не может сформулировать неведомое или не до конца понимает происходящее. Цой был единственным, кто взвешивал каждое сказанное слово. Именно поэтому его слова имеют такой большой вес, какими бы простыми и будничными они ни казались...».

Роман Смирнов, театральный режиссер:

«Приближался Новый год. Как-то мне позвонил Курёхин.

– Ромка, привет, как живешь?

– Отлично.

– У меня "Поп-Механика". Через неделю, в ДК Ильича. Ты можешь поговорить со Складом? Мне "Комарово" нужно.

– Я поговорю, но не знаю, согласится ли... Он же у нас звезда...

Игорек отнесся к предложению очень серьезно, и в назначенный день мы со Складом приближались к ДК Ильича. На подступах к ДК роилась толпа желающих, типа аншлаг...

За кулисами дурдом. Сережа уже невменяем, мечется из одной гримерки в другую. Что-то кому-то кричит. Суёт в руки какие-то бумаги. В глазах безумие. На сцене беспредел.

Одновременно настраивалась симфоническая группа и группа "КИНО". Витя как всегда. В черном... Юрик – почти в чем мать родила, только на лице нев...бенный грим...

Мы с Игорьком сели в самую глубину зрительного зала. Там полутьма, гогот, дети.

– «Ассу»! «Ассу» давай!

Играл оркестр... Из-за кулисы выплыла оперная дива. Она сложила руки на груди и заголосила что-то пронзительно-классическое... Неожиданно из-за кулисы выполз Гаркуша, затем Юрик в одних узеньких плавках, с гитарой наперевес. Он шел спокойно и просто, словно из спальни в ванную. Дива продолжала звенеть... Юрик подключил гитару, которая тут же начала жутко фонить. Он попробовал что – то убрать на усилке. Но это только усилило всеобщий шумер. Звон, визг, Гаркушин балет, невозмутимые симфонисты...

Юрик справился с гитарой и начал периодически цеплять струны, не особенно заботясь о том, чтобы попадать в такт с задумчивыми симфонистами. Его окружили какие-то девчонки и стали оцеловывать... Когда они уплыли за кулисы, Юрик остался стоять на сцене с ног до головы в губной помаде...

На сцену вышла группа "КИНО" в полном составе. Играли что-то роковое и грозное. Витька уставился в пол и тряс в такт шевелюрой. Тиша по своей привычке – в потолок, чуть покачивая головой. Симфонисты ждали своего такта...

Когда "КИНО" утомилось, в полной тишине зазвучала "Прощальная" Гайдна... Под нее музыканты вставали и величаво покидали сцену. После снова врубилось "КИНО". Сцена заполнялась саксофонистами, трубочками, барабанами...

Скляр схватился за зонтик, вылетел на сцену и заскакал, как подраненный заяц. Его узнали.

– "Комарово" давай!!!!

Сережа поднял тональность, и под аккомпанемент "КИНО" сотоварищи "Комарово" приобрело зловеще-маршевый характер. Напоминало что-то из Laibach...

И вот пробкой от шампанского грохнул Новый год... Первый и последний раз у меня на Садовой собралась такая толпа... Шумер начался с самого утра. Гонки по магазинам. Звонки телефонов. Еще в одиннадцать вечера, затарившись всем чем можно и разукрасив елочку, я не знал, кого и в каком количестве ждать. Обещали все, все, все...

Сначала появились молодожены – клоун Феликс Агаджанян со своей швейцаркой Аней. Были Олег Котельников, Андрюша Медведев... В половине двенадцатого раздался длинный настырный, как вой сирены, звонок. Я бросился к дверям и сразу был сбит с ног. С диким криком на меня обрушился Витька. То, что это он, я узнал по развевающемуся черному пальто. На лице маска с огромными ушами и выпученными глазами. За ним, улюлюкая, Джоанна с поросычьим пяточком в пол-лица. Потом Юрик. Замыкала шествие величая Марьяна в разноцветном парике...

Джоанна принесла какую-то специальную краску для волос, и через несколько минут все прически были в рыже-зелено-красных пятнах... Это единственная фотка, на которой Цой с рыжими волосами. Выпивать стали, не дождавшись двенадцати... К столу почему-то сели лишь фотографироваться.

Пространства казалось мало, и я орал "УРА!" прямо в открытую форточку на всю Садовую...

Мы иногда забывали про Джоанну и говорили без примеси английских слов. Она смотрела вокруг обалдело и, казалось, все понимала...

Всю ночь мы гуляли на Невском... Это был единственный год, когда мы верили, что все будет за...сь: и у нас, и в стране, в которой живем... Всю ночь "Лицедеи" у Казанского блистали... И Борька Юхананов стихи читал на паперти лютеранского собора... Помню еще, что Джоанну потеряли в толпе на Невском... Юрик (пардон – ныне Георгий) весьма сокрушался... Под утро ее нашли. Это были самые святые и чистые годы... Они прошли...».

«АССА»

В конце 1986 года произошло важное событие в жизни Цоя: он дал согласие сняться в фильме Сергея Соловьева «Асса». Это предложение поступило в ходе московских концертов «КИНО».

С творчеством Цоя Соловьев познакомился весной 1985 года на постановке студента своей мастерской Рашида Нугманова «Маленькие голландцы», которая почти полностью шла под песни «Аквариума» и «КИНО».

По словам Нугманова, Сергей Александрович тогда впервые увидел «живьем» реальных представителей «альтернативной культуры» и всерьез увлекся ими, поэтому к моменту завершения монтажа фильма Нугманова «Йя-Хха!» уже знал, кто такой Цой.

По совету Рашида Нугманова Соловьев поехал в Ленинград, где познакомился лично с героями питерской тусовки. Понимая, что в определенном смысле за этими людьми будущее, Соловьев решил использовать их в своем фильме. Интересно, но, если верить словам Соловьева, – поначалу Цоя не было в списке «избранных». Только после просмотра «Йя-Ххи!» Соловьев оценил, какую мощь Виктор придал финалу ленты Нугманова, и понял, что песня «Мы ждем перемен» – абсолютно беспроблемный билет. Поэтому эпизоды с участием Виктора были вписаны в фильм уже по ходу производства и остались, по мнению самого Цоя, «вставным зубом».

«Асса» снималась в Ялте с января по март 1987 года. Досъемки проходили в Питере в мае того же года.

Марьяна Цой:

«Цой с большим энтузиазмом вписался в это дело, у него начались поездки в Ялту, где шли съемки, а по возвращении он отрабатывал в “Камчатке” пропущенные смены, которые “в долг” отрабатывали без него друзья».

Еще в процессе подготовки к съемкам в декабре 1986 года на «Мосфильме» Цой познакомился с Наталией Разлоговой. В своей повести «Точка отсчета» Марьяна Цой напишет, что все происходившее между Виктором и Наталией «было очень серьезно».

Георгий Гурьянов:

«Наташа работала на этом фильме “Асса”. Очаровательная Наташа... Я приехал раньше, тусовался там, со всеми познакомился, и уже потом приехал Витя. Он же в финальной сцене только участвовал. И вот, значит, я сразу ему рекомендовал Наташу как очаровательную девушку, с которой можно общаться здесь, в Ялте...».

Юрий Каспарян:

«Наташа – светская дама, хорошо образованная. Работала переводчицей-синхронисткой – фильма с французского языка переводила. С ней всегда было интересно, весело. Они познакомились на съемках фильма “Асса”. Виктор влюбился... Я видел, что что-то у них там происходит, но не считал возможным задавать какие-то вопросы».

Марьяна Цой:

«Последний раз мы изображали с Цоем семейную пару на свадьбе Джоанны и Юрика. Знакомые для поддержания беседы что-то спрашивали меня про Витины планы, но, поскольку мы уже ничего не знали о планах друг друга, ответить мне было нечего».

Джоанна Стингрей:

«Я любила Марианну, она была в числе самых веселых людей, которых я встретила в России. Она всегда говорила то, что думала, часто шутила и смеялась над обстоятельствами, людьми и собой, при этом обладая очень мягким характером...

Я люблю Наташу, но она была совсем другой, не такой, как Марианна. Сначала она казалась немного более сдержанной, но когда я с ней познакомилась, она оказалась очень умной, и с ней очень интересно было общаться. Очень культурная, она, казалось, была частью высшего света, что производило впечатление на друзей Виктора и Марианны в Ленинграде».

Инна Николаевна Голубева:

«Сперва Цой от родителей как от чумы бежал... Потом он и от Марьяны убежал как от чумы, поскольку это тоже была другая среда совершенно, тоже мешала ему.

Есть такая даосская легенда: монах жил в уединении, ему приносили еду, а воду он пил, черпая ладонями из ручья. Мимо ехал крестьянин, пришел к монаху и принес ему выдолбленную тыкву. Говорит монаху: "Ты такой умный и бедный, вот тебе тыква, пей из нее, пожалуйста". Тот поблагодарил, принял подарок. Прошло время, монах сам приходит к крестьянину и возвращает тыкву. "Зачем же ты ее мне возвращаешь? Она тебе не нужна?" – "Она нужна мне только тогда, когда я пью воду. Когда она мне не нужна, я вешаю ее на дерево. Но в ней шумит ветер и мешает мне сосредоточиться".

Витя тогда, осенью, перед своим уходом очень интенсивно творил. Очень плодотворный период был. "Группа крови" как раз. Потом у него больше пошло про грусть".

По воспоминаниям Наталии Разлоговой, в январе – феврале 1987 года, в ходе съемок "Ассы" в Ялте, Цой спел ей две песни, "Группу крови" и "Легенду", добавив, что еще не показывал их никому. "Киношники" точных дат появления этих песен не помнят, но считают, что "Группа крови" была написана Цоем гораздо раньше.

Александр Баширов, актер:

«У меня была куртка танковая, черная такая, а на рукаве ромб. Увидев меня, Цой спросил, что это, а я пошутил: "Группа крови!", но ему этого было достаточно. Наверное, каким-то образом я к созданию великой песни причастен, но что это я Витю вдохновил, не считаю. Источником его вдохновения было совершенно другое, а не конкретно кто-то или что-то. Думаю, у него спросить надо. Когда-нибудь...».

Никто не знает, откуда у Цоя родился такой необычный героический текст, тематически в корне отличавшийся от предшествующих песен группы: в то время у солдат советской армии не было нашивков, указывающих группу крови, и вообще – Цой был далек от подобных тем. Андрей Крисанов впоследствии вспоминал, что это именно он сподвиг Виктора к написанию подобных героических песен, но так ли это на самом деле и что именно его сподвигло, – знал только сам Цой.

Всеволод Гаккель:

«Я помню, что само словосочетание "группа крови" я подбросил Цою в каком-то камерном разговоре как название некой группы. Вероятно, это словосочетание где-то у него в подкорке отложилось. А потом всплыло в песне...».

С 1987 года начинается постепенное отдаление Цоя от Питера, и вскоре он переезжает в Москву насовсем. Теперь в Питере проходит минимум концертов «КИНО». А после шумной премьеры «Ассы» и выхода фильма в прокат Цой становится всенародно популярным. «Асса»

быстро стала культовой картиной, потому что это была первая игровая лента в советском прокате о необычных и чумазых обитателях андеграунда. Сам Цой в картине появляется ровно в одном эпизоде – финальном, но именно его участие в фильме и исполненная им песня «Перемен!» сделали «Ассу» тем, чем она стала. Глядя на Цоя, молодежь поверила, что «если есть в кармане пачка сигарет, значит, все не так уж плохо на сегодняшний день», можно сажать «алюминиевые огурцы на брезентовом поле» и ждать урожая.

Вместо тепла – зелень стекла,
Вместо огня – дым,
Из сетки календаря выхвачен день.
Красное солнце сгорает дотла,
День догорает с ним,
На пылающий город падает тень.

«Перемен!» – требуют наши сердца.
«Перемен!» – требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен:
«Перемен! Мы ждем перемен!»

Электрический свет продолжает наш день,
И коробка от спичек пуста,
Но на кухне синим цветком горит газ.
Сигареты в руках, чай на столе – эта схема проста,
И больше нет ничего, все находится в нас...

Что же касается рассказов Соловьева о том, что ему якобы на пробах не понравился Цой и он его сначала выгнал, то это не более чем фантазия – ничего подобного не было.

Рашид Нугманов:

«Это обезоруживающая, веселая фантазия Сергея Александровича. Не могу себе представить, чтобы Соловьев выгнал Цоя, а тот потом опять влез к нему. Совершенно другой человек Виктор: он никогда бы не вернулся туда, откуда его выгнали. Могу засвидетельствовать, что Соловьев благоговел перед Цоем. Какое там "выгнал"... Наверняка сказано для красного словца, ведь Соловьев великолепный, захватывающий рассказчик, а увлекательный рассказ требует творческой фантазии».

То же самое можно сказать относительно слов Сергея Александровича о том, что Цой впервые в Ялте увидел настоящее море. Простите, а кто же тогда, как не Цой, отдыхал с Рыбой в Морском?? Причем задолго до какой бы то ни было «Ассы». Хотя, очевидно, Соловьеву гораздо приятнее считать, что это именно он показал Цою настоящее море, научил его кататься на мотороллере по пляжу, и прочее, и прочее...

Если анализировать события, произошедшие с Цоем в течение двух лет, с 1986 по 1988 год, можно увидеть, как стремительно развивалась его жизнь. Съемки в кино, концерты в разных городах, новые встречи, фестивали – и в то же время работа в котельной (нужно было на что-то жить и кормить семью, а концерты и съемки практически никаких денег не приносили). О чем он думал, когда кидал лопатой уголь в печь? Может, о том, как просто подобным образом дать тепло людям, и о том, будет ли такой же эффект от творчества? Сохранились записи его тогдашних «квартирников» в Москве: Цой исполняет все свои лучшие песни,

написанные довольно давно, но голос его звучит как-то печально, и песни словно меняются от этого, приобретая вкус скорби, который затем так отчетливо проявится в последних альбомах группы «КИНО». Рок-музыка пробивалась в официальный мир, становилась коммерческим продуктом. Фильм Сергея Соловьева «Асса», собравший, помимо актеров, питерских рок-н-рольщиков, – Сергея «Африку» Бугаева, «Аквариум», «КИНО» и «Браво», – был презентован в Москве с огромным размахом. Это была безоговорочная победа – вчерашний андеграунд вышел на «большой экран», и миллионы зрителей во всех концах огромной страны воочию увидели героя нового времени. Затянутый в черное, киновеничный Цой стремительно шагнул в развевающемся плаще по нескончаемому коридору под начальный рифф песни – и вдруг врывался на сцену огромного зала, забитого молодежью. В этот момент Виктор олицетворял собой победу – под новый хит «КИНО» «Мы ждем перемен» (по просьбе Соловьева «КИНО» не исполняло эту песню на концертах, «придерживая» до выхода фильма) в зале зажигались свечи, и все вместе рождало ощущение пьянящего духа свободы и уверенности в скорой победе несбыточных надежд. Сам же Цой хорошо знал себе цену и иронично подстебывался в кругу друзей: «Правда, я похож на звезду?»

Георгий Гурьянов:

«По поводу песни "Перемен". В ней нет никакой политики. Совершенно. Абсолютно философский трактат, чисто внутренний мир. Но после смерти Виктора, буквально через год-два, эта песня стала как знамя... Каждый понимает как хочет, по-своему, но нужно знать и понимать немножко, о чем именно идет речь...».

Юрий Каспарян:

Песня "Перемен" – это романтический взгляд Цоя на мир... Не более того. Никаких политических призывов в ней нет.

Виктор Цой:

«Я подразумевал под "переменами" освобождение сознания от всяческих догм, от стереотипа маленького, никчемного, равнодушного человека, постоянно посматривающего "наверх". Перемен в сознании я ждал, а не конкретных там законов, указов, обращений, пленумов, съездов».

Анатолий Соколов, кочегар котельной «Камчатка»:

«Цоя больше интересовал творческий процесс. Остальное придумали. Многие ведь политизируют песню "Перемен". На самом деле она о внутренних решениях человека. Виктор вообще аполитичным был. С системой на самом деле не боролись, нам просто хотелось делать то, что мы делали. И чтоб никто не мешал. И потом, не забывайте, что при всей серьезности Виктор Робертович говорил иронически. Когда вокруг "КИНО" уже ажиотаж поднялся, он как-то отловил меня, встал в позу, скорчил серьезное лицо и поинтересовался: "Правда я похож на звезду?" Если честно, Цой всегда знал себе цену. Вряд ли бы он сейчас занимался рок-н-роллом. Его тянуло в разные стороны, очень любил кино».

Сергей Жегло, журналист:

«У Соловьева однажды возникло сомнение относительно Африки, и он решил в этой роли снять меня. Я в результате посмотрел хренову кучу фильмов французского кинематографа новой волны в директорском просмотровом зале "Мосфильма" – часть просранного материала с Африкой Соловьев мне в университете на Манежной показывал. Речь шла о том, что я поеду в Ялту развлекаться зимой. Я тогда в художественно-техническом училище учился на столяра (таким образом можно было статью по тунеядке обойти – не послали бы на высылки

за сто первый километр с принудительным участием в земляных работах). Заходил иногда во ВГИК в красивых одеждах. Помню (это без всякой связи с Соловьевым, естественно), выхожу однажды отмороженный, лыка не вяжу вовсе, спускаюсь в метро, захожу в вагон, а там такой пижон сидит: справа от него торт в коробке, слева – шляпа широкополая. Я над ним нависаю с прущим из меня остервенением, и он убирает то ли торт, то ли шляпу, я падаю рядом. А вечером прихожу в гости и вижу этот дурацкий торт. И узнаю, что это Георгий Гурьянов был, барабанщик "КИНО". Ну и остальная группа, само собой, туда пришла тоже. Я им быстренько поставил сборник ремиксов Yello, и они были благодарны мне. Потом, правда, пришел какой-то сученыш вгиковский, который стал рассказывать, как фашистские идеи уже овладели всеми, и все, включая Цоя, заметно приуныли. Обычная была ложь... С Башлачевым я примерно так же, как с Цоем, дружил – странным образом, и тот, и другой мне песни в полумраке пели наедине. Типа, сидя напротив и нахмурившись серьезно. Башлачев пел "Время колокольчиков", как сейчас помню, и еще что-то... Но с Цоем я чаще встречался».

Мы не будем особо заострять внимание на фильме «Асса». Этой теме посвящено немало телепередач, есть масса свидетельств, рассказов, включая воспоминания самого Соловьева, который неизменно красочно, хоть и не всегда правдиво, описывает события тех дней.

Дмитрий Шумилов, музыкант группы «Вежливый отказ»:

«Я не сразу понял весь масштаб фигуры Цоя. Наверно, это тот случай, когда нет пророка в своем отечестве. Проще говоря, трудно трезво оценить того, с кем выпиваешь. Тем более Цой всегда говорил, что он поп-музыкой занимается. "Чем занимаешься?" – "Поп-Музыкой". Я помню, он приехал в Ялту и говорит: "Вот, я новую песню написал". Это была песня "Бошетунмай": "Все говорят, что мы вместе, все говорят, но немногие знают в каком". Песня всех рассмешила. Я помню, как он летал по перилам в гостинице, как ниндзя какой-то, ну Брюс Ли – самое очевидное сравнение. Он самый сильный до сих пор, никто его не превзошел. Совершенно самодостаточный человек, отдельная единица. Он как в фильме был Цой, так и вне фильма, в жизни был такой же Цой. Можно было бы сказать, что он сыграл самого себя, с единственной оговоркой – в реальной жизни он не пошел бы работать музыкантом в ресторан. Собственно, он начинает играть песню "Мы ждем перемен" в ресторане, и только потом появляется толпа в Зеленом театре. Меня всегда удивляла эта сцена: с одной стороны – "Мы ждем перемен", с другой – вот он говорит с этой теткой-администратором, потом встает и идет – а куда он идет? На ту же сцену, в тот же ресторан играть».

Юрий Шумило:

«Впервые я увидел Цоя в "Тавриде", где мы снимали все ресторанные сцены. Вижу: бродит по площадке такой высокий азиатский человек в черном. Посторонние на площадке – это моя зона ответственности. Подхожу, спрашиваю: "Почто здесь?" А он мне: "Я к Соловьеву приехал". Переспрашиваю Соловьева: "К вам?" А Соловьев: "Ты чего, Юрик? Это же наш композитор, знакомься – Витя Цой". Познакомились. Я увидел у него значок Шаолиня. Говорю: "Ты чего, имеешь какое-то отношение к этой теме?" Наверно, отсюда и взаимная симпатия возникла. Стали в перерывах всякие единоборческие темы обсуждать. Но фанатом Цоя я стал позже, когда снималось начало сцены с песней "Мы ждем перемен". Он встал на сцене ресторана, на площадке громко включили фонограмму (в кино ведь все под фанеру снимается), я стоял за камерой, за Павлом Тимофеевичем, и был буквально оглушен мощью, которая обрушилась из динамиков. Цой со своей кошачьей пластикой тоже впечатлил. Прямо уши к голове прижало. Павел Тимофеевич стоял, смотрел в дырочку (тогда еще камераменов никаких не было) и, когда закончился трек, повернулся ко мне и сказал: "Ну что, Юрок, понял?" Он-то к тому времени уже слышал это все. А меня оглушило. После этого я подсел на Цоя, для меня

это было какое-то полное откровение – это ведь был тот же парень, с которым мы только сейчас болтали про Шаолинь и которого за звезду никто по большому счету не держал. Их вообще тогда никто звездами не считал. Были какие-то странные пацаны в странных одеждах, с гаджетами, которых мы тогда не видели. А у них тем временем уже была связь с границей, была Джоанна Стингрей – какой-то заступ за кордон, во всяком случае в виде предметов материальной культуры. Они уже были одеты иначе, чем мы, и вот эта одежда во многом отразилась в имидже Бананана. Помните этот их проезд с Крымовым в троллейбусе? Все эти очки, хламиды, большие американские ботинки – это казалось тогда странным и неожиданным. Мы понимали, что это модно, но модно как-то по-другому...

Когда на повестке дня встал вопрос съемки сцены в Зеленом театре, второй режиссер Витя Трахтенберг направил меня в парк Горького. В то время там уже проходили какие-то концерты, но были они вялые, на ползала. Когда собирались люди, я брал микрофон в будке, которая наверху амфитеатра, и довольно корявым языком вещал: "Будет такая-то съемка, приходите тогда-то, будут те и эти..." Доносил информацию. В версии Сергея Александровича решающими были звонки Вити Цоя по трем телефонным номерам, после которых волшебным образом собрался полный Зеленый театр. Этот поэтический образ меня тоже устраивает. Когда стали думать, откуда брать массовку, Цой сказал: "Да не волнуйтесь вы, два телефонных звонка – и все придут". Понятно, что для любого киношника, тем более тогдашнего, вообразить себе это невозможно. Поиск массовки, работа с ней – это самое тяжелое, что можно себе представить. И когда Соловьев все это увидел, он, естественно, был в глубоком обмороке. Поверить в это было трудно».

Андрей Самойлов, музыкальный продюсер:

«После фильма "Асса" приехали в Москву, надо было снять финальную сцену в парке Горького, в Зеленом театре. Соловьев говорит: "Надо завтра дать рекламу по радио и телевидению". Цой сидит так: "А чего рекламу давать? Надо пацанам позвонить двоим, завтра все придут". Соловьев говорит: "Да нет, нужна массовка по полной программе". Витя говорит: "Да не надо". Три-четыре номера набрал: "Я буду завтра петь в Зеленом театре". Часов с шести утра парк Горького начали заполнять. Снимали сцену вечером. Можете себе представить, что творилось в парке Горького, а уж в Зеленом театре – вызвали кучу милиции, ОМОН. Туда войти было просто невозможно. В два часа дня парк был забит полностью».

Рената Литвинова, актриса:

«У моего сокурсника Аркадия Высоцкого одно время останавливалась группа "КИНО" в неполном составе, но главное – впервые я увидела лежащего Виктора Цоя именно у него на диване. Это был молчаливый парень, весь в черном, высказывающийся про все весьма кратко. Например, на восторги влюбленного Аркадия по поводу его дамы сердца он отозвался двумя словами: "Хорошая девчонка". "И все?" – спросила я тогда, но подруга моя, про которую он это сказал, очень гордилась этим высказыванием и находила его весьма исчерпывающим. Виктор уже тогда был кумиром, всеми обожаемым, отстраненным. Как принц, накручивал на себя шарфы, закатывал рукава на черной куртке. Но подражать ему было трудновато – он передвигался как кошка, волосы, казалось, стояли ирокезом сами по себе, по-корейски. Узкие глаза, которые он подводил, копировала даже я. Если нужна была толпа на съемки для фильма "Асса", он совершал всего один звонок, и в указанное время в Зеленом театре стояла огромная толпа и бесплатная массовка для финальной сцены!»

Аркадий Высоцкий, сценарист, режиссер:

«Я действительно был немного знаком с Виктором Цоем и остальными ребятами из группы "КИНО", но у меня нет никакого желания делиться этими воспоминаниями. Кроме

того, я уже очень плохо помню все, что тогда происходило... У меня есть фотографии, но ни точной даты, когда эта пленка была снята, ни обстоятельств съемки я уже не помню. Единственное, что помню – это ВГИК, место, которое мы называли "переход" – остекленный коридор вел от главного корпуса к учебной студии. Не уверен, но возможно, это тот момент, когда Цой приехал озвучивать "Йя-Хху", учебный фильм Рашида. Но, возможно, это снято годом позже, в тот день, когда после скандала в "Зеленом театре" на съемках "Ассы" мы с Рашидом по просьбе Тани Друбич уговорили Цоя остаться в Москве и встретиться с Соловьевым во ВГИКЕ. Других эпизодов посещения Цоем ВГИКа я не помню.

Вообще-то Витя с Юрой Каспаряном у меня вдвоем были только один раз, ночевали пару ночей. У них был концерт в Дубне, они приехали, и днем мы были во ВГИКе, а вечером ездили на концерт, возможно, это все снято именно в тот приезд».

Георгий Острецов, художник, модельер:

«Сохранилась фотография – мы в коридоре ВГИКа, когда "Йя-Хху" готовили... Это моя единственная встреча с Цоем. Мы провели день в одной компании, но потом не общались. Цой с Каспаряном все время играли в кунг-фу, чем привлекали общее внимание, было весело, но сам Цой был уже на пике славы. Как Котельников потом сказал: "Что ты хочешь, чувак в цепях имиджа"».

Перед съемкой финальной сцены фильма с выступлением группы «КИНО» по замыслу режиссера был устроен небольшой, разогревающий публику концерт. По многочисленным воспоминаниям, первой выступала группа «Вежливый отказ», затем «Звуки Му». Поскольку музыка «Вежливого отказа» была достаточно специфична, часто прерывалась всевозможными перформансами, то поклонники «КИНО», ждущие Цоя, недовольно свистели и выкрикивали: «Уходи-и-и!!! Оставь телефон – и иди-и-и!!!»

Когда же выступление «Вежливого отказа» закончилось под одобрительные вопли зрителей, не очень вежливо отказавших (в большинстве своем) этой группе в уважении и понимании их музыки, на сцену вышли «Звуки Му», которые уже тогда были культовой рок-группой. Публика весьма и весьма оживилась, поскольку выступление Мамонова было очень интересным и на тот момент довольно зрелищным, и, разумеется, приняла все «на ура».

После выступления «Звуков Му» на сцене наконец появился долгожданный Виктор Цой, еще не «раскрученный» тогда по телевизору «кумир молодежи», а «широко известная в узких кругах» поклонников советского рок-андеграунда звезда. Восторженный рев зрителей достиг максимума. По воспоминаниям очевидцев, было очень забавно слышать из толпы крики типа: «Цой – отец родной!!!» Молодежь, увидев Цоя, буквально впала в экстаз, и, после того как группа «КИНО» исполнила пару песен и прекратила играть, зал просто взорвался.

Вышедший на сцену Сергей Соловьев попытался объяснить зрителям, что снимается фильм, необходимо помочь снять небольшой эпизод, но уже практически неуправляемая толпа, мало знакомая с творчеством Соловьева и вообще плохо представляющая, кто он такой, ничего не слушала. Собравшиеся громко требовали, чтобы «...толстый мужик убирался на хер и чтобы Витька продолжил свое выступление...».

Наконец часть зрителей, видя, что Цой со сцены не уходит, решила все-таки немного успокоиться и прислушаться к тому, что говорит этот странный «толстый мужик». В образовавшейся между криками паузе Соловьев, сорвав голос, сумел объяснить собравшимся, что он – режиссер, что он снимает сейчас свой новый фильм, что в данный момент ему нужно снять очень важный эпизод этого фильма, как раз с участием группы «КИНО», и что он очень просит всех зрителей ему в этом помочь.

Поняв наконец, в чем дело, толпа вновь радостно загудела, причем ее радость мало смущало даже упоминание о фонограмме, под которую будет петь Цой. Тех же, кто недовольно

засвистел, Соловьев успокоил тем, что, после того, как нужный ему эпизод будет снят, выступление группы «КИНО» продолжится и все песни будут дальше опять исполняться вживую, без всяких фонограмм, поскольку под фонограмму надо только снять песню в этом эпизоде, а то вживую при киносъемке нельзя.

Появившиеся на сцене трое или четверо людей из съемочной группы начали разрывать вынесенные упаковки, доставать оттуда спичечные коробки и забрасывать эти коробки в первые ряды. Сквозь вновь усилившийся радостный рев толпы зрителей Соловьев с трудом пояснил, что горящие спички необходимы для сюжета и что поймавшие эти коробки должны перебрасывать их дальше, так, чтобы досталось всем. Коробок со спичками было очень много, так что, если судить по снятому эпизоду фильма, спички достались действительно практически всем зрителям.

Собравшиеся, проникнувшись столь высокой задачей помочь «важнейшему из искусств», всюду принялись разбрасывать коробки со спичками во все стороны. Некоторые уже и поджигали их прежде времени и горящими бросали в своих соседей, что вызывало в толпе панику...

Наконец все было готово и началась съемка эпизода. Группа «КИНО» начала играть (под фонограмму, как и предупредил Соловьев), Цой запел. Зрители в это время всюду продолжали зажигать спички, поднимая их горящими над своими головами и заходясь в экстазе...

После того как съемка эпизода была завершена, «КИНО» исполнило еще несколько песен, нарушив при этом все графики, поставленные режиссером. Цой просто не мог подвести собравшуюся публику...

Юрий Шумило:

«Перед съемкой "КИНО" был разогрев. Внутри рокерской тусовки была своя непростая жизнь, были черные и белые, кого-то там считали лабухом. Помню, что они долго препирались по поводу присутствия на сцене негра Вити – Димки Шумилова – и Сережки Рыженко. Помню, что публика ждала БГ, а БГ не было... Съемочный процесс происходит определенным образом. И пока не готовы все службы, съемку начинать нельзя. Собралась многотысячная толпа, которая ждала концерта Цоя и которой совершенно невозможно было объяснить, что не готов свет, или операторский кран, или еще что-нибудь. Ее это совершенно не волнует. Она ждет, когда все начнется. Поскольку тогда подобные события были чрезвычайно редки, набилось немыслимое количество народа, причем народа не очень договороспособного.

У меня было сто человек дружинников, те же любера в клетчатых штанах, только с повязками, и тридцать человек ментов. Я исходил из того, что у нас 990 посадочных мест и тридцати ментов из местного отделения вполне достаточно. А на место одной жопы садилось три. Скамейки ломались. Я был не готов. Это был вообще первый такой хеппинг в Москве. Опыта не было ни у кого. Блюша, Саша Блюмин, вытащил большой короб со спичками и начал их раздавать. Пока был разогрев, пока снимали какие-то второстепенные планы, люди развлекали себя, как могли. Я как-то растерял своих сто дружинников – они сняли повязки и слились с толпой. Кому-то дали по голове. Потом, уже в конце, я видел, как один из моих стоял у сцены и бил кого-то молотком, свирепствовал, как все.

В итоге пришли тысяч 12–13 зрителей – неуправляемая толпа. Я носился с микрофоном, пытался навести какой-то порядок, но от меня ничего не зависело. Более того, любой мог дернуть меня за ногу и меня затоптали бы и не нашли. Началось буйство. Жгли дымовухи, у одной женщины загорелись волосы. Я сначала потушил ее, а потом просто взял за кадык и вырубил того, кто ее поджег. Когда был снят номер Цоя для фильма, я понял, что мы уже окончательно вывалились из светового режима, подошел к Вите и говорю: "Все сняли, хорошо, уезжаем". Он: "Нет, я обещал допеть". Я говорю: "Вить, сейчас люди погибнут, ты видишь, что происхо-

дит?” – “Я им обещал, я буду петь“. Я говорю: “А если я тебе вье...у сейчас?” – “Ну вье...и“. Я понял, что он готов драться. Скорее всего, весь разговор был слышен в микрофон, потому что, когда я обернулся назад, я понял, что все эти тысячи человек меня ненавидят. И это было так страшно – вот эта чаша с неконтролируемой толпой, с этими огнями, с этими горящими глазами. В меня полетели коробки спичек, кто-то кинул туфли, я увидел этого человека с молотком... Состояние было близко к безумию. Я подошел, выдернул какой-то шнур, кто-то меня обхватил, оторвал от земли и уволок со сцены. Это был Павел Тимофеевич Лебешев. Пока мы разбирались, на сцене спели еще пару песен и все закончилось. Потом за кулисами появился какой-то главный московский пожарник. Оказывается, люди, уходя, перевернули пожарную машину, просто уронили ее на бок...

Я до сих пор счастлив, что тогда никто не погиб, не покалечился, хотя я не уверен, может, что и было. Я оставался на передовой один, директор картины Вовка Дудин посидел в ложе дирекции и свалил. Как администратор на площадке я должен был после съемочного дня заполнять рапортчики. Я с перепугу написал, что все было нормально, но рассказал, как все было на самом деле, своей подруге – диспетчеру в студии. А она на следующий день доложила главному диспетчеру, что была такая беда. И понеслось: “Почему не доложили, были безобразия...” Помню, что тот главный пожарный чуть ли не до драки спорил с каким-то комсомольским деятелем за право меня расстрелять...

Цой сильно изменился после нашей картины. У него во время съемок образовались отношения с Наташей Разлоговой, девушкой из хорошей семьи, сестрой кинокритика Кирилла Разлогова. Наташа работала у нас помрежем, то есть бегала, меняла кадры, номера, вела всю документацию помрежа. С ее двумя иностранными языками это, конечно, не соответствовало ее уровню. У меня было такое впечатление, что она наш фильм рассматривала с прицелом на какие-то изменения в личной жизни. Когда появился Цой, она очень сильное влияние на него оказала. У него, безусловно, был какой-то нечеловеческий, животный магнетизм и специальный поэтический дар, но Наташа дала ему какую-то широту, он буквально видоизменился под ее влиянием. Она была отчасти его менеджером, и, видимо, не без ее участия он связался с Айзеншписом. Его карьера начала развиваться, он стал собирать стадионы, начался чес на его имидже, на его имени. Завистники в рокерских кругах тут же заговорили, что Цой проданся. Вот и шубу купил себе волчью... Было такое. Но Наташа его реально разнообразила, расширила кругозор. Может быть, я придумываю, но в альбомах, которые выходили после “Ассы“, я слышу Наташу, какие-то ее нотки, настроение, состояние».

Георгий Гурьянов:

«Концерт для фильма “Асса“ в Зеленом театре... Ужасно раздражало, что он был вроде как для массовки, и когда эти уроды сняли свое убогое кино, они взяли и выключили звук. Когда снимали этот фильм мудацкий, перед нами целый час “Звуки Му“ били по мозгам – дорвались до аудитории, которой никогда не видели... И вот играют и играют, играют и играют... Потом выключили звук. Цой, помню, никак на это не отреагировал. А я вот очень злился. Очень хотелось ударить по камере тяжелым предметом... С тех пор я возненавидел процесс киносъемки... Но этот пузырь, конечно, поганый... Соловьев... Так всех на...бать, прошу прощения... А перед людьми кто отвечает? Цой? Я там был и все видел гораздо лучше многих... Полная тупость и безынициативность».

Юрий Каспарян:

Я мало что помню про «Ассу». Помню выступление в Зеленом театре. Выкрик из зала, когда Соловьев подошел к микрофону: «Чем больше пузо – тем дальше от станка» (*улыбается*)

...

Сергей Жегло:

Мне очень нравилось, как Цой пел «Арию мистера Икс». Он им и был... В последний раз всю группу «КИНО» я видел утром того дня, когда Соловьев снимал заключительный эпизод «Ассы». Я приехал в Зеленый театр после смены сторожевой службы, немножко очумевший, медленно пошел по залитым солнцем рядам ослепительно-белых скамеек вдоль сцены, а сверху четыре черные фигурки спускались мне перпендикулярно. Я не сразу понял, кто это, а потом почему-то подумал: «Интересно, подаст мне Цой руку первым?» Он подал.

Рашид Нугманов:

«Виктор относился к "Ассе" довольно критично. Он так и не воспринял этот фильм полностью, хотя не скрывал, что доволен своим заключительным эпизодом, где ему не надо было лицедействовать. Нравилась ему и мастерская работа оператора Павла Лебешева. И уважительное отношение Сергея Соловьева к Цою не могло не льстить ему, хотя его творчество Виктор относил к "папиному кино", с чем я не всегда был согласен, зная Соловьева как мощного педагога, вложившего в своих студентов понимание настоящей профессии и давшего толчок появлению целой "казахской волны". После "Иглы" на Виктора со всех сторон посыпались предложения сниматься, но он все твердо отвергал, решив продолжать работу только со мной и постоянно меня к этому подталкивая, вместе с Наташей. Сейчас я клянусь себя, что сразу не ушел в следующую картину, которую мы могли бы запросто сделать с Цоем в 1988–1989 годах. Фестивальная жизнь, бесконечные поездки по стране и за рубеж, пустые рауты, эпатаж публики, заумь кинематографических тусовок, идиотское чиновничество в Союзе кинематографистов – вся эта мишура помешала состояться настоящему делу, увы. В результате съемочная пауза продолжалась три года, пока мы не запланировали новые съемки на осень 1990-го. Но человек предполагает...».

1987–1990

1987

1 марта 1987 года Цой с Каспаряном выступают в городе подмосковных физиков-ядерщиков Дубне, где, кстати, Цой ранее уже бывал с Марьяной. Сохранились прекрасные фотографии работы Игоря Бельведерского, которые впоследствии были использованы в оформлении CD-диска с записью концерта в Дубне, а также несколько фотографий, сделанных Сергеем Неговелевым.

Сергей Попов:

«Хорошо помню этот прекрасный концерт. Виктор уже был в этом ДК, но один. С Каспаряном было еще лучше, он отличный гитарист – умный, изобретательный, тонкий».

Сергей Неговелев, фотограф:

«Снимки у меня с концерта очень неудачные. Я снимал на просроченную крупнозернистую аэрофотопленку, освещение было никакое, только узенький лучик света в темноте...»

Далее путь группы лежит в Миасс и Челябинск, где, по многочисленным воспоминаниям очевидцев, концерт пытались запретить. Ситуацию, по словам Марьяны Цой, спасли «зрители, начавшие ломать в зале стулья».

8 марта 1987 года в восемь утра группа приехала в Челябинск (накануне они отыграли концерт в Миассе).

Когда «Москвич» белого цвета с группой «КИНО» подъехал к зданию ЧПИ, ныне ЮУрГУ, возле входа уже собралась толпа фанатов. Чтобы попасть на концерт, поклонникам приходилось подпольно доставать билеты, это были праздничные открытки со специальной печатью.

За общением группы с фанатами пристально наблюдали представители местной комсомольской организации. Известно, что когда кто-то из поклонников поставил бутылку пива на крышу машины, это чуть не стало поводом для отмены концерта.

«Компетентные органы» придрались к документам, которые у музыкантов были оформлены не так, как считали нужным в Челябинске. И гастроли решили запретить вообще, но, опасаясь реакции студентов, к главному корпусу политеха стянули чуть ли не весь гарнизон челябинской милиции во главе с областным начальством. Публика оказалась сильнее – после фактического разгрома зала концерт состоялся. Место проведения следующих двух концертов держали в строжайшей тайне. О них знали только свои. Цою устроили встречу с челябинскими педагогами, на которую, напугав учителей, все же пробрались многие любители рока. Последним стал «квартирник» в общежитии ЧелГУ.

Один из организаторов той самой встречи Дмитрий Филиппов рассказывал: после выступления в ЧПИ Цоя вместе с группой расположили в общежитии, где всю ночь напролет они пели песни.

«Цой очень любил пельмени, помню, ел он их с удовольствием, – делится воспоминаниями Дмитрий Филиппов. – Концерт проходил в холле на восьмом этаже. Тогда пришло очень много людей». По словам Дмитрия Филиппова, он тогда и не думал, что Виктор Цой может оказаться таким скромным и молчаливым. После концерта фанаты весело общались со звездой, и он без вопросов раздавал всем желающим автографы.

Третий концерт проходил в Доме учителя, ныне Творческом центре для детей «Автограф». Зрители были очень рады знакомству с ленинградской группой и Виктором Цоем. По воспоминаниям людей, перед группой сидел мальчик лет двенадцати и записывал все на катушечный магнитофон.

«К сожалению, мальчика уже не найти, – делится один из преподавателей. – А он мог стать счастливым обладателем уникальных записей».

Юрий Каспарян:

«У нас был концерт в городе Миасс, и потом нас отвезли в соседний город – Челябинск. Концерт в этом городе замечательно отпечатался у меня в памяти. Там решили прикрутить краник и устроили заседание партбюро или заседание обкома. И часа два или три они решали, что делать, жестко тормозили концерт. От этого возникли какие-то трения с народными массами. Произошел разгром зала. В результате они согласились, нам как всегда было все равно... Хотя, во всяком случае для меня, это было свежо. Как Виктор отнесся к этому? Ну как к этому можно отнестись? Ну, траблы какие-то. В тот моментик он что-то высказывал такое, конечно. Такие моменты происходили потому, что не было организации гастрольной деятельности совершенно, практики не было...».

Георгий Гурьянов:

«Ну, в Челябинске, я помню, там сломали двери и стулья. Такое было дело... Обычное. Ко мне, бандерлоги... Зал разгромили совсем. Вынесли двери вместе с коробкой. Это было в университете, по-моему, в актовом зале, огромные такие дубовые двери...».

Игорь Тихомиров:

Были выломаны двери. Руководство этого университета было в шоке. Студенты разрушили просто актовый зал...

20 марта 1987 года Виктор Цой выступает в КЗ Симферопольского музыкального училища им. П. И. Чайковского. Сохранились прекрасные фотографии, которые сделал фотограф Алексей Чугуй, и многие из них я, автор этой книги, использовал в своих работах о группе «КИНО».

Алексей Чугуй, фотограф:

Я лишь фотографировал Цоя. Что касается знакомства, то знакомством и закончилось, пообщаться с ним у меня так и не получилось. На тот момент меня интересовала больше фотография, так что я больше наблюдал его со стороны. А потом я Виктору даже передавал несколько своих фоторабот...

Николай Кунцевич:

«В 1987 году Виктор приехал из Симферополя, где он давал сольный концерт в концертном зале музыкального училища, и мы увиделись в Ленинградском дворце молодежи летом на фестивале Ленинградского рок-клуба. Виктор передал мне привет от симферопольских ребят. О чем говорили с ним, я не помню, но отношение ко мне было доброжелательным. Впоследствии мы с ним виделись редко».

24 апреля 1987 года «КИНО» выступило с концертом в Ленинградском ДК работников связи.

Вадим Шестериков:

«На этом концерте произошел такой случай: перед выходом на сцену Витя объяснял музыкантам задачу: "Первым выходит Гурьянов и начинает очень долго и монотонно бить по барабанам, затем подключается Игорь с басом, потом Юра, а под конец, когда всем уже надоест, – выхожу я и мы начинаем "Транквилизатор"...»

Из этого мало что получилось – Георгий уже на втором ударе развалил установку, и пришлось музыкантам выбегать на сцену, по новой устанавливать барабаны, а затем уже начинать песню... Но концерт все равно удался!»

Весной 1987 года в ДК рижского Института инженеров гражданской авиации состоялся концерт курехинской «Поп-Механики» (совместно с Westbam, одним из самых успешных и популярнейших диджеев Германии) при участии всех музыкантов группы «КИНО». Позже это выступление было издано как альбом *Popularnaja Mehanika* Feat. Westbam – Live At Riga.

Максимилиан Ленц, он же Westbam, основатель и владелец Low Spirit, в одном из интервью рассказывал:

«Мы познакомились с Курёхиным в Риге в 1987 году, где я наблюдал работу диджеев с кассетными записями. Сергей как раз в то время выступал в Латвии с "Поп-Механикой", и он предложил мне выступить в роли диджея на концерте на следующий день. Я согласился. Наш концерт был записан на магнитную ленту, которую буквально до дыр заслушивали самые разные люди в Берлине... Проект с Курёхиным оказался популярным в Германии благодаря передаче на телеканале Neue Deutsche Welle, а также благодаря миксам, сделанным с этой рижской кассеты».

Количество участников рижской и ленинградской записей просто не поддается описанию. Помимо Сергея Курёхина, Максимилиана Ленца, Виктора Цоя, Юрия Каспаряна, Игоря Тихомирова, Георгия Гурьянова, Александра Ляпина, Сергея Бугаева и Тимура Новикова, в них принимали участие еще более десяти человек, о многих из которых просто позабыли. Было так много участников, что забыли даже о Гаркуше, который читал текст во время концерта в Риге. Этот концерт стал переломным для развития российской музыки того времени. Мало кто из нынешних клубберов задумывался о том, когда в Петербурге впервые заговорили о техно. А произошло это как раз в 1987 году в Риге. После этой встречи питерские рокеры начали притягивать берлинских диджеев в Санкт-Петербург, и это способствовало появлению совершенно нового течения.

Надо сказать, что технику микса в 80-е активно применял Курёхин, но Сергей принадлежал к джазовой школе, к эпохе авангарда, а Westbam представлял нечто совершенно неизведанное. Питерским модникам, в частности Георгию Гурьянову и Виктору Цою, ситуация – диджей за вертушками – показалась жутко забавной. Впоследствии Георгий вспоминал, как сильно радовался Виктор. Кстати, по словам Гурьянова, Цой был абсолютным адептом электроники, человеком ритма. И, как свидетельствует Георгий, «Витя ничего общего не имел со всеми упырями, рок-н-ролльщиками, бородачами и прочими уродами. Витя был всегда со мной».

Виктор Цой:

«Я вообще против термина "рок" и не занимаюсь этим. Просто играю музыку, которая мне нравится».

17 мая 1987 года Цой в компании Александра Липницкого и Петра Мамонова выступает в Москве, в ДК имени Курчатова, на празднике в честь 25-летия основания The Beatles.

Александр Липницкий:

«"Звуки МУ" и "КИНО" едут в Курчатник (ДК Института им. Курчатова) – колыбель московского рок-андеграунда. Местные фанаты устроили славный праздник по случаю 25-летия основания The Beatles, и две любительские группы, "Звуки МУ" и "КИНО", пытаются наладить на сцене что-то совместное. Русский рок-джем – вообще дело абсолютно гиблое, но у Витьки отличное настроение – он влюблен в маленькую Наташу, и мы играем вместе "Лифт на небо" и "Транквилизатор". В конце концов приходит время спеть что-то и из The Beatles – вместе с "Бригадой" и "Ва-Банком". Я тихо-тихо ускользаю со сцены. Цой: "Ты куда?". Я объясняю, что никогда в жизни ничего не пел, даже обязательных гимнов в школе. Витька хохочет: "Ты не можешь спеть «Hey Jude» вместе со мной?" – "Я и слов-то не знаю" – "А кто их знает?" – веселился Цой. Короче, Мамонову кто-то списывает на листок азбучные истины на английском, и мы дружно вместе подтягиваем: "Don't let me down"...».

Олег Соколов, участник административной команды группы «КИНО»:

«Помню, Витя мне рассказывал, как они с Мамоновым на тусовке битломанов вышли и стали петь "...кинь бабе лом..." ("Can't Buy Me Love"), на что битломаны круто на них обиделись... Там был какой-то юбилей The Beatles и тусовка ярых битломанов... Эту историю мне Витя рассказывал со смехом...».

Константин Елгешин, тусовщик:

«19 мая 1987 года я сфотографировал Цоя в Зеленом театре, там "Ассу" снимали, финальные сцены. Накануне этого в «Курчатнике» (ДК имени Курчатова) был большой концерт, на котором "КИНО" выступило в одном составе со "Звуками МУ". Я очень жалею, что оттуда пленка куда-то пропала – там были очень веселые кадры: типа, Мамонов держит на руках Цоя, как ребенка, и все в таком духе. После концерта Цой вышел на сцену и сделал объявление: "Все, кто хочет, приходите послезавтра на съемки фильма". Я тогда тусил со стилистами, группой поддержки "Браво" и "Мистера Твистера", поэтому мы пришли своей толпой и сели где-то рядом в шестом-восьмом. Передо мной сидела Жанна Агузарова, которую я просто дернул за плечо, и, когда она повернулась, успел снять. А вот с Цоем было все сложнее... Он с чужими не контактировал, поэтому в ближний круг мне попасть не удалось... Удалось лишь пару фото сделать...».

В 1987 году Виктор Цой отыграл квартирный концерт, устроенный Татьяной Межениновой и Николаем Вишняком в Москве, в районе метро «Аэропорт». Сохранились замечательные фотографии, сделанные Георгием Гориним.

Георгий Горин, фотограф:

Сколько времени прошло... Я мало что помню. Организовывали концерт Таня Меженинова и Коля Вишняк. Я фотографировал... Надеюсь, мои фото кому-нибудь пригодятся. Тридцать лет лежали...

Татьяна Меженинова, организатор квартирных концертов:

«Года с 1985-го я была одним из московских устроителей квартирных концертов. Все питерцы, начиная с Гребенщикова, по традиции приезжали тусоваться в Москву. Тусовка у них была всегда в определенном месте – у Саши Липницкого на Каретном ряду, там была такая общая база. Он их всех встречал, с ними сидел и так далее и тому подобное. И было какое-то количество друзей, которые с ними общались. В тот момент было довольно мало свободных квартир у молодых людей наших ровесников, тех, кому было двадцать или двадцать с небольшим, поэтому с этим было сложно... И вот одна из таких квартир была рядом с метро Аэропорт, на улице Асеева. Там жила моя подруга, и она вместе со своим молодым человеком

была очень увлечена рок-движением... У нас был такой приятель Коля Вишняк, один из концертных директоров в Москве всех приезжающих питерских групп. Когда у приехавших ребят кончались деньги, а кушать и гулять хотелось, Коля кидал клич и говорил: "Давайте попоем"... Назначался день и час, обзванивались люди, собирались все желающие, удовольствие стоило три рубля. Набивалось столько людей, сколько могла вместить однокомнатная квартира, и вот, собственно, пели – час, два... Цой на моей памяти играл в той квартире у Аэропорта раз шесть. Записей у меня точно не сохранилось, да я и не записывала никогда ничего... Конечно, люди что-то записывали, но поскольку все это были незнакомые люди из тусовки, то сегодня, наверное, записи уже не найти... Точно такие же концерты проходили в квартире на Кропоткинской (Барыковский пер., д. 1), организовывал их Юрий Кацман, но там было все проблемнее, туда часто менты приходили. Все же, как понимаете, было нелегально...».

Именно на одном из таких московских квартирных концертов 1987 года Виктор Цой исполнил песню «Не бойся, это только кино...», ставшую впоследствии легендарной.

Они сказали надо пройти
Они не верят что есть другие пути
Не бойся это только кино
Я знаю точно это кино
Кончится фильм
Зажгут свет и мы поедем домой

Те кто был раньше вставляли в их ружья цветы
В ответ на это свинец затыкал их рты...

Песня была исполнена Цоем на одном из московских квартирных концертов, на Коптевском бульваре, в квартире у художника Павла Шевелева.

Павел Шевелев, художник, в прошлом организатор квартирных концертов:

«Мы собирались у меня в Коптево... Организовывал все это Коля Вишняк, иногда – я. Сохранились записи на катушках, я записывал наши квартирники на "Электронику-004". Зрители располагались на надувной лодке, на столе, на полу, и скидывались по троячку-пятерочке... Мероприятия периодически навещала милиция, но иногда ее можно было спровадить, предложив "приходить внимать искусству не в форме, а как нормальные люди"».

По воспоминаниям очевидцев, Павел вел запись концерта и в самом конце между ним и Цоем произошла ссора, после чего Павел стер весь записанный материал. В результате совершенно случайно уцелел лишь небольшой отрывок песни и полный текст ее до сих пор неизвестен.

Рашид Нугманов впоследствии вспоминал:

«Да, Виктор исполнял эту песню в Алма-Ате у нас дома. Текст сейчас вспомнить сложно. Очень жалею, что не писали песен на магнитофон. Беспечность...»

19–24 мая 1987 года в Вильнюсе прошел фестиваль «Литуаника», ставший всесоюзным праздником рок-музыки, в котором участвовали такие интересные группы, как «Бригада С» (Москва), «КИНО», «Авиа» и «Аукцион» (Ленинград).

Марк Шлямович:

«Поздней весной 1987 года хорошие ребята во главе с Миндаугасом Черняускасом организовали чудный фестиваль на сцене вильнюсского Дворца спорта: 3 дня, куча чудесных групп: "ЧайФ", "АВИА" с веселым еще Антоном Адасинским, "Калинов Мост", "Вопли Видоплясова" с удивительным Олегом Скрипкой, "КИНО", "Звуки МУ", "Бригада С", "Не ждали" из Таллинна, "Алиса" – всех не упомянуть.

"КИНО" приехало с двумя женами: Витина Марьяна и жена Игоря Тихомирова, а также с бонус-музыкантами: Крисановым на басу и "Африкой" на перкуссии. И тот и другой ребята с большим апломбом, из тусовки "Густава" (Георгия Гурьянова), то есть нос кверху, общаются только с равными... Остальные, как всегда, приветливые, очень приятные люди: я про Витю с Марьяной, Игоря Тихомирова с его женой, Юрия Каспаряна.

Еще мне запомнился очень веселый момент. Он даже где-то запечатлен на фотографии. Поскольку фестиваль длился 3 дня, а выступление "КИНО" было запланировано на последний день, все свободное время мы ходили по Дворцу спорта, знакомились с новыми людьми, дурачились, болтали о том о сем.

Юра Каспарян объявил, что он и группа снимаются то ли в Сочи, то ли в Ялте в каком-то новом, по-видимому сногшибательном фильме. Сгорая от любопытства и белой зависти, я попросил его рассказать о фильме. Для этого мы почему-то уединились (Юра, Марьяна и я) в кабинке женского туалета Дворца спорта, и Юра вдохновенно поведал сюжет. После выхода фильма я понял, что речь шла о фильме Сергея Соловьева "Асса".

И еще был забавный случай. У нас всех на шее висели бейджики с аккредитацией и т. д. Виктор решил подурачиться. А тут рядом с нами появился прекрасный музыкант (царство ему небесное!) Гуннар Грапс из Таллинна – лидер, фронтмен/вокалист и барабанщик, пожалуй, на тот момент лучшей хард-роковой группы СССР "Магнетик бэнд".

Ничего не подозревающий Гуннар поздоровался со мной, и я тут же представил ему Виктора. "Гуннар!", "Виктор!".

Витя тут же сделал вид, что ничего не знает о Грапсе, стал ерничать, задавать глупые вопросы о группе, на что наивный Гуннар вежливо отвечал. У Вити был вид этакой "звезды", снизошедшей до простых землян. Однако когда Грапс терпеливо и серьезно ответил на все вопросы, решил узнать, с кем имеет дело, и, наклонившись к Витиному бейджику, громко, с эстонским акцентом, чуть заикаясь, медленно прочел: "Ви-ктор. Ага, Виктор, Цо-ой, ага, какая группа? Ааа. «КИНО», а, ну, хорошо, «КИНО»". То есть было видно, что прославленный эстонский рокер даже не слыхивал о Цое и его группе, и со стороны это выглядело так потешно, что я чуть не лопнул от смеха, особенно когда я увидел, как у Вити, убежденного, что все знают о "КИНО", по-детски растерянно округлились глаза.

Само выступление было хорошим, но не более. Могу сказать, что, с одной стороны, концерт был по большому счету, если сейчас говорить, не самым удачным для группы "КИНО", потому что были проблемы со звуком – гитара не строила. В зале все было хорошо, все были в черном... У Юры Каспаряна еще гитара была такая белая, эффектная, но почему-то она не строила, и Витя был в подавленном состоянии. Наверно, были какие-то внутренние раздраи...

Что-то мучило Виктора внутри, плюс звук был не идеальным, поэтому на большей части концерта звучала гитарная "каша". Для тех, кто любил "КИНО" и никогда его не видел, все вроде было хорошо, народ завелся, но я видел, что выступление было далеко не такое, каким могло бы быть. Но все равно всем понравилось, ребята на сцене выглядели эффектно, все в черном, единственный белый элемент – белая гитара Юрия Каспаряна. Спустя годы я встречал людей, которые были на этом первом и, увы, единственном выступлении группы "КИНО" в Вильнюсе, которое они вспоминают с восхищением. На следующий вечер после фестиваля "КИНО" и их компания уезжали домой в Питер. Я примчался провожать их на вокзал, на последние деньги купив им литовского творожного сыра на память о Литве...».

Андрей Кузнецов:

«Цой, в общем-то, не злоупотреблял сильными напитками, но тут, в 1987 году на "Литуанике", под воздействием моего друга Миши Литвинова, принял лишнего. Мы вместе приняли, несколько бутылок белого сухого. На следующий день пришлось давать Цою мыльный раствор, чтобы он проблевался, пришел в себя и смог адекватно выступить...».

Из газеты «Московский комсомолец»:

«"КИНО" расточало вокруг себя такую вселенскую усталость, что возникли мысли о финишной прямой для Виктора Цоя. Считаю "КИНО" одной из лучших советских рок-групп и надеюсь, что вильнюсская усталость – лишь случайный эпизод в их творческой биографии...».

3 июня 1987 года группа выступила на очередном, 5-м рок-клубовском фестивале (в последний раз) со своей новой программой «Группа крови» и, хотя получила специальный приз «За творческое совершеннолетие», обычного одобрения от публики не дождалась, хотя мнения по поводу выступления были весьма разные. Питерская тусовка начала относиться к «КИНО» совсем по-другому.

Теплое место, но улицы ждут
Отпечатков наших ног.
Звездная пыль – на сапогах.
Мягкое кресло, клетчатый плед,
Не нажатый вовремя курок.
Солнечный день – в ослепительных снах.

Группа крови – на рукаве,
Мой порядковый номер – на рукаве.
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!

Марьяна Цой:

«Это было обидно для Вити, который любил эти песни и даже строил по поводу них определенные планы... После того как его не поняли, он обиделся – не на кого-то конкретно, а на весь Питер».

Андрей Тропилло:

«Ни одного хорошего концерта "КИНО" я не видел. Правда, здесь (в Ленинграде) на концертах он очень плохо играл. Может быть, где-нибудь в Москве, в "Олимпийском", они сыграли хорошо, но я там не был. Помню, у нас в рок-клубе шел концерт, Цой пел на сцене, а Кинчев все подшучивал над ним и бросался в него какой-то старой пыльной обувью со стоптанными задниками, что нашел за сценой».

Юрий Каспарян:

«Я не помню зрительского разочарования на 5-м фестивале рок-клуба. Я не помню, чтобы все сидели и молчали. У нас никогда не было провальных концертов. Может быть, просто не так громко кричали, как, например, хотелось бы Марьяне...».

Сергей Фирсов:

«Я помню, что мне выступление ”КИНО“ очень понравилось. И я вообще не помню ни одного плохого выступления ”КИНО“. Были, конечно, сыроватые, заметно было, что репетировали они мало, но так, чтоб откровенно плохое, такого нет. Не было. Просто все остальные группы тоже очень мощно выступали, может быть, на их фоне, конечно».

Александр Игудин, журналист, клипмейкер:

«На 5-м рок-фестивале появление Цоя на сцене и вступительные аккорды ”Группы крови“ в буквальном смысле слова подняли зал с места. Ведущий даже испуганно закричал: ”Попрошу всех сесть“. А толпа просто бросилась к сцене...».

Алексей Вишня:

«В 1987 году Виктор выступал в Ленинградском дворце молодежи с программой, которая вылилась в самый популярный альбом команды ”Группа крови“. Удивительно, но публика песни снова не приняла. Зал почти не аплодировал, раздавались лишь редкие хлопки. Мне кажется, Цой просто не потянул такую большую площадку: обращаться со сценическим звуком ребята еще не умели...».

Владимир Рекшан:

«Фестиваль в ЛДМ представлял собой настоящую вакхическую вакханалию. Было ощущение скорой победы, сотни зрителей бродили вокруг зала счастливые и нетрезвые. Я мог бы тут наврать и сказать, что после концерта мы беседовали с Витей за кулисами и я передавал ему тайны песенного мастерства, но такого не было. Помню только, что мы с ним оказались в каком-то пространстве с окнами до потолка. Сидели положив ноги на стол, сильно хмельные. Цой стучал кулаком по столу, а я был дурным голосом не помню какую песню...».

Михаил Дубов:

«Цою, кстати, нравилось мое «пение»... Помню, году так в 1986–87-м, придя из СА, встретил Витю со товарищами перед ЛДМом, во время рок-клубовского фестиваля, он спросил: Ну что, Мишаня, чем занимаешься? Я ему говорю – дерИБАСю. А он – а что не поешь? Зря!!!!»

Вадим Демидов:

«Впервые я увидел Цоя в 87-м, в ЛДМе, где проходил V фестиваль Ленинградского рок-клуба. Я уже был знаком с Башлачевым, и вот мы с ним как раз столкнулись в фойе ЛДМ. Перебрасываемся какими-то фразами, и тут он кивает кому-то через плечо, – я обернулся и увидел Цоя. Он стоял под лестницей и курил. Помню, вид у него был немножко нездешний. Фойе было перенаселено, все галдели, ржали, а он стоял один и курил. Очень такой прямой.

”КИНО“ выступало в первый фестивальный день. Они вышли вшестером: два барабанщика (второй – ”Африка“), два басиста, два гитариста (Цой и Каспарян). Такая сплошная симметрия. Зал, ясно, ждал хитов с альбомов ”Это не любовь“ и ”Ночь“, те тогда были очень популярны в узких рок-н-рольных кругах. А чуваки вышли и сыграли программу ”Группа крови“, которую к тому времени еще никто не слышал. Из зала выкрикивали названия желаемых песен, но чуваки гнули свою линию. Принимали их довольно вяло. Не освистывали, конечно, но хлопали жидко. Вот не помню, сыграли ли они под занавес сета хоть одну знакомую песню, скорее всего, нет. И ушли. По итогам феста ”КИНО“ наградят всего лишь за творческое совершенноелетие. Да еще призом отметят басиста Тихомирова. А через полгода ”Группа крови“ будет звучать из всех соковыжималок...

Если уж у нас покатила такая волна воспоминаний, то замечу, что "Группу крови" я полюбить так же сильно, как ранние альбомы, не смог. Не то что мне эти вещи казались фальшивыми, нет, но это уже было не обо мне и не о нас, хотя отдельные вещи оттуда я и сейчас слушаю с удовольствием...».

Андрей Кузьмин, художник:

«Я видел Цоя несколько раз. Первый раз на концерте в ЛДМ, тогда у "КИНО" было зачем-то два ударника – Гурьянов плюс "Африка", два басиста – Игорь Тихомиров плюс Андрей Крисанов. Все были в футболках "Спасем Мир", привезенных, наверное, Джоанной... Помню странный разрыв шаблона – "КИНО" я уже тогда слышал, но вокалиста представлял себе совсем иначе. А тут вдруг элегантный азиат. Концерт был мощнейшим, помню до сих пор это ощущение сопричастности и радости. В общем, с тех пор я – киноман.

Затем я видел Виктора на улице, кажется, с ним еще был Каспарян. Они были очень элегантны... Затем – в мастерской у Виктора Тихомирова. Витя был пьян, сидел скромно в углу, улыбался и молчал. Он показался тогда очень позитивным, приятным человеком...».

Чуть позже запускаются съемки документального фильма питерского режиссера Алексея Учителя с претенциозным названием «Рок». Вообще, подобное внимание режиссеров к личности Цоя было закономерным. Они не могли не видеть харизму лидера группы «КИНО». Однако Виктор Цой изначально сниматься в фильме отказался, и заручиться доверием Цоя режиссеру удалось лишь за счет того, что он принял жену Виктора – Марьяну – на должность администратора съемочной группы. Это позволило получить разрешение на съемки в «Камчатке», а после положительной рекомендации Виктора Цоя режиссера приняли в рок-среду.

Часть материала будет отснята в котельной «Камчатка» на Петроградской стороне, куда Цой, уволившись из бани, по протекции Фирсова и Соколкина устроился работать кочегаром в начале октября 1986 года.

Кстати, с точной датой устройства Виктора в знаменитую ныне котельную «Камчатка» много неясного. Соколкин с Фирсовым вспоминают, что Цой пришел в котельную в начале октября 1986 года, в документах Виктора вообще записано, что он работал в «Камчатке» с 1987 года.

Анатолий Соколкин:

«С тех пор прошло столько событий, все перемешалось, что когда было – до или после – разобраться трудно. Вот как можно выделить "КИНО", когда на самом деле это был конгломерат из концертов, альбомов, выставок, тусовок, теле- и радиотусовок, встреч в "Сайгоне", "Гастрите", в рок-клубе, на частных флэтах и так далее и тому подобное? Рок-н-ролльная жизнь в 80-е представляла единое целое и охватывала столько всего разного и в разных местах. Думаете, что когда Цой пришел на "Камчатку", это было великое событие и все его запомнили? Увы, это не так. Обычная практика. Все были вынуждены так работать – там-сям, кто где. И ничего экстраординарного в этом не было. Мы пригласили Виктора сюда на работу, и компания сразу сложилась. А потом нас всех затолкали на курсы кочегаров. Там преподавали не только устройство топливных систем и котлов, а даже политэкономия. Наш друг Сережа Фирсов давал жару. Он просыпался только на этом занятии и спорил до хрипоты с преподавателем. Диссидентствовал, короче. Было довольно весело. А для Цоя курсы были трагедией, так как жил он достаточно далеко, занятия же начинались в 8 утра. Он выдержал три недели, потом уехал на гастроли и курсы забросил. Но из котельной не ушел...».

Рашиду Нугманов:

«В своей записной книжке я обнаружил точную дату, когда Виктор впервые привел меня в котельную на Зверинской: 9 апреля 1986 года. Сведения о том, что Виктор появился там только в августе, неверны. Есть, правда, вероятность, что я сделал запись на страничке 9 апреля, тогда как стрелку забивали в августе или сентябре. Но при этом все остальные записи в книжке точно соответствуют датам».

Однако Рашид Нугманов тоже ошибается.

Андрей Машнин:

«Фирсов устроился в "Камчатку" 25 сентября 1986 года. Цой примерно через неделю после Фирсова. Причем устроился официально, поскольку был отправлен на курсы...

Что касается меня, то я работал в ГРСТ-1 – Городском ремонтно-строительном тресте – стропальщиком и заведовал музыкальной частью самодеятельности. Репетировали как раз в общаге на Блохина. Все это происходило в 1986–1987 гг.

Сидим как-то у моей подруги из трестовской самодеятельности. Окно во двор открыто, 4-й этаж. Подошла она к окну, говорит: "Во, Цой с бачками. Видел?" Я тоже выглянул, действительно, Цой по двору шарахается. Говорю: "А что вообще происходит?" Она говорит: "Так он работает внизу, в кочегарке. Я и начальника их знаю, Толика. Давай познакомлю, споешь ему что-нибудь заодно, там все музыканты работают". Думаю, ладно, почему нет. Так я и попал в "Камчатку" осенью 1987-го и в начале следующего сезона устроился туда на работу.

Топили мы женскую общагу ГРСТ-1. Работали сутки через семь. На смене должны были одновременно находиться два человека – кочегар и зольщик. Кочегар – квалифицированная специальность, а зольщик нет. Подразумевалось, что кочегар топит котлы и следит, чтобы не рвануло, а зольщик чистит их и выносит золу и шлак. Чтобы стать кочегаром, как я уже говорил, нужно было иметь удостоверение или пойти на трехмесячные курсы. Я устроился зольщиком и сразу пошел на курсы. Цой до этого немного кочегарил в другом месте, но тоже у нас учился.

У кочегаров и зольщиков была разная зарплата, оклад зольщика – 70 рублей, кочегара – 105 рублей + 10 рублей премия. Но мы делили деньги поровну, обязанностью начальника «Камчатки» было это проделывать каждый месяц.

Рабочие сутки проходили так. Заступаем в 23.00. Принимаем смену: котлы почищены, зола и шлак вынесены, пол подметен и полит из шланга, посуда помыта, мусорное ведро пусто. Обязательно переодеваемся и переобуваемся. Одежка, у каждого своя, висит на вешалке в буфетной. Там как раз долго валялись рабочие кроссовки и прочие штаны Цоя. Все пожгли, пока он еще жив был. Потом молодежь убивалась по этому поводу. А кто ж знал.

Первым делом идем расковыривать смерзшийся уголь, который кучей лежит на улице, возле специального проема. Потом идем в угольную, там долбим пикой ту же кучу снизу, чтобы посыпалось внутрь. Потом скребком загребаем вниз как можно больше. В фильме "Рок" Цой как раз этим и занимался в угольной – загребал внутрь уголь через проем.

Кстати, в котельне было три котла. Если смотреть на них от входа, то слева, напротив двери, был паровой котел – как раз летний, а средний и правый назывались "водогрейные". Их топили весь отопительный сезон. Конструкция у них была разная. Паровик работал без моторов. От него нагревались два больших бойлера в бойлерной, в которую был отдельный вход со двора. Летом по ночам не топили, только днем, и смена была примерно с 12:00 до 18:00. То есть надо было нагреть воду к приходу общежитских девиц с работы.

После посмотрим, что в журнале понаписали за время нашего отсутствия. Пишем сами: смена № такая-то, число, стишок какой-нибудь, картинку, что угодно, что лезет в голову. А что там еще можно делать столько времени: компьютеров и мобильных не было. Только читать,

писать, играть на гитаре, разговаривать, бухать, веселиться со знакомыми девушками. Время от времени подкидывать уголь. В конце сдать смену, то есть почистить котлы и все прибрать.

Бытовой техникой почти не пользовались. По телевизору смотреть было нечего. Радио тоже никто не слушал тоскливое, сами пели намного чаще. И было кому. Играли почти все, писали тоже, в том числе гости. Бывало, приходишь в 12, выгребаешь из паровика вчерашний шлак сверху и золу снизу, выносишь на улицу в бачках. Идешь в бойлерную, перекрываешь краники на душ и прочий внутренний водопровод. Потом растапливаешь котел дровами. Дальше – угля помаленьку, уголь разгорается, и топишь уже в полную силу углем. Следишь за давлением на манометре. Если давление слишком большое, приоткрываешь дверку топки, давление падает. Температуру в системе показывает градусник. Потихоньку ползет вверх – 40, 50, 80. В котельне начинает пахнуть паром. Как раз к 5–6 вечера два бойлера нагреваются до кипятка, идешь опять в бойлерную, открываешь краники, и горячая вода из бойлеров поступает в душ и на кухни. Прекращаешь топить и можешь вообще отправляться домой. Для страховки топку можно приоткрыть на пару сантиметров, тогда уже точно ничего не рванет, просто догорит и погаснет. Зимой (осенью – весной) топили два других котла – средний и правый. Они уже работали от насосов. Там была суточная работа, и в котельне постоянно работали моторы. Очень такой привычный характерный звук.

Привычных звуков было несколько.

1. Моторы.
2. Лязганье железа о железо.
3. Скрип открывающихся – закрывающихся заслонок.
4. Шкрябанье лопаты по углю или по полу.
5. Шурование, выгребание шлака – золы.
6. Стук в дверь с улицы.
7. Шаги за дверью комнаты – приближающиеся или удаляющиеся.

Зимой за давлением особо следить не приходилось. Опять же, можно было ориентироваться на запах. Если паром запахло, надо убавлять жар. Но это редко бывало. Держали все температуру порядка 60, если не очень холодно. А в мороз уже 80–90 надо было. Умеючи это было не так уж сложно...

Мало кто из внешнего мира знал тогда, где находится котельная и существует ли она на самом деле. В том, что существует, многие убедились, посмотрев фильм Алексея Учителя "Рок", но и после фильма не было к нам паломничества. Оно началось 15-го августа 1990...

С самим Цоем у меня отношений не было вообще. В "Камчатке" я просидел полсезона, пока он еще работал, но он тогда работал редко. Скорее всего, Толик за него и работал, пока Цой где-то снимался или выступал. Кроме собственно Толика, я из своего уголка наблюдал всех тех, кто к нему приходил в гости. Народу часто было много, и я сейчас не помню, кто именно там был. Сплошные асушки. Я тогда плохо всех знал. Никаких записей и фотографий не осталось. В журналах тех времен хаос, ничего не понять, к какому точно времени относятся разные записи. То есть в памяти зацепиться не за что. Освоился я там уже в 88 году, перезнакомился со всеми, но Цой уже ушел на повышение. Может, заходил еще пару раз. Где, с кем и как я знакомился, я тоже толком не помню, все перемешалось в голове... Я стеснялся везде ходить за компанию, хотя были все возможности. Начальник меня водил, например, на премьеру программы "Группа крови", это я помню. Прошли мы на халяву, понятно, посмотрели концерт, но я ни в какие гримерки тогда еще не привык ходить, был в зале, а потом сдриснул. И это типичный пример. Мне постоянно было неловко куда-то пролезать и там торчать...».

Анатолий Соколов:

«Помню, его день рождения отмечали... 25-летие... Мы пришли в кочегарку, получили деньги и купили несколько ящиков приличного вина. Потом поехали на квартиру. Башлачев, кстати, присутствовал. Помню смешной момент: народ кругом уже пляшет, все «хорошие». А Цой подходит ко мне и хитро так говорит: «Я думал, что я самый пьяный, а ты еще хуже!» Когда бойцы попадали и разъехались, Витка с Марьяной и я с женой принялись будить прикорнувшего на стульчике Башлачева. Переложили его на кровать. А из упавшей сумки вывалились две бутылки вина. Он про них забыл в процессе дня рождения. Все долго смеялись, похмелились».

Дмитрий Шагин:

«Он очень удачно попал в ту котельную. Как раз режиссер Учитель снимал тогда фильм "Рок", там есть замечательные кадры, как Цой кидает в топку уголек, как набирает тачку, как сидит компания там с гитарой. Работа – не сказать чтоб очень тяжелая. Тем более что Цой был физически крепкий парень. Это довольно небольшая котельная, там стоят котлы-универсалы, тоже небольшие такие. Нормально. Даже лучше, чем когда котельная на газу. Газ имеет свойство взрываться, утекать и так далее. Опасное вообще дело. Цою в котельной нравилось. Он говорил: "Я людей отапливаю, тепло им даю". Отапливали они общежитие, если не ошибаюсь».

Сергей Фирсов:

«С Цоем мы очень тесно тогда общались. Постоянно ездили с ним в Москву и обратно, и кочегарили вместе на "Камчатке". Я записывал его редкие акустические концерты и распространял альбомы, что писали Тропилло и Вишня. Цой вместе со своими друзьями часто посещал американское, немецкое и французские консульства, где ему дарили множество gifts – кассеты, маечки, футболки... Все это я скупал у него подчистую. Визиты и встречи были столь частыми, что какое-то время на это он мог спокойно жить. И Африка, и Гурьянов постоянно тусовались с иностранцами, я и у них скупал все подарки. Денег же было много, зарабатывал я более, чем достаточно».

Алексей Коблов:

«Видел и встречал Цоя не только на концертах, но и вне их, как говорится, задолго до того, как он стал мейнстримом. Вполне закономерно и заслуженно стал, надо сказать, да и остается по сей день. И будет и далее, не извольте сомневаться. Все остальное абсолютно не важно. Я бывал в котельной "Камчатка", именно в смену Цоя, причем не как фанат, а так, чисто перетусоваться, пока связь с моими питерскими родственниками и друзьями не наладится. Немногословное, правда, было общение, апокрифы не врут. Мы с ним не один раз виделись в компаниях, хоть и не были особо знакомы.

У меня была черная футболка с надписью "KINO", из тех, что Стингрей всем участникам RED WAVE привезла, мне ее сам Виктор подарил, потом я ее передарил или поменял на что-то, не помню точно на что, помню только, что недолго у меня продержалась. Хорошие были футболки, названия групп латиницей, причем не просто напечатаны, а какой-то резиной, что ли, оттиснуты...

Была одна замечательная история, году в 1986-м или 1987-м. Я сидел в Питере, на проспекте Ветеранов, в гостях у небезызвестного Сергея Фирсова, архивариуса Ленинградского рок-клуба, и не только, переписывал там себе какую-то музыку на катушки на одном из его бесчисленных магнитофонов, что характерно – не русскоязычную, а западную. У Фирсова же не только русский рок был, само собой, а и Запад тоже. Ну и я с юных лет был таким, увлеченным слушателем самой разной музыки, начинал-то вообще с Запада, как и многие.

В это же время к Фирсову в гости пришел Цой, которому тоже надо было себе что-то переписать на кассету, в частности один из альбомов Duran Duran, с дискографией которых я к тому времени был весьма хорошо знаком, тогда вообще всякий new wave был на слуху. И я решил проявить эрудицию меломана. Говорю, мол, знаю эту пластинку, слышал, она 1982 года выпуска. Через несколько минут поступил неторопливый ответ от Цоя: да нет, 1983-го. И тут я немного растерялся: я же точно знал и помнил, какого она года. Возразил: да нет, 1982-го, точно, мол, у меня же все ходы записаны. И так мы с ним с довольно длинными интервалами и обменивались скухими репликами, стоя каждый на своем. А когда все было уже записано, качество записи проверено, а сама кассета была извлечена из магнитофона и положена в карман, Цой, уже уходя, задержался на секунду в дверях, посмотрел куда-то мимо меня и сказал: "А может, и 1982-го". И пошел себе восвояси. И тут до меня наконец-то дошло, что ему было совершенно все равно, какого там года эта запись, просто надо было что-то там послушать, на тот момент его интересовавшее. Такая сцена из неснятого кино получилась, встреча музыканта и меломана. Так что все остальное действительно абсолютно не важно...».

Олег Котельников:

«Как-то сижу на Загородном у Андрея Медведева, заходит Марьяна Цой:

– О, Котельников, ты же у нас безработный, правильно? – с ходу прищучила меня Марьяша, на что я попытался отбрыкаться:

– Да, типа, я и не собираюсь... еще пока можно полгода, как минимум...

– Нет, – твердо сказала Марьяна, – у нас тут цейтнот со временем, и нам нужен восьмой. Ты должен пойти. Друг ты или не друг?

Я пожал плечами:

– Ну ладно, надо так надо, я иду.

Передал трудовую книжку и устроился в котельную.

Два года работал за семьдесят рублей. Формально должен был сутки через трое, но вышло так, что каждый из нас мог работать всего четверо суток в месяц, это было весьма удобно. Для обеспечения такого графика работать должны были стопроцентно свои – чтобы, если Цой уезжал, например, Машнин смог его подменить. А если Машнин не может, тогда Фирсов. Когда ездили все, отдувался за всех Начальник, потом деньги ему отдавали – он вел учет взаимодолгов. Часто так бывало. Работал еще Задерий, Башлачев, я, Цой, Фирик, Начальник, Машнин.

Кто кочегаром был оформлен, кто зольщиком. Кочегар должен был в паре работать с зольщиком, а работали по одному – сутки через шестеро. Никто не переламявался, поскольку у каждого из нас восьми было много друзей и очень много общих друзей, которые изо дня в день тусовались вместе в нашей котельной. Помимо них, ежедневно ватаги ушлепков-дармоедов со всего совка, самого разного этноса все время торчали в котельной или где-то рядом. Фирсов – общественный деятель и распространитель всякой фигни. Ранее он работал на железной дороге, и к нему постоянно вписывались на ночлег какие-то иногородние друзья. Всегда можно было попросить их перебросить к печи угля, что они с удовольствием исполняли. Самое плохое в нашей работе была зола. Через два года я оттуда ушел, поскольку в легких уже кверху все подступало...».

Именно в котельной «Камчатка» 19 февраля 1987 года Цой написал «Романс» – небольшой рассказ-фантазмагорию. В архиве материалов Виктора, хранящимся в архиве семьи Цой, «Романс» представлен как текст, набранный на печатной машинке, что было весьма необычно для Цоя, никогда не печатавшего свои мысли и тексты песен. Да и самой печатной машинки ни в доме Марьяны и ее матери, ни в доме родителей Виктора не было.

Рашид Нугманов:

«Дело зимой было, дату не помню. Мы сидели в кочегарке. Его смена была. Он не читал мне "Романс", а дал мне прочитать, свеженаписанный. Цой обычно писал от руки. Я лично никогда не видел его за печатной машинкой... Я прочитал, потом поболтали. Этот текст наверняка стеб в стиле ассовской тусовки, мистификация... Кстати, когда Виктор впервые прочитал мне "Романс", он предложил мне возродить подпольный журнал о роке, который я когда-то выпускал с Евгением Бычковым под названием "Згга". Виктор горел идеей публиковать в нем разные мистификации и небылицы о рок-группах, включая "КИНО", и странные рассказы типа "Романса" под видом фактов и репортажей с событий, которых никогда не было, или рецензии на несуществующие альбомы, концерты и записи, чтобы фаны за ними гонялись впустую. Этот стиль – неотъемлемая черта раннего Цоя, когда правда и ирония могут тесно переплетаться...».

Анатолий Соколов:

«Цой печатал этот опус на машинке у нас в кочегарке. А я редактировал страницы. Витя написал первую часть, принялся за вторую. Но Марьяна роман раскритиковала, Цой разозлился и все порвал. Но, как оказалось, не все – часть все-таки нашли, она опубликована. Веселый авангард такой...».

Как позднее стало известно, «Романсов» сохранилось два. Второй вариант предстает перед читателем несколько иным – укороченным, с менее прописанными образами, с заметной трудностью при подборе слов и мыслей. Этот вариант сохранился в одной из записных книжек Виктора. Написан он обычной синей шариковой ручкой. Кстати, довольно интересно, что Наталия Разлогова считала хранящийся у нее вариант «Романса» единственным и совершенно не знала о том, что существует другой, уже изданный в 1997 году.

Объяснение этому факту найти сложно, но можно. Из рассказа Соколова следует, что Виктор, как известно, совершенно не дороживший черновыми материалами, написал «Романс» в Ленинграде (чуть позже напечатав его на машинке в «Камчатке») и, после критики Марьяны, уничтожил. Один вариант текста (не уничтоженный Цоем) Марьяна нашла среди других черновиков и издала в 1997 году. А что касается варианта, оставшегося в блокноте Виктора и сохранившегося в архиве Наталии, – то это, по-видимому, основной черновик «Романса», сама задумка.

Олег Котельников:

«Как мы с Владиславом Гуцевичем отучили Виктора Цоя прозу писать? Очень просто. В начале восьмидесятых все его старшие товарищи – БГ, Володя Тихомиров, Шинкарев – все как один бросились в прозу. Они все сказочниками стали. Витька тоже решил примерить на себя это одеяло и тоже занялся было литературной деятельностью. Я прихожу на работу, смотрю, Виктор Робертович пишущую машинку принес компактную, сложил аккуратно, а под ней листы. Глянули мы с кем-то из общих друзей на это чтиво и решили ответить. У нас вахтенный журнал был, в котором отмечались дежурства, и все там что-то писали, рисовали. БГ пришел, написал что-то, а Фирик это вырезал, сложил вчетверо и спрятал себе в бумажник. Пришел Гуцевич, и мы стали с ним в этот журнал роман писать про гибкость. Тогда же перестройка была, гибкими надо быть. И мы так тонко все расписали, что когда Цой прочитал, он больше никогда не пытался писать прозу».

Андрей Машнин:

«В первом тонком котельном журнале была написана поэма "Про гибкость". Написали ее два человека. Один из них Котельников, второй Гуцевич... Так вот. Там был такой момент, что кто-то, э-э... Кинчев, что ли, вышел на сцену и внезапно заорал: "Менты, Шевчуки и прочие

гады, во-он!!!” Дальше было, что все напряглись, Цой задергал мышцей и т. д. Очень смешное чтение было. Так что тоже своего рода поговорка. “Менты и прочие гады” – это был понятный ряд, а вставить туда Шевчука, который был тогда, совсем наоборот, очень положительный герой, да еще во множественном числе, – это было смешно, да».

* * *

В конце июня, через неделю после своего 25-летия, Цой вместе с Каспаряном и Марьяной едут в Тулу на музыкальный фестиваль, куда группу «КИНО» пригласила Лариса Фирсова, временно исполняющая обязанности директора ДК Профсоюзов. В Туле «киношники» провели 27 и 28 июня 1987 года. Вот как вспоминает Лариса события тех дней:

«Тогда слова ”рок“ в Туле еще боялись, поэтому мы задумали провести ”Фестиваль молодежной музыки“. Концерт приурочили ко Дню молодежи. На фестиваль собрали местные творческие коллективы, но самой главной задачей для меня было – привезти в Тулу Цоя! Я позвонила в Ленинградский дом творчества, там мне дали телефон Марьяны Цой, которая занималась всеми административными делами. У группы были какие-то проблемы, поэтому мне предложили акустический вариант – Витя Цой и Юра Каспарян. Договорились на два выступления, каждое – по сто рублей. Для сравнения: за выступление ”Зоопарка“ мы заплатили 700 рублей. Правда, и двести тогда найти было очень тяжело.

Я вышла на Советский райком комсомола и попросила деньги. Комсомольцы пообещали дать половину, а остальное оплатил ДК Профсоюзов. Упросила ”Тулауголь“ выделить номер в ведомственной гостинице на Первомайской...

Цой и Каспарян оказались очень простыми ребятами... Были скромно одеты в черные полукеды с белыми полосками, черные рубашки, черные штаны. Я попросила Витю посидеть в жюри фестиваля. Он сказал: ”Не вопрос! Хоть и не люблю никого судить“. Кто помнит те времена, поймет меня. Денег ни на что не было. Я дала ребятам 10 рублей на чебуречную, а сама побежала домой готовить обед. Наварила молодой картошки, нажарила котлет, завернула кастрюльки в фольгу и принесла в ДК. Помню, ели с удовольствием. Да они вообще были очень неприхотливы! Виктор спокойный, уравновешенный, воспитанный. Каспарян чуть погорячее – фамилия обязывает, но тоже очень хороший парень. Марьяна все шумела, что ”Коррозия металла“, выступающая перед ”КИНО“, навоняет на сцене дымом и Витя будет кашлять. А он успокаивал ее. Мол, бог с ними, пусть «дымят». Еще помню, Витя и Марьяна часто бегали звонить в Ленинград – их сыну Саше было тогда полтора годика и они беспокоились, как он там. Что удивительно, ребят совершенно не интересовали деньги. Они больше интересовали Марьяну. Когда я отдала им первые сто рублей, она сразу же убрала их в кошелек и спросила, где тут у нас барахолка. Я рассказала, мол, в Мясове. Марьяна рванула туда и у какой-то бабушки прикупила винтажные туфли 40-х годов. Так они ей понравились! А я переживала – ребята работают, а денежки Марьяна тратит...

Туляки приняли ”КИНО“ на ура! Это был глоток свежего воздуха. Народ просто ошалел от того факта, что ЦОЙ В ТУЛЕ! Зрители смотрели на него как на небожителя. Многие до конца не верили, что Витя приехал в наш город.

Во второй день, в воскресенье, мы гуляли по проспекту Ленина, сидели на фонтане напротив ДК Профсоюзов, болтали. Я подарила Вите и Марьяне тульский самовар. Кто знает, может быть, из него до сих пор пьет чай их сын?..

”КИНО“ отыграли второй концерт, пора было расплачиваться. Я подхожу к лидеру райкома комсомола. Он мне: ”С деньгами сложно...“ Я: ”Да вы что? Мы же обещали. Давайте сто рублей, или я про вас в газету напишу”.

Самое интересное, что Витя и Юра вели себя очень спокойно. Я работала со многими артистами, и большинство из них начинает сразу истерить по поводу денег. Здесь же было

ясно: отдадите вы нам 100 рублей – хорошо, не отдадите – не страшно. Видимо, я запугала комсомольцев, потому что за несколько часов до отхода поезда они все же привезли к гостинице оставшуюся часть гонорара... Помню, как мы с чемоданами ехали на троллейбусе № 8 на Московский вокзал. Троллейбус был переполнен, мы еле-еле втиснулись на заднюю площадку. Всю дорогу Витька рассказывал мне о сыне... Я попросила Марьяну прислать мне билеты для отчетности. Мы договорились, что когда-нибудь "КИНО" придет к нам в Тулу в полном составе. Вскоре я получила от Марьяны письмо. В конверте лежали билеты и записка: "Привет! Как дела? У нас все хорошо! Привет сраным комсомольцам!"

Витю я уже больше никогда не видела. А с Юрой довелось встретиться, когда мы поехали с коллегами в Ленинград на экскурсию. Юра пригласил меня к себе домой. Мы пили кофе, слушали музыку, он рассказывал о своей невесте Джоанне Стингрей...

Я благодарна тому молодому человеку, что сделал на память фотографии. Я не предполагала, что буквально через год после фестиваля в Туле Цой станет мегазвездой и будет собирать стадионы! А после его смерти эти фотографии превратятся в раритет...».

В период с 27 по 28 июля 1987 года Цой побывал в Желтых Водах. Город Желтые Воды Днепропетровской области – урановая столица бывшего СССР, а теперь Украины. Там располагается крупный уранообогатительный комбинат, где и давал концерт Виктор.

Тогда в Желтых Водах работали много молодых специалистов-химиков, окончивших лучшие химико-технологические вузы Москвы и Ленинграда. Они приезжали на комбинат по «комсомольским путевкам». Именно в зале Желтоводского химкомбината и прошло первое выступление Виктора Цоя в Желтых Водах.

Второй концерт прошел в кинотеатре «Мир», в зале дискотеки «Эхо». Концерты организовал знакомый Цоя – Анатолий Простаков, дома у которого и ночевал Виктор. Сохранились две неплохие записи выступлений Цоя в Желтых Водах – одна с концерта в «Мире», сделанная Владимиром Борщевым, вторая сделана в зале Желтоводского химкомбината. Дело в том, что в первый день Цой исполнил 15 песен, на второй день 14. Но получилось так, что на втором концерте он исполнил 5 новых песен по сравнению с первым концертом. Кстати, очевидцы приезда Цоя утверждают, что существует еще домашняя запись, сделанная в квартире Простакова...

Константин Бречко:

«Концертов было 2. Минут по 40–45. Практически без комментариев. И для очень маленькой аудитории. В дискотеке было всего 60 кресел, плюс еще около 20 посадочных мест по бокам. Концерт почти не согласовывался с культмассовым отделом ДК (к которому мы относились), посему большинство вопросов решались на свой страх и риск.

Первый концерт Цой спел практически на свое усмотрение, кстати спев на обоих концертах "Группу крови", в то время еще не исполненную для народа. Сказал, что мы чуть ли не первые слушатели. В перерыве между концертами его попросили исполнить вещи, которые нам были более знакомы (записи таскали непосредственно из Ленинградского рок-клуба) – "Троллейбус", "Алюминиевые огурцы", "Восьмиклассница". 87-й – время еще было тяжелое, поэтому все прошло тихо и не шумно. На следующий день он отдохнул здесь и, если мне память не изменяет, на третий Простаков отвез его на самолет».

Анатолий Простаков:

«Прилетел Цой в Кривой Рог, и провожал я его оттуда же. Ему удобней же было, летел самолет прямой из Кривого в самый Ленинград... Жил Цой у меня дома. Фотографировал все – и концерты и прогулку по городу – Юрий Холмогорский. Цоя не приглашали на фотосессии

тогдашние фотопрофессионалы, а любительские черно-белые снимки, сделанные в великом множестве фанатами на концертах, были низкого качества.

Цветное фото в то время даже во многих фотостудиях было, мягко говоря, плохое. Холмогорский же сделал целый фотоальбом с Виктором. В этом альбоме тоже есть снимки среднего качества, то немного передержанные, то немного недоэкспонированные, то подсвеченные другим тоном, то не в фокусе... Но главная портретная фотография выполнена просто идеально. Даже сегодня нет ни малейшего желания ее обрабатывать фотошопом.

Я недавно обнаружил, что именно снимок Юрия Холмогорского, сделанный на фоне кирпичной стены обычной девятиэтажки, является наиболее цитируемой фотографией Виктора Цоя...».

В 1992 году Анатолий Простаков передал фото пленки из архива Юрия Холмогорского Юрию Белишкину. Позже на основе этих фото был выпущен широко известный «Случайный фотоальбом».

Во время проведения летнего Московского кинофестиваля «КИНО» выступило 9 июля 1987 года в знаменитом клубе «ПРОК» (Профессиональный клуб), который работал в Доме кино. В те дни Москва как никогда влекла иностранцев, и на фестиваль не требовалось приглашать мировых звезд по два раза. В рамках работы «ПРОКа» проходили жаркие политические дискуссии, после которых допоздна игрались рок-концерты.

Как вспоминал финский тележурналист Рейо Никкиля, они со своим напарником Кристианом Вальдесом оказались единственной телевизионной группой, снявшей концерт «КИНО». Кристиан снимал видео, а Рейо писал звук на новейшем оборудовании.

Все толпились перед сценой, прыгали, танцевали и подпевали Цою. У стен зала стояли небольшие столики, за которыми сидели мировые звезды, среди которых были Олег Янковский и Роберт де Ниро.

По воспоминаниям очевидцев, в частности Александра Липницкого, именно на этом концерте Гурьянов и «Африка» доставили залу огромное удовольствие своей энергичной, бесшабашной манерой «выделять» ритм, а самому Липницкому несколько неприятных минут доставили разборки со Стасом Наминым, которому они разорвали все пластики на ударной установке.

Сам Цой, с которым Рейо сумел пообщаться после концерта в гримерке Дома кино, был, по его словам, полной противоположностью рок-гиганту на сцене и на задаваемые ему вопросы отвечал с явной неохотой...

К большому сожалению, руководство финского гостелерадио, в архиве которого находится запись, сделанная Кристианом Вальдесом и Рейо Никкиля, решило не продавать ее, найдя какую-то объективную, по их мнению, причину. В Интернете появился лишь небольшой отрывок из фильма Вилле Хаапасалло, в котором использован фрагмент из сделанной на «ПРОКе» записи...

Юрий Каспарян:

«Концерт в Доме кино? Я помню, да, мы там играли... Запомнилось. Там столики были, вдоль стен, со зрителями. Было очень интересно... Было бы здорово увидеть видео с этого концерта...»

Георгий Гурьянов:

«Я, конечно, помню этот концерт. Это было такое немножко панк-выступление. Мы пели "Время есть, а денег нет, и в гости некуда пойти", а в зале стояли столики, и за ними сидели такие зажавшиеся насосы, осетры, у которых времени всегда в обрез, денег до фига и в гости

есть куда пойти. Прямо эпатажный текст был, именно эта строчка. Еще припоминаю момент, по-моему, это как раз на этом концерте было. Вышел на сцену конференсье и объявляет: "Сейчас перед вами выступит барабанщик групп 'КИНО' и 'Популярная механика' ". Я, значит, млею от восторга, думаю, что вроде не собирался выступать с речью... И тут выходит Мальчик Бананан и начинает как бы от моего имени говорить... Самозванец, не умеющий играть ни на одном из музыкальных инструментов... Я в шоке был просто».

Весной 1987 года в Архангельске состоялся самоорганизованный фестиваль местных рок-групп, находящихся под патронажем городского рок-клуба. Как вспоминал **Сергей Богаев**, лидер группы «Облачный край»:

«Весенний фестиваль был тщательно подготовлен и прошел с большой помпой, явившись новым мощным этапом возрождения. Участие уже ставшей знаменитой "Алисы" и первое в истории выступление "Облачного края" – это был пусть маленький, провинциальный, но фурор... Нам понравилось выступать! Очень хотелось еще...».

Выступившему на этом фестивале Кинчеву весьма понравился прием архангелогородцев, и в ответ на приглашение группы «Алиса» в Архангельск, по просьбе Кинчева, ленинградский рок-клуб совместно с клубом «Фонограф» в ЛДМ пригласили «Облачный край» и «Аутодафе» сыграть концерт с «Алисой» в Ленинграде.

Когда музыканты из Архангельска приехали в Питер и добрались до ЛДМ, их всех дружно повязали менты, найдя, что нетрезвый и вызывающий вид молодых людей «противоречит нормам и морали советской молодежи». В кутузку к архангелогородцам менты отправили заодно и Кинчева, который явился было выручать своих друзей (гостей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.